

Джулия Саммер

Черный ворон в наших судьбах

*«Остерегайтесь тех, чей Бог
на небе!»*

**Бернард Шоу, «Человек и
сверхчеловек»**

Пролог

Старый дом на Гавер-стрит, где через три дня должны были начаться ремонтные работы, был окружен толпой случайных прохожих и жителей соседних домов. Вездесущие мальчишки старались подобраться поближе к деревянным скрипучим дверям с отбитой доской, однако несколько полицейских пресекали все их попытки.

На обочине возле дома стояла белая машина «скорой помощи» с ярко-красными полосами и крестами на боковых дверях. Чуть правее от нее была припаркована полицейская машина со включенной сиреной. Ее водитель, молодой мужчина лет тридцати пяти, переговаривался с кем-то по радиии и со скучающим видом смотрел на дом. Сирена, очевидно, ему нисколько не мешала.

Неожиданно скука на его лице преобразилась в недоумение и тревогу — к машине направлялся инспектор Уил Райнер. Всегда спокойный и выдержанный, сейчас он явно был очень взволнован и подавлен.

— Да выключи ты ее! — резко бросил он, когда подошел совсем близко. Стенающий вой оборвался.

— Господин Райнер, неужели что-то серьезное? — спросил водитель, вылезая из машины и внимательно всматриваясь в лицо своего патрона.

Инспектор отмахнулся, отошел в сторону и закурил. Через несколько минут рядом с ним оказался пожилой врач.

— Да, зрелище не из приятных. — тихо сказал он. — Не дадите ли и мне покурить? Хотя нет. Я шесть месяцев как бросил. Никотин — убийца нашего организма.

Врач вздохнул и, помолчав немного, заговорил опять:

— Я всю жизнь посвятил медицине. Через неделю на пенсию уйду. Повидал многое, но то все были несчастные случаи. А вот на место убийства выезжал за всю свою практику только дважды: первый раз — когда еще и недели не проработал, а второй — сегодня. Я могу сказать только одно: в теле этой девочки не осталось ни

одной капли крови. Но сделано это вовсе не зубами последователя графа Дракулы, которым запугивают людей эти паршивые газетенки. Из ребенка не выпили, а выкачали всю кровь. Тот, кто сделал это, не герой мистических романов, и не нужно забивать осиновый кол в его сердце. Он — не неуловимый призрак, а реальное существо, которое у меня язык не поворачивается назвать человеком. Я желаю вам удачи, инспектор. Мне пора.

В это время толпа чуть подалась вперед — из дома вышли санитары с но-силками, покрытыми белой простыней. Врач направился к ним. Райнер проводил его взглядом, вздрогнул, когда захлопнулись дверцы, и, не обращая внимания на назойливого репортера, сел в машину.

За всю дорогу в участок он не проронил ни слова. Интуитивно инспектор чувствовал, что смерть этой девочки была, увы, не последней и что спокойная жизнь его родного города сегодня была нарушена. И надолго.

Часть 1

Глава 1

День не обещал быть теплым и погожим — часы на Ратуше пробили одиннадцать, а улицы города еще не увидели ни одного блика солнца.

Тяжелые серые тучи проплывали так низко, что задевали крыши высотных домов и шпили башен. Резкий порывистый ветер разорвал в клочья туман над Твери, но не в состоянии был полностью рассеять его. С трудом верилось, что это конец июня.

Набережная, обычно многолюдная, в это субботнее утро была почти пустой, если не считать трех пожилых женщин, пару влюбленных, одинокого рыбака и двух стариков, вяло двигавших фигуры на шахматной доске. Женщины оживленно о чем-то говорили то совсем неслышно, то на таких повышенных тонах, что застывший над рекой рыбак оживал и бросал на них сердитые взгляды. На одно мгновение женщины вообще замолчали, а затем зашумели с новой силой, увидев священника, который медленно шел вдоль набережной.

— Какая досада! — вполголоса воскликнула одна из них. — Что ему здесь понадобилось?

— Не понимаю, чем вам не угодил святой отец? Разве священнослужителям нельзя гулять возле реки? — спросила ее соседка.

— Ах, вы разве не знаете, что встреча с ними на улице — к неприятностям?

— Да-да! К неприятностям! — подхватила третья женщина, опасливо косясь на темную фигуру, замершую над водой. — Уж я-то знаю.

Госпожа Барри мне рассказывала, что когда она...

— Да полно вам! Ничего не случится. Тем более что этого священника священником можно назвать только с натяжкой.

— Почему, почему с натяжкой?

— Неужели вы не видите?

— Я не взяла очки. А что такое?

— Он же совсем молоденький. Почти мальчик. От встречи с ним не будет никакой беды никому.

— Да-да, вы правы, дорогая! Никакой беды.

Женщины замолчали и обратили все свое внимание на неподвижно стоящего юношу, который пристально всматривался в темные вода Тевери. Вода, казалось, заморозила его и полностью завладела всем его существом. Прошло минут двадцать, прежде чем он пришел в себя. Юноша встрепенулся, взглянул на часы, а затем быстро пошел по набережной.

Молодой священник миновал богатые кварталы с дорогими магазинами и яркими рекламными щитами, свернул в тихий переулок и облегченно вздохнул, когда оказался возле серого четырехэтажного дома. Юноша зашел в темное парадное и поднялся на четвертый этаж. Он негромко постучал в дверь, что находилась слева от лестничной площадки. Ему никто не ответил. Священник порылся в карманах, достал небольшую

Библию в кожаном тисненном переплете и ключ. Тихо скрипнувшая дверь поддалась не сразу и заставила его несколько раз чертыхнуться. Наконец юноша попал в крошечную прихожую, а из нее — в маленькую комнатку, больше напоминающую келью. Убогая обстановка говорила о том, что здесь живет человек, еле сводящий концы с концами.

Везде царили чистота и порядок — скромная комната дышала домашним уютом. Благодаря этому ее убогость не сильно бросалась в глаза. На колченогом письменном столе лежали аккуратные стопки книг, несколько тетрадей, карандаши и две ручки. Помимо стола в комнате были допотопного вида продавленная кушетка, скособоченный шкаф, похожий на башню в Пизе, и готовое в любой момент рухнуть кресло, а также шаткий стул, стоящий в полоборота к столу. На полу лежал тонкий выцветший коврик, на голой стене над кушеткой висели две фотографии: большая — женщины средних лет и очень маленькая — с изображением молоденькой девушки.

Священник небрежно бросил на стол Библию, распахнул окно, закурил и опустился в кресло. Прошло меньше получаса, и на лестнице послышались шаги. Лицо священника осветила улыбка. Он повернулся к двери, которая медленно открылась. Так же медленно в квартиру вошел молодой человек в тщательно отутюженном

костюме.

— Ты даже не достал ключ, — заметил священник.

— Я всегда чувствую, когда ты приходишь ко мне.

— Ну что, Бран? — нетерпеливо спросил священник.

Юноша усмехнулся и промолчал.

— Постой. Неужели ты провалил...

— Нет. Почему же. Диплом со мной, — вновь прибывший похлопал по внутреннему карману пиджака. — Заметь: свободный диплом. Понимаешь, что это значит? Это значит, что вскоре мне придется покинуть Локворд! Я не смогу найти работу по специальности. Я не смогу устроиться даже санитаром! И все пойдет к черту!

Не раздеваясь, юноша бросился на кушетку и повернулся лицом к стене.

Все попытки священника возобновить разговор ни к чему не привели — парень упорно молчал и ни на что не реагировал.

Эти два молодых человека были выпускниками Локвордской Академии богословского и медицинского факультетов. Старшего, священника, звали Ивил Айсед, младшего — Бран Блэк. Они познакомились четыре с половиной года назад в маленьком студенческом кафе «Шапито» и с тех пор почти все свое

свободное время проводили вместе. Небольшая разница в возрасте была незаметна ни одному, ни другому. В молодых людях было много общих черт. Схожесть характеров и взглядов на жизнь, одинаковые привычки — все это сблизило их и сделало друзьями.

Ивил Айсед был сыном состоятельных родителей. Рано потеряв мать, мальчик оказался предоставлен сам себе — его отец вел беспутную жизнь и на некоторое время вообще забыл, что у него есть ребенок. Однако в какой-то определенный момент в нем произошел душевный надлом и Айсед-старший решил загладить свои старые грехи тем, что посвятил своего единственного сына Богу, пригрозив оторвать мальчику голову в случае неповиновения. Зная крутой нрав своего отца, Ивил покорился. Он чувствовал отвращение к своим занятиям и еще больше — к своему облачению. Однако ему давно стало понятно, что отчаиваться не стоит, потому что многие священники ведут далеко не праведную жизнь, совершают грехи, а всемогущий Бог все спускает им с рук.

Три года назад Ивил окончил Академию. Отзывы о нем были самые лестные. Юноша стал приором и получил свой приход, даже несмотря на то, что не обзавелся женой. В награду за безукоризненное поведение Айсед-старший отдал весь завещанный сыну капитал какому-то

монастырю и со спокойной душой умер, оставив Ивила нищим. Все свои надежды юноша связывал с этими деньгами, надеясь когда-нибудь скинуть свою черную сугану и жить так, как ему хочется. Он едва не задохнулся, когда услышал завещание отца. Ивил, ошеломленный таким поворотом дела, вышел на улицу и тут же поклялся, что докажет своему покойному папаше то, что он не нуждается ни в каком наследстве.

Однако это было нелегкой задачей, чтобы добиться определенной цели, нужно иметь положение в обществе. Поэтому, скрепя сердце, Ивил остался священником, решив, что сделает карьеру на поприще богослужения. Ему удалось обратить на себя внимание высшего духовенства, и сейчас Ивил твердо стоял на первой ступени лестницы своего успеха и был готов взойти на вторую.

С Браном Блэком все было иначе: медицина манила его с детских лет. К тому же все мужчины его рода были хирургами. Пока был жив отец, семья Брана не бедствовала. Но после его смерти все деньги попали в руки Рона, его старшего брата, ставшего единственным владельцем небольшой клиники. Рон Блэк не жаловал своих родственников, не давал им никаких денег, твердя, что весь капитал находится в обороте. Став опекуном Брана, Рон присвоил себе все его деньги,

и даже когда юноша уехал учиться, не дал ему ни гроша на обучение.

Бран, понимая, что матери приходится нелегко, писал, что получает большую стипендию и ему хватает на жизнь. Но это было не так: большая часть денег уходила на обучение, другая — на оплату квартиры, а третью он посылал матери. Бран много занимался, а ночью работал — ему улыбнулась удача, ведь в Локворде найти работу было практически невозможно. Зачастую Бран ничего не ел целыми днями, и когда его встретил Ивил Айсед, юноша был на грани истощения. Ивил помогал своему другу, и благодаря ему Бран окончательно не подорвал свое здоровье.

Блэк был на редкость талантливым и способным. Профессора восхищались им и прочили блестящее будущее. Уже на первом курсе Бран четко осознал, чего хочет от жизни. У него кружилась голова от похвал. Юноша мечтал, что после окончания учебы навсегда останется в Локворде, и к нему переедут мама и Кэролайн, девушка, которую он считал своей невестой. Бран думал о том, что будет много работать, купит шикарный особняк в самом престижном районе, что у него будет богатая клиентура, имя и мировая известность первого хирурга.

Год за годом юноша возводил свой воздушный замок, который твердо стоял до дня

окончания Академии. В день, когда выдавали дипломы и проходило распределение, замок рухнул, как карточный домик. Многие соученики Брана не имели даже самой малой склонности к медицине, но зато их родители имели деньги и связи. Поэтому именно они получили такие престижные места, о которых талантливый юноша, не имевший ничего, мог только мечтать. Приговор был окончательный: Бран получил предписание вернуться в свой родной город Нед-Айленд и там уже своими силами пробиваться в жизни — самостоятельно искать работу, похоронив себя вдали от Локворда.

После распределения целый день до вечера Бран в своем единственном выходном костюме пролежал на кушетке лицом к стене, не двигаясь, не говоря ни слова, не подавая никаких признаков жизни. Его маленькая комната на четвертом этаже казалась еще темней и безрадостней из-за пасмурного дня, тяжелых серых туч и монотонного стука начавшегося дождя.

Ивил на время оставил бесплодные попытки утешить Брана. Он то сидел у изголовья его кровати, то неслышно ходил по комнате, поджав губы и время от времени качая головой, то тихо стоял у окна, глядя на улицу и перебирая четки. На некоторое время Ивил покидал квартиру и приносил обед, а потом — ужин. Он вновь

попытался поднять Брана с кушетки, просил, угрожал, стыдил. Но все было тщетно: гробовое молчание оставалось единственным ответом.

День прошел. Стемнело. В окнах соседних домов зажглись огни, а друзья находились в темноте и тишине, нарушаемых огоньком сигареты Ивила и негромким тиканьем настольных часов.

Но вот Бран пошевелился, медленно встал и подошел к столу. Ивил пристально следил за его смутно вырисовывающейся в темноте фигурой.

— Ну наконец-то! Хвала Богу, ты приходишь в норму, — заговорил священник, думая, что его друг проголодался. Он встал и включил свет, чтобы Брану было удобней. Бледное и как-то сразу осунувшееся лицо с безумным блуждающим взглядом напугало Айседа еще больше, чем мертвая неподвижность.

Бран не притронулся к еде — он что-то лихорадочно искал в своей сумке. Затем юноша столкнул ее на пол, сказал непонятную фразу и, не торопясь, достал из нагрудного кармана свой диплом.

— Ты что? — спросил Ивил, внимательно следя за каждым движением друга.

— Ничего, — глухо ответил Бран. — Вот он, ради которого я почти шесть лет горбатился над учебниками, жил в этой проклятой комнатенке, годами не виделся с теми, кого люблю. Я-то думал,

что день, когда он появится в моих руках, станет счастливейшим в жизни. Но нет. Нет. Этот диплом ничего не дал мне. Ни уверенности в себе и в будущем, ни ключа к успеху. Ни черта! Ненужная бумага. Хлам! А что мы со всем этим делаем?

— Бран дернул половинки диплома в разные стороны, намереваясь разорвать, но он не поддался. Тогда юноша бросился к окну, чтоб швырнуть диплом в канал, протекавший недалеко от дома. Однако Ивил быстро подбежал к нему, отобрал красную книжицу и, оттолкнув Брана к стулу, закрыл окно.

Юноша заслонил лицо руками и, склонившись к коленям, беззвучно затрясся. Ивилу показалось, что он плачет. Но Бран выпрямился и, откинувшись на спинку стула, расхохотался. Священник взял со стола чашку и выплеснул холодный чай в лицо юноши.

— У тебя истерика. Успокойся, — тихо сказал он.

Бран замолчал, вытер стекавшую по щекам воду и посмотрел на Ивила так, как будто только сейчас заметил его присутствие. Айсед сел за стол напротив друга и, помолчав немного, сказал:

— Возьми себя в руки, Бран. Ты ведешь себя, как ненормальный.

— А как бы ты себя чувствовал в моем положении? Знаешь... Знаешь, когда мне сказали,

что, к сожалению, больше вакантных мест нет, я почувствовал, как что-то рушится вокруг меня. Посмотрел — все было, как обычно, все спокойно, все на своих местах. Я тогда понял, что все рушится во мне. Все мои мечты разбились вдребезги. И мне вдруг не захотелось жить. Слышишь? Я не хочу больше жить... Потому что у меня нет денег... ничего нет. Не хочу жить. Я...

— Достаточно. Незачем повторять это много раз. Я не debil. Я сразу понял, что тебе надоела жизнь. Ну что ж... Есть несколько выходов... — Каких? — Бран подался вперед и не отрывал глаз от лица священника. Ивил потрясающе растянул паузу, а затем, серьезно глядя на него сказал:

— Выход первый: отрежь кусок моей рясы, сделай маску, выйди на улицу и грабь одиноких прохожих! Или нет! Лучше всего прыгай-ка вниз. Туда, на асфальт. Может, тебе повезет, и ты сразу раскроишь себе череп. Ну что ты смотришь? Давай! Я подтолкну тебя в случае необходимости и спою отходную. Согласен? — Ивил стремительно подошел к окну, распахнул его и оглянулся на Брана. — Чего ты медлишь? Представь, как все будут жалеть тебя: бедный мальчик, умер в расцвете. Это тебя не вдохновляет?

Бран недоумевающе смотрел на него и не двигался с места. Ивил закрыл окно, вернулся и сел напротив друга.

— Ты что возомнил о своей персоне, Бран Блэк? Ты решил, что твой путь должен быть устлан лепестками роз? Этого не бывает. Запомни. Кто-то сказал, что жизнь — борьба. Этот человек был прав. Я и не предполагал, что ты такой слабак, что первая неудача доведет тебя до помешательства. Ты — эгоистичная свинья. Ты в первую очередь подумал о себе: ах, мальчику сделали больно, и он решил наложить на себя руки. А о своей матери ты подумал? Что будет с ней? По-твоему, пусть она умирает от горя, а тебя это не касается? Ты — не калека. Ты с головой, руками и ногами, здоровый парень, который должен работать, а не биться в истерике. Но ты — мелкая душонка, ты — трус, испугавшийся жизни. Ты тряпка. Кроме презрения ничего к тебе испытывать нельзя!

Ивил наблюдал, как у Брана от злости побелели губы, и продолжал бить его своими колючими словами.

Во всех окнах погасли огни, только в одном всю ночь горел свет, и были видны два темных силуэта.

Рассвет застал их все так же сидящими друг напротив друга. Ивил устало посмотрел в окно и зажмурился от солнечного света.

— Уже утро, Бран. Я пойду.

— Может, позавтракаем вместе?

— Нет. Складывай вещи и ложись спать.

Билет и твою квартирную хозяйку я беру на себя, — Айсед положил в карман четки, взял Библию и бесшумно вышел.

Бран был спокоен, даже весел. Он упаковал свой чемодан и прилег на кушетку. Юноша не слышал ни того, как в его квартире появился Ивил, ни шума начавшегося ливня, ни раскатов грома. На лице его застыла легкая, умиротворенная улыбка. В нужное время Айсед разбудил друга, тронув за плечо.

Вскоре оба молодых человека шли по улицам, перепрыгивая через лужи. Опустевший во время дождя город вновь наполнялся людьми. Закрывались разноцветные зонты. Тучи разошлись, и выглянуло солнце. Двери автобуса сомкнулись прямо перед юношами. Ждать следующий не было смысла, и они решили идти пешком. До поезда было еще много времени, Брану захотелось проститься с кварталом, который на шесть лет стал его пристанищем.

Неожиданно он сбавил ход, а затем остановился.

— Что случилось? — спросил Ивил.

Бран поморщился и указал на роскошный открытый автомобиль ядовито-зеленого цвета, который стоял возле тротуара. В нем сидели две вульгарные блондинки и молодой человек с оттопыренными ушами.

— Кто это? — спросил Айсед.

— Пирс, — нехотя ответил Бран. — Вот кого не хотел встретить. Но поздно, он нас заметил. Придется подойти.

Пирс, сын крупного магната и соученик Брана, глядел на друзей и что-то говорил своим спутникам.

Когда они подошли к машине, лицо Пирса расплылось в улыбке, отчего стало очень отталкивающим. Он ненавидел Брана, всегда завидовал похвалам в его адрес, но никогда не показывал этого.

— Бран, дружище! Привет, — начал Пирс с таким восторгом, будто они не виделись десять лет. — Неужели уезжаешь? Так скоро. Остался б на недельку, мы погуляли бы, покутили. Я могу познакомить тебя с хорошими девочками, — он притворно вздохнул и продолжил: — Мне очень жаль, что ты уезжаешь, — ведь ты такой способный, лучший наш студент! Да, кстати, слышал? Меня направили в клинику на Иствуде. Помнится, ты мечтал попасть именно туда? Что поделаешь. Тебе придется туго. Но, Бран, не расстраивайся, я уверен: ты станешь хирургом. Обязательно станешь — лет через пятнадцать-двадцать. Я даже сейчас могу представить, как ты трудишься в маленькой развалюшке, у которой все удобства во дворе.

Предел мечтаний! Правда, крошки?

Девушки прыснули, а Пирс перевел взгляд на Ивила:

— А! Святой брат, здравствуйте! Не исповедуете ли этих милых девочек? А? Ты прости, Бран, что не предлагаю подвезти тебя — опасаясь за твоего духовного наставника: вдруг к концу дороги он развратится и выйдет из машины попом-расстригой?

Ивил с бесстрастным выражением холодно смотрел на Пирса и не обращал никакого внимания на подмигивающих ему блондинок. Бран небрежно оперся о дверцу машины и, приблизив лицо к Пирсу, сказал:

— Да, я стану хирургом, Пирс, и тогда ничто не помешает мне заняться твоими ушами. Они, кажется, немного великоваты? Правда, крошки?

Обе девушки расхохотались, а Пирс стал пунцовым.

— Впрочем, — продолжал Бран, — дело, может, вовсе не в ушах, а в голове — она слишком мала, потому что в ней нет мозгов. Не отчаивайся, Пирс, когда-нибудь я займусь и этим. А сейчас, прощай. Счастливо оставаться. Береги уши, смотри, чтоб их не прищемило дверцами.

Бран и Ивил оставили сердито сопящего Пирса и давящихся от хохота девиц. Не успели они пройти и сотни метров, как их забрызгала

проезжавшая мимо зеленая машина. На мгновение друзья остановились, чтоб отряхнуться. Ивил посмотрел вслед Пирсу, глаза его сузились и вспыхнули недобрый огоньком.

— Клянусь, Бран, когда-нибудь мы заставим его хорошенько поплясать, — тихо сказал он.

До отхода поезда оставалось семь минут. Бран и Ивил вышли на перрон, оставив вещи в купе. Они курили и избегали смотреть в глаза друг другу.

— Значит, ты окончательно и бесповоротно решил жениться? — нарушил молчание Ивил.

— Да. Ты не представляешь, какая замечательная девушка Кэрри. Я знаю ее с детства. Мне бы очень хотелось, чтоб венчал нас ты, — ответил Бран, взглянув на Айседа.

— Я тоже хотел этого, но ты ведь знаешь, что еще два года я не могу покинуть свой приход. Глупые правила. Если вы не поспешите с детьми, то я обязательно буду их крестить, Бран... Мне жаль, что ты уезжаешь, — Ивил нахмурился и отвернулся в сторону.

Бран внимательно посмотрел на него и вдруг ясно осознал то, что он действительно уезжает из Локворда и очень долгое время, а может, и никогда больше не увидит Айседа, который так много значит в его жизни. Бран понял, как глупа была вчерашняя вспышка его горя, и если бы нечто похожее произошло с Ивиллом, то он, наверное, не

стал бы даже жаловаться. А ведь положение Айседа было намного хуже: его занятие не приносило ему радости и удовлетворения. У него, в отличие от Брана, не было ни друзей, ни любящей матери, ни невесты. В этом мире он был одинок, но никогда не роптал, а находил слова утешения для других. В который раз Бран восхитился своим другом, и странное щемящее чувство сочувствия и любви заставило его крепко обнять Ивила:

— Я обязательно приеду к тебе и буду часто писать. Ведь мы не навсегда расстаемся? Правда?

— Кто знает, Бран. Но я всегда буду думать о тебе и никогда не забуду. Поспеши. Поезд тронулся, — Ивил отстранил от себя юношу.

Бран легко заскочил на площадку тамбура и, держась за поручень, свесился вперед, не обращая внимания на ворчавшего проводника. Он, не отрываясь, смотрел на идущего по перрону Ивила, который улыбался и махал ему рукой, ускоряя шаг по мере того, как набирал ход поезд. Бран не был сентиментальным человеком, но подступивший к горлу комок заставил его усомниться в этом.

Спокойное лицо Айседа ни разу не изменилось, но юноша знал, что ему тоже тяжело. Поезд набирал скорость, все провожающие отстали, и только Ивил еще бежал по перрону, легко отталкиваясь от серого асфальта. — Будь счастлив, Бран! — до юноши донеслись последние слова

друга, мгновенно утонувшие в стуке колес и свисте ветра. Перрон окончился — будто оборвался — и остался далеко позади, а Бран еще долго смотрел на уменьшающуюся фигуру в черной сутане, одинокую, неподвижно стоящую на самом краю платформы.

Глава 2

Юноша, не торопясь, пошел в купе, где уже разместились его попутчики: маленькая чопорная старушка, дама преклонного возраста, в которой угадывалась преподавательница колледжа, и немолодой мужчина с недовольным лицом.

Путь предстоял долгий, и Брану почему-то хотелось поговорить с кем-нибудь. Однако его соседи не могли стать хорошими собеседниками: мужчина сразу уткнулся в газету, положив рядом с собой стопку журналов, изучением которых он занимался до вечера, отвлекаясь только на обед и ужин. Обе женщины говорили, не смолкая. Старушка жаловалась на свое здоровье — казалось, что в мире нет ни одного недуга, которым бы она не страдала, и ни одной болезни, которой бы она не переболела. Преподавательница была поглощена двумя глобальными проблемами: страхом того, что ее дочь останется старой девой, и уверенностью в том, что ее муж изменяет ей с каждой встречной.

Затем их беседа плавно перетекла в осуждение молодого поколения. Старушка поведала о том, как группа подвыпивших подростков устроила погром в метро. Не сговариваясь, обе женщины так взглянули на Брана, как будто это он лично руководил погромщиками. Юноше стало смешно, и он с трудом сдержал улыбку.

Посидев еще немного в купе, Бран вышел — он решительно не знал, чем заняться. Все же ему удалось убить время: юноша долго курил в тамбуре, заглянул в вагон-ресторан, где подробно ознакомился с меню, бесцельно походил по всему составу и, наконец, вернулся в свое купе. По тому, как сразу встрепенулись женщины и как зажглись их глаза, Бран понял, что все их темы уже исчерпаны, а он стал поводом для возобновления прервавшегося разговора. Юноша моментально подвергся перекрестному допросу. Его спрашивали обо всем, и казалось, что обе эти дамы агенты какой-то разведки. От их трескотни у Брана разболелась голова. К счастью, время было позднее и вскоре его попутчики стали укладываться спать. Когда они уснули, Бран вышел в коридор — его мучили бессонница и целый рой мыслей, теснившихся в голове. С одной стороны, он был счастлив, потому что возвращался домой и после долгой разлуки должен был вновь увидеть маму, Кэролайн и своих давних друзей, с другой — ему

было тяжело и грустно, потому что пришлось расстаться с Ивиллом и со своими мечтами.

Бран смотрел в темное окно и прислушивался к равномерному стуку колес. Вскоре его внимание привлек проводник, который стоял в противоположной стороне коридора и тоже смотрел в окно. Поймав взгляд молодого человека, проводник подошел к нему и спросил, не мешает ли, если нарушит его одиночество. Бран ответил, что ему будет приятно — он не терпит дорожной скуки.

— Вам, я вижу, не спится? — спросил проводник.

— Да. Никак не могу уснуть.

— Я тоже. Сегодня душная ночь, очевидно, будет гроза, — он пошире открыл окно, подставляя лицо встречному ветру. — Хотите чаю?

Бран был не против, поэтому он тотчас оказался в купе Криса (так звали проводника) и наблюдал, как тот разливает кипяток по сразу мутнеющим стаканам. Затем он протянул Брану рафинад и сел напротив. Некоторое время они молчали и пили обжигающий чай. На юношу вся эта обстановка действовала успокаивающе, и он проникался все большей симпатией к своему неожиданному собеседнику.

Крис оказался на редкость разговорчивым человеком, который был просто счастлив, найдя в

Бране благодарного слушателя. Юноша, в свою очередь, ничего не тая, рассказал ему о своей учебе, планах и их полном крахе. Все происходило так, как это обычно бывает между случайными попугчиками, которые на короткое время сходятся вместе, чтоб потом распрощаться навсегда и сразу же забыть друг друга.

— Вы очень тщеславны и очень многого хотите от жизни, Бран, — сказал Крис, отставляя в сторону стакан. — Я желаю, чтобы сбылось все, о чем вы мечтаете.

— Спасибо, думаю, что все так и будет. Я очень настойчивый и упрямый.

— Это еще ничего не значит. Главное — судьба, — на мгновение Крис задумался. — Постойте, вы живете в Нед-Айленде?

— Да, — ответил Бран.

— Тогда обязательно сходите к мадам Лесталь. Я дам вам ее адрес. Сестра моей жены как-то была у нее, когда гостила в вашем городе. Мадам поразительно угадывает прошлое и предсказывает будущее.

— Никогда не общался с прорицателями. Вы меня просто заинтриговали, Крис. Я не слышал о такой женщине. Даже странно. Мне казалось, что я знаю обо всем в Нед-Айленде.

— Не удивительно. Сейчас власти все хуже стали относиться к людям с такого рода занятиями,

а церковь вообще мечтает о временах, когда колдунов сжигали на кострах.

— Средневековая дикость, — Бран поежился, — но, честно говоря, я считаю, что все колдуны и предсказатели — обыкновенные шарлатаны, дурачащие людей. Однако мне очень хочется пообщаться с таким человеком, и я воспользуюсь вашим советом.

В это время поезд остановился на какой-то станции, и Крис вышел, сказав, что хочет увидаться с приятелем, который работает здесь в ночную смену.

Бран налил еще чаю и принялся рассматривать здание вокзала. Когда поезд тронулся, юноша стал беспокоиться, не отстанет ли Крис. Он уже встал и собирался выйти в коридор, когда двери открылись, и проводник зашел в купе.

— Вы уже уходите? — с сожалением спросил он.

— Нет. Я просто подумал, что вы забыли об отходе поезда.

— Ну что вы, Бран. Я езжу много лет и по расписанию своего поезда могу сверять часы так же, как само расписание можно сверить с будильником, который расположен у меня внутри, — проводник выглянул в окно и помахал рукой человеку в комбинезоне.

Вскоре исчезли и друг Криса, и здание

вокзала, и огни. За окном стало темно, только луна бросала неяркий свет на поле, мимо которого мчался поезд. Эта немного печальная и таинственная панорама заставила Брана вновь погрузиться в свои мысли. Некоторое время Крис тоже молчал, глядя в окно, затем он повернулся к своему гостю и спросил:

— Хочу задать вам немного странный вопрос, Бран. Что вы знаете о камнях? Вопрос действительно был не совсем обычным и неожиданным. Юноша оторвался от созерцания залитого лунным светом пейзажа и переспросил:

— Камнях? Каких, драгоценных?

— Нет. О простых камнях.

Бран пожал плечами.

— А я знаю все. Вернее, большую часть, потому что обо всем нам не дано знать, — Крис замолчал, а потом продолжил. — Скажите, а имя Керк Гинсбург вам ничего не говорит?

Это имя было знакомо Брану. Он напряг память и вскоре уже точно мог сказать, что так звали знаменитого скульптора. Однажды его работы выставлялись в Нед-Айленде. Это было давно, однако юноша хорошо помнил тот день, когда они всей семьей ходили на выставку. Тогда еще был жив отец Брана, а он считал себя горячим поклонником этого мастера и просил сына быть внимательным, запоминать все увиденное — кто

знает, может, у него больше уже не будет такой возможности. А спустя некоторое время в газетах появились статьи с сообщением о том, что Керк Гинсбург трагически погиб в автокатастрофе, уйдя из жизни в зените славы.

Бран сразу же поделился с Крисом своими воспоминаниями. Тот печально покачал головой. — Керк Гинсбург — мой отец.

Юноша с любопытством, к которому примешивалась маленькая доля недоверия, смотрел на своего собеседника. Однако Крис этого не замечал, продолжая говорить, задумчиво глядя в окно.

— К сожалению, а может, и к счастью, я не унаследовал отцовского таланта. С раннего детства мне не сиделось на месте. Выбор профессии шокировал мою семью, все пытались меня отговорить. Все, кроме отца. Он понимал, что каждому предназначено свое, поэтому никогда не пытался оказать влияние на меня. Я благодарен ему и ни о чем не жалею.

Брану было немного странно видеть сына такого знаменитого человека в более чем скромной обстановке, но в то же время очень приятно оттого, что Крис ведет себя просто и нисколько не кичится своим родством.

— Мы немного отвлеклись, — спохватился Гинсбург. — Я очень люблю рассказы о необычных

вещах, а сегодня такая ночь, что просто невозможно удержаться. Хочу еще спросить. Вы когда-нибудь слышали о джентри?

Бран ответил, что раньше так называли мелкопоместных дворян.

Крис опустил голову, как бы собираясь с мыслями, а затем заговорил:

— В детстве мне нравилось иногда приходить в мастерскую отца и смотреть, как он работает. Я сидел тихо и, не дыша, наблюдал за каждым его движением. Отец, казалось, не замечал меня, но знал о моем присутствии. Он негромко разговаривал с глыбами камней и нежно гладил их неровные бока. Так он делал всегда, и эти камни становились податливыми, полностью покорялись ему. Я хорошо помню дождливый вечер, когда впервые нарушил свой обет молчания, который дал матери, и спросил у отца, почему он говорит с камнями. Отец подозвал меня к себе и усадил рядом, а потом рассказал об очень заинтересовавших меня вещах. Отец сказал, что неприступные скалы и утесы, валуны, которые часто встречаются в поле, и морская галька — все это живые существа. Время одного удара их сердца равно одному году. Однако не все камни одинаковы: у них, так же, как и у людей, есть что-то вроде рас или народностей. Их три. Первая — самая многочисленная. Это просто живые, ничем не

примечательные, безобидные существа. Вторые — похожи на бесноватых людей — они одержимы каким-то злым духом, который избрал их тела для своего обитания. Не дай Бог перенести их с того места, где они покоились, в другое или, еще хуже, пнуть ногой ужасные последствия не заставят себя ждать, и никто никогда не поверит, что причиной трагедии стал случайно задетый камень. К третьей относится очень маленькое количество камней. И это не удивительно. Знающие люди называют их «камнями мертвых», они — дверь в иной мир. В этой связи можно упомянуть «джентри».

Проводник сделал паузу, как бы подбирая слова:

— «Джентри» — это материализовавшиеся умершие люди...

— Простите, Крис, за резкость моего суждения, я считаю все это выдумками. Я врач и верю только в науку, а она отрицает...

— Это вы сейчас так говорите, — перебил его Гинсбург.

— Неужели вы сталкивались с этими «джентри»?

— Не дай Бог, я очень этого боюсь. Но мне знаком человек, который общался с одним из них. Этот человек тоже не верил...

— Хорошо, а как появляются «джентри»? — спросил Бран. Он не собирался поверить словам

Криса, просто ему было интересно, что выдумали о происхождении этих существ.

Проводник обрадовался этому вопросу и принялся рассказывать:

— Допустим, умирает человек. Умирает не своей смертью, а в результате несчастного случая или убийства. Его хоронят, делают памятник, не подозревая, что материалом для него послужил «камень мертвых», случайно попавший в мастерскую. Поэтому душа умершего долгое время не может покинуть пределы земного мира и перейти в другой. Она блуждает в темноте между этими двумя мирами не в состоянии найти покоя, потому что не прожила отмеренного ей срока. Проходит несколько лет, и в одну из годовщин гибели человека «камень мертвых» начинает действовать. Он буквально вырывает душу умершего из темноты и выталкивает обратно, туда, откуда она пришла. Потом у души появляется тело — она как бы материализуется за счет неистраченной энергии и живет благодаря ей. Так рождается «джентри», человек, который погиб, но получил вторую жизнь. Он ничем не отличается от остальных. Он так же может умереть от болезни или несчастного случая, но также из-за того, если отдаст свою энергию другому человеку. Лично я не хотел бы оказаться виновником его смерти.

— А что происходит с «джентри», который в

силу каких-то причин не смог прижиться среди людей?

— Я точно не знаю. Наверное, он просто исчезает. Приходит ниоткуда и уходит в никуда. Иногда меня охватывает ужас: а вдруг люди, с которыми каждый день сталкиваешься на улице или здесь, в поезде, на самом деле — «джентри»?

Брану почему-то стало не по себе. Все вокруг показалось ему зловещим, предвещавшим беду.

Крис заметил это и переменял тему: он стал рассказывать разные забавные случаи. Юноша слушал его с интересом, признавая, что Гинсбург виртуозно пугает и смешит. Вскоре Бран почувствовал, что засыпает. Он медленно падал в черную бездну, а голос Криса становился все тише, пока не смолк совсем. Юноша проснулся от резкого толчка и лязга металла. Открыв глаза, он несколько мгновений не мог понять, где находится. Затем в его памяти всплыл вчерашний вечер, и Брану стало ясно, что он уснул в купе проводника. Юноша встал и посмотрел в окно — уже был день, и светило солнце. Поезд медленно двигался, покидая какую-то станцию. — Доброе утро, Бран, — в купе внезапно появился Крис, — я не стал вас будить — вы так крепко спали. Сейчас можете пойти в вагон-ресторан — у них сегодня великолепный завтрак. Я попросил оставить для вас место. Но прежде всего зайдите к своим соседям по купе.

— Благодарю за все, Крис. Но что с ними случилось?

— А вы зайдите, зайдите, — рассмеялся Гинсбург.

Бран вышел в коридор и направился к дверям своего купе. В этот момент они резко открылись, и навстречу юноше ринулась преподавательница. Увидев его, женщина схватилась за грудь и, остановившись, закатила глаза.

— У меня больное сердце, молодой человек, — хрипло сказала она.

— Вам плохо? Принести воды? — Бран быстро подошел к ней, чтобы поддержать.

— Вы так меня напугали! Я до сих пор не могу прийти в себя, — пожаловалась женщина.

Бран недоумевающе смотрел на нее.

— Еще вчера днем мне показалось, что у вас в жизни произошла трагедия, — продолжала преподавательница. — Эта мысль не оставляла меня весь вечер. Когда мы легли спать, я сразу уснула, а через некоторое время открыла глаза, осмотрелась и увидела, что вас нет. Не придав этому значения, я вновь уснула, а затем внезапно проснулась среди ночи — ваша постель была не тронута. Меня охватила тревога, и я не смогла уснуть до утра. Когда вы не появились и утром, меня посетила страшная мысль о том, что вы покончили жизнь самоубийством, выбросившись из

поезда на полном его ходу. Я тотчас разбудила наших попутчиков, и мы с ними побежали осматривать тамбуры, чтобы найти распахнутую дверь, подтвердив мою ужасную догадку. Я чуть не сошла с ума!

— Успокойтесь. Все хорошо. Просто я разговаривал с нашим проводником и уснул в его купе, — сказал Бран, заводя женщину обратно. Увидев юношу, старушка возвела к небу глаза и стала благодарить Бога, а мужчина, пробормотав что-то нечленораздельное, уткнулся в газету.

Время прошло на редкость быстро, и поздним вечером Бран ступил на перрон Нед-Айленда.

— Ну что ж, прощайте, Бран. Желаю вам удачи, — сказал Крис, глядя на юношу с верхней ступеньки тамбура. — Постойте, я чуть не забыл. Возьмите, — с этими словами Гинсбург протянул Брану вчетверо сложенный листок бумаги. Юноша положил его в карман и, улыбнувшись, помахал проводнику рукой.

— Прощайте, Крис, мне было очень приятно общаться с вами. Я и не заметил, как окончилась эта долгая дорога.

Удаляющийся поезд едва вырисовывался в сумерках летнего вечера. Юноша смотрел ему вслед до тех пор, пока не исчезли его огни. Затем Бран полной грудью вдохнул воздух родного города и направился к зданию вокзала.

Глава 3

На автобусной остановке было немногочленно. Четверо рабочих в спецовках громко разговаривали и смеялись, подвыпивший мужчина в мятом костюме самозабвенно обнимал фонарный столб. Однако никто из людей в данный момент не занимал Брана. Он отвернулся ото всех, курил, смотрел, как тает сигаретный дым, и мечтал о том времени, когда у него появится своя машина — тогда уже не нужно будет тратить столько времени, ожидая общественный транспорт. Наконец подъехал ярко-оранжевый автобус. Как только все вошли, в салоне погас свет, однако пассажиров это нисколько не огорчило.

Всю дорогу Бран глядел в окно, отмечая некоторые изменения, произошедшие с тех пор, как он в последний раз был в Нед-Айленде: взметнулись вверх несколько новых высотных домов, на площади Гербер появились казино и кинотеатр, там, где раньше из земли торчали бетонные столбы, возник мост с оживленной трассой.

Юноша вышел за несколько кварталов от своего дома, чтобы пройтись пешком, привести в порядок мысли и подготовиться ко встрече с мамой — она не должна знать, какое жестокое разочарование постигло его в Локворде, и как ему

не хотелось возвращаться в Нед-Айленд. Он должен казаться удовлетворенным и счастливым, чтоб она не переживала и не сокрушалась по этому поводу.

Как тихо и спокойно на улице детства! Брану показалось, что он никогда не был в суматошном Локворде, никогда не покидал Нед-Айленд и эту улочку, никогда не жил вдали от родительского дома. Юноша медленно шел, погруженный в себя, рассеянно скользя взглядом по знакомым, родным местам и находя их почти без изменений.

Мимо Брана проехало такси. Отъехав несколько десятков метров, машина сделала такой резкий поворот, что юноше показалось, будто она вот-вот перевернется. Затем автомобиль на довольно большой скорости помчался прямо на Брана, который настолько опешил, что застыл на месте. Резко затормозив, такси остановилось в каких-то полутора метрах от юноши, продолжавшего изумленно смотреть на него. Если бы за рулем сидел скверный водитель, то эта «шутка» могла бы дорого обойтись Брану. Дверца шумно распахнулась, и из машины стремительно вышел светловолосый парень в черных брюках и длинной рубашке с закатанными по локоть рукавами. Его серые глаза искрились весельем — похоже, что растерянный вид стоявшего на дороге человека ужасно смешил его.

— Бран! Как я рад тебя видеть! Ты меня не узнал?

Теплая волна радости и лавина детских воспоминаний захлестнули юношу — это был Питер Вуд, его самый близкий друг, неизменный товарищ всех игр и шалостей. Молодые люди крепко обнялись. Затем, легонько отстранившись, Питер сказал:

— Какой ты стал важный и серьезный, господин врач! Но все равно за всем этим фасадом я вижу прежнего Брана. Догадываюсь, ты — прямо с вокзала и еще не увиделся с тетей Лиз, да?

— Угадал. Мне хотелось сделать вам сюрприз: неожиданно появиться в самый разгар одной из ваших вечеринок. Ведь ничего не изменилось? Ты мне писал, что по-прежнему каждую пятницу наша дружная компания собирается вместе.

— Да, нашу традицию мы соблюдаем. По поводу сюрприза не беспокойся — все выйдет, как ты хочешь. Я никому не скажу о твоём возвращении и никто ничего не узнает, если, конечно, ты сегодня же не бросишься обзванивать всех наших.

— Я потерплю. А завтра...

— Завтра я заеду за тобой в шесть часов. Нет, лучше в половине пятого — мне хочется без помех поговорить с тобой, ведь мы не виделись целую

вечность, а в той обстановке, где мы окажемся завтра, уединиться и поговорить тет-а-тет практически невозможно.

— Я буду рад, если ты появишься еще раньше. И мама тоже, — сказал Бран, поглаживая капот машины.

— Тетя Лиз всегда нам рада, но, я думаю, в этот раз ей захочется подольше побыть с тобой наедине, без кого бы то ни было. Все наши, а особенно моя, физиономии ей уже порядком примелькались.

Бран с благодарностью взглянул на друга:

— Спасибо, Питер, что не оставил маму.

— Как же иначе. Она болела, но просила не беспокоить тебя зря. К счастью, ничего серьезного. Последние два года я имел возможность заезжать к ней несколько раз в день, так что она все время была под контролем. Но если кого хочешь благодарить, так благодари Кэрролайн — это она больше всех заботилась о тете Лиз.

Брану стало немного стыдно — из-за этой проклятой учебы он четыре года не был дома и даже не подумал о том, что здесь в нем могут очень сильно нуждаться. Однако последние слова Питера подняли его упавшее было настроение: Кэрри не отходила от его матери — это одно из доказательств того, что Бран не может быть ей безразличен, и здесь просматривается не просто

дань старой дружбе, а нечто большее. Юноша был окрылен этим открытием, но все же тихо пробормотал:

— Я чувствую себя такой скотиной, потому что долго не приезжал к маме.

— Брось. Ты ни в чем не виноват. К тому же тетя Лиз немедленно отправила бы тебя обратно, если б ты совершил незапланированное посещение. Ее заветной мечтой всегда было то, чтобы ты окончил Академию и получил специальность. А если бы ты ездил из Локворда в Нед-Айленд и обратно, то это ей бы не понравилось. К тому же тебе незачем было это делать, ведь ты не одинок, у тебя есть друзья, а они существуют не только для совместных развлечений... Ну ладно, что-то мы переключились на невеселую тему. Лучше скажи: тебе нравится мой железный конь?

— Очень нравится, — ответил Бран, — только я не совсем понимаю, что это за машина.

— Раскрой глаза — это такси. Ничем другим не хочу заниматься. Ты же знаешь, сколько себя помню, все бы отдал, лишь бы за руль подержаться. Теперь я таксист.

— Мне следовало сразу догадаться, что это — ты, лишь только увидел этот крутой поворот. Кто-нибудь другой обязательно перевернулся бы. Но ты, Питер, непревзойденный и, я уверен, будешь еще совершенствоваться.

Они медленно шли к дому Брана. Питер тяжело вздохнул:

— Однако все мои повороты-завороты не привели бы в восторг пассажиров. Я должен ездить осторожно, иначе меня вышибут с работы. Мне очень хотелось стать автогонщиком, но кое-кто был ужасно против.

— Кое-кто, без сомнения, прав: не хватало, чтоб ты с бешеной скоростью носился по трассам и в конце концов свернул себе шею. Никому б от этого не стало легче, — заметил Бран. — Ну, вот мы и пришли. Родной дом готов распахнуть свою дверь и принять блудного сына. Может, зайдешь?

— Нет-нет. При этой встрече не должен присутствовать третий — это нарушит интимность обстановки и не даст прорваться наружу всем чувствам. К тому же моя смена еще не закончилась. Ну, Бран, не забудь: завтра в половине пятого.

Молодые люди еще раз обнялись, и Питер быстро направился к своей машине. Бран смотрел ему вслед и думал о том, что его друг счастливее его, потому что лишен болезненного самолюбия, тяги к карьере и славе. Если бы Бран захотел стать гонщиком, то никто не смог бы его остановить. Он бы упрямо мчался с огромной скоростью, а так как неважно водит машину, то непременно бы когда-нибудь разбился. Но разбиться можно не только на автостраде, стремясь к карьере гонщика.

Можно разбиться, пытаясь сделать любую другую карьеру. Разве недавний удар, едва не сбросивший его в кювет, не лучшее тому доказательство?

Бран отогнал от себя дурные мысли и направился по усыпанной желтым песком дорожке к дому, где ласково и зовуще горело окно, за которым была его мама, любящая его не за будущие успех и славу, а просто потому, что он ее ребенок.

Бран поставил чемодан на крыльцо и, найдя в боковом кармане ключ, попытался вставить его в замок. Он не ошибся: замок был все тот же и поэтому сразу поддался. Юноша тихо закрыл дверь и неслышно направился по темному коридору к маленькой освещенной гостиной. Возле камина в старом кресле сидела Элизабет Блэк и читала книгу, время от времени отрываясь от своего занятия и устремляя невидящий взгляд в противоположный угол комнаты. Ветер слегка колыхал белый тюль штор открытого окна, тиканье настенных часов было единственным звуком, который нарушал тишину дома.

Некоторое время Бран стоял, прислонившись к дверному косяку, и смотрел на мать. За эти несколько лет Лиз Блэк заметно постарела — некогда темные волосы стали почти седыми, а лицо изрезали морщины — смерть мужа и жизнь в тревоге за сына наложили отпечаток на весь ее облик. Однако темно-голубые глаза сохранили

живой блеск, а каждое движение по-прежнему было изящным. Бран был уверен, что даже когда наступит настоящая старость, его мать все равно будет красивой.

Юноша тихо позвал Элизабет. Она встрепенулась, оглядела комнату, но, не заметив сына, вновь опустила голову и тяжело вздохнула, решив, что голос ей почудился. Тогда Бран зашел в гостиную. Женщина подняла глаза на звук его шагов и вскочила, выронив книгу.

— Господи! Мой мальчик, — Элизабет порывисто обняла сына и долго не хотела разжимать руки, боясь, что как только отпустит его, то он сразу исчезнет, и она вновь останется одна.

Бран усадил мать на диван, а сам опустился на колени возле нее.

— У меня с утра было такое чувство, будто сегодня увижу тебя. День прошел, а вечером я никак не могла уснуть, — Элизабет гладила густые волосы сына и с обожанием смотрела в его лицо. — Но что это я? Ты ведь голодный. Сейчас быстро соберу что-нибудь на стол.

Бран удержал ее и сел рядом, положив голову ей на плечо.

— Я совсем не голоден, — тихо сказал юноша. — Я очень устал быть от тебя вдали, мама.

— Я тоже, дорогой, — эхом отозвалась Элизабет.

Они долго сидели, крепко прижавшись друг к другу, и молчали, потому что никакие слова не могли передать то чувство, что сейчас владело ими. К юноше постепенно возвращались покой и безмятежность. Позднее Элизабет быстро накрыла на стол и усадила сына за ужин.

— Давно не ел ничего лучшего, — признался Бран.

— Завтра я приготовлю что-нибудь посущественней и ты наконец-то уже будешь есть домашнее. Могу представить, чем ты там без меня питался.

Юноша улыбнулся и подумал: «Бедная мама, ты пришла бы в ужас, если б узнала, что я зачастую вообще ничего не ел».

Бран отставил в сторону пустую тарелку и, не глядя на мать, сказал:

— Я знаю, что ты во многом себе отказывала и тебе нелегко жилось. Но теперь все будет по-другому, мама. Все будет по-другому.

— Да, конечно, — согласилась Элизабет и неожиданно для самой себя спросила: — А ты надолго приехал?

Ей было страшно задавать этот вопрос, но он был необходим, чтобы точно знать, сколько времени она сможет видеть сына.

Со своей стороны Бран не хотел слышать этот вопрос — так резко он напоминал о том, как его

вышвырнули из Локворда. Но он знал, что рано или поздно ему придется ответить на него. Юноша молча убрал со стола и отнес посуду в кухню.

Элизабет наблюдала за сыном и с ужасом ждала, что он скажет, будто уезжает завтра вечером, а еще хуже — утром. Бран вернулся в гостиную и, протянув матери диплом, сказал:

— Мама, я никуда больше не уеду и не оставлю тебя.

Женщина едва не задохнулась от охватившего ее счастья.

— Никуда не уедешь? — рассеянно переспросила она, вертя в руках диплом. Наконец она успокоилась и, внимательно прочитав его, посмотрела на стоящего перед ней юношу.

— Я горжусь тобой, Бран. Теперь ты станешь настоящим хирургом, как мечтал твой отец. Жаль, что его больше нет с нами, он бы тоже гордился тобой.

— Я уверен, мама, что папа все видит и радуется вместе с нами, — ответил Бран.

Элизабет перевела взгляд на фотографию в резной рамке, что стояла на каминной полке, и сказала:

— Ты очень похож на него, мой мальчик.

На минуту она опечалилась своим мыслям, но сразу же овладела собой и улыбнулась:

— Уже очень поздно, сынок. Ты еле стоишь

на ногах — поэтому тебе пора отдохнуть. А завтра утром расскажешь, как ты жил. Тем более у нас с тобой теперь уже очень много времени впереди.

Бран согласился с ней — он и вправду чувствовал себя разбитым.

Когда юноша вышел, Элизабет подошла к фотографии и нежно провела кончиками пальцев по губам изображенного на ней мужчины.

— Ты слышал, Гарри? Наш сын остается с нами. Я так счастлива сегодня. Очень счастлива, — она осеклась, а затем с горечью добавила: — Но мое счастье было бы полным, если б рядом со мной был ты.

Оказавшись в своей комнате, Бран увидел, что в ней все осталось по-прежнему — ни одна, даже самая маленькая вещица, не была сдвинута в сторону, будто сюда давно никто не заходил. Однако идеальная чистота и свежий воздух недавно проветренного помещения свидетельствовали о том, что за комнатой постоянно ухаживали.

Бран раздевался, не торопясь, оглядывая свое жилище — он был рад, что наконец-то закончил свою учебу, что теперь он будет спать в своей комнате, а не в чужой квартире, что завтра он увидит своих друзей, настоящих друзей, а не выскочек и зануд из Локворда. Только Ивил Айсед — единственный живой человек в том огромном городе. Только он один. Ивил наверняка сейчас

спит. Юноша мысленно пожелал ему спокойной ночи, а затем подумал о главном.

А главное — это то, что завтра он увидит Кэролайн. Кэрри. Кто бы мог подумать: его давнишняя приятельница, как ему казалось, была обыкновенной девочкой, милой, доброй, умеющей дружить. Но четыре года назад, в вечер Рождества, юноша неожиданно увидел, что Кэрри преобразилась, стала совсем другой — и сердце его дрогнуло, он понял, что ему нужна только эта девушка и никакая другая. С тех пор все его мысли были о ней.

Бран получал письма от всех своих друзей, но чаще ему писали Питер Вуд и Кэролайн Стабби. Ее письма он бережно хранил, перечитывая десятки раз, восторгался их простотой и искренностью и с нетерпением ждал нового письма, а еще сильнее — встречи. Юноша был уверен, что они с Кэрри поженятся и будут великолепной парой.

Бран подошел к зеркалу и пристально посмотрел на свое отражение, впервые задумавшись о том, как он будет выглядеть рядом с Кэролайн. Он остался вполне доволен: из зеркала на него смотрел симпатичный парень, ростом выше среднего, стройный и подтянутый. Темно-голубые глаза, доставшиеся от матери, смотрели серьезно и решительно. Черты лица немного резкие, но правильные, волевой подбородок, древнеримский

нос, густые темные волосы. Тонкие губы нисколько не портили его.

Бран подмигнул сам себе — он признавал то, что внешность у него более чем приятная. А положение в этом мире он добьется во что бы то ни стало. Так что Кэрри он обязательно сделает счастливой.

С этими мыслями юноша уснул. Глубокой ночью ему приснился странный сон: сначала он увидел Кэрри, которая растаяла, как облако в небе, и на ее месте оказалась молодая женщина со смутно вырисовывающимся обликом, но Бран точно знал, что она удивительно хороша собой. Затем перед ним вспыхнул огромный костер, и юноша с отчаянием обреченного вошел в него. Ужасная боль пронзила его, и языки пламени сомкнулись над головой. Бран вскрикнул и тотчас проснулся. Внезапную боль во сне вызвало неудобное положение тела. Юноша провел рукой по лицу и, опустившись на подушку, вновь заснул. Ночной кошмар рассеялся, утром от него не осталось даже воспоминания.

Глава 4

Весь следующий день Бран провел с матерью. Он рассказывал ей много раз во всех подробностях о своей учебе и жизни в Локворде, опуская самое

неприятное и плохое. Юноша умолчал также о том, что из Локворда его попросту выслали, представив свое возвращение в Нед-Айленд как собственное решение, и добавил, что его просили остаться, но он подумал, что и в небольших городах тоже должен кто-то работать.

Питер ворвался в дом ровно в половине пятого — он был очень пунктуальным и никогда никуда не опаздывал, хотя очень напоминал человека легкомысленного и безответственного. Еще одной чертой его была скорость — все, что ни делал Питер, происходило очень быстро, поэтому Бран не успел опомниться, как его вытащили на улицу. Элизабет шла за ними по пятам — ей очень не хотелось расставаться с сыном, но она понимала, что молодой человек не может целыми днями просиживать возле матери.

Рядом с обочиной дороги стоял ярко-красный открытый автомобиль. В лучах заходящего солнца он был похож на костер.

— Ну как? — спросил Питер, не без гордости глядя на машину.

— Она просто великолепна, — восхищенно ответил Бран. — Откуда она у тебя?

— Взял напрокат у своего сменщика. — Вуд глянул на часы и подал знак, что им пора ехать.

Бран сел в салон, с благоговением дотрагиваясь до дверей и черного кожаного сиденья

— ему давно хотелось прокатиться именно в таком автомобиле.

Они ехали по самой оживленной улице Нед-Айленда, Питер ловко лавировал в потоке машин, и они ни разу не попали в пробку. Бран разглядывал машины и сидящих в них людей. Время от времени он поглядывал на друга: лицо Питера выражало полное упоение от того, что он делал. Ветер развевал его светлые волосы и он иногда встряхивал головой, чтоб откинуть их со лба. Питер внимательно смотрел на дорогу и подмигивал Брану, когда ловил на себе его взгляд.

— Куда мы едем сегодня или, вернее, у кого собираемся?

— У Коллинзов. Сегодня увидишь их любовное гнездышко. Они неплохо устроились, но Анна очень хочет дом, а не квартиру в многоэтажке. Стив согласен с ней.

Стив и Анна поженились четыре месяца назад, но Бран не смог приехать к ним на свадьбу, однако прислал подарки и огромную корзину цветов. Юноша улыбнулся: он знал, что в их компании скоро образуется еще одна супружеская пара.

Питер остановил машину возле светлого девятиэтажного дома. Через стеклянную дверь они вошли во второе парадное, поздоровались с консьержкой и вызвали лифт.

— Нам девятый. Высоко забрались, правда? — спросил Питер.

Бран утвердительно кивнул — говорить он не мог — его внезапно охватило волнение, которое становилось тем сильнее, чем ближе они подходили к своей конечной цели. Выйдя из лифта, молодые люди прошли по коридору и остановились возле черной двери с ярко-желтым номером. Питер протянул руку к звонку, но после передумал и толкнул дверь — она бесшумно открылась.

— Мы последние. Все уже собрались, — сказал Вуд, обернувшись к другу.

Действительно, до слуха Брана донеслись голоса. Он не слышал их несколько лет, но сразу узнал каждый. Сердце юноши остановилось, а затем забилось учащенно, когда до него донесся голос Кэрри. Питер первым зашел в комнату, и у всех присутствующих сразу возник один и тот же вопрос: почему он опоздал? Он спокойно выслушал легкие насмешки и предположения, а после сказал: — У меня для вас есть сюрприз. Посмотрите, кто к нам вернулся, — и Питер обнял за плечи вошедшего Брана.

На мгновение воцарилась тишина, а затем поднялся невообразимый шум. На юношу навалились Стив и Эндрю Кроуфорд. Казалось, что они собираются затискать его до смерти. Возможно, так бы и произошло, если б их не

растолкала Анна. Она повисла на шее у Брана и несколько раз крепко поцеловала, перепачкав ему все лицо помадой. Наконец девушка отпустила его. — Совсем забыла! Я же сержусь на тебя, Бран! Ты не приехал к нам на свадьбу, — спохватилась Анна и, надув губки, отвернулась в сторону.

— Прости меня, дорогая. Но, клянусь, я не мог покинуть Локворд, иначе приехал бы. Ты представить себе не можешь, как я был огорчен — ведь вы же мои друзья, — и Бран поцеловал Анне руку.

— Ну хорошо, я больше не сержусь на тебя, — девушка вновь улыбнулась и сказала что-то еще, но Бран ничего уже не слышал и не видел — все его внимание было поглощено Кэролайн.

Золотистые блестящие шторы, на фоне которых стояла девушка, создавали иллюзию того, будто она купается в блеске чистого золота. Но даже все золото мира не стоило ее красоты.

Облегающее платье подчеркивало ее стройную фигуру, а его красный цвет как нельзя лучше гармонировал со смуглой кожей и темно-каштановыми локонами, каскадом спадавшими на слегка обнаженные плечи. Красивые, немного полные губы, вводили в искушение немедленно поцеловать их. Раскосые темно-карие глаза в обрамлении длинных черных ресниц, казалось, впитывали в себя свет и держали

его в глубине таинственно блестящих зрачков.

Даже если бы в комнате неожиданно раздался страшный грохот, он не был бы услышан Браном. Если бы вспыхнуло яркое пламя, оно не затмило бы для него красоту этой девушки. Бран стоял, не двигаясь, прерывисто дыша и чувствуя, что почему-то больше всего на свете ему хочется куда-нибудь сбежать, чтоб не ослепнуть от яркого блеска этих удивительных глаз.

— Здравствуй, Бран, — мягко сказала Кэрри и нежно коснулась губами его щеки, обвив руками плечи.

Брану хотелось окаменеть навечно, только бы держать в руках ее гибкую фигурку, вдыхая аромат фрезий, шедший от ее волос.

— Теперь мы снова вместе. Навсегда, если, конечно, ты никуда не уедешь вновь, — продолжила Кэрри, отстраняясь от юноши.

— Я вернулся насовсем, Кэрри, и теперь уже никуда не уеду, — прошептал Бран и подумал о том, что он настоящий глупец — чего стоит сотня Локвордов по сравнению с тем, что Кэролайн рядом с ним. За один ее взгляд он готов отказаться от всего, чего желал раньше.

Стив и Эндрю опять вздумали навалиться на Брана, как делали это в детстве, но Кэрри остановила их, сказав:

— В этой суматохе мы забыли познакомить

Брана кое с кем.

Только сейчас юноша заметил, что в стороне ото всех стоит совершенно незнакомая девушка, весь вид которой говорит о том, что она чувствует себя неловко и очень стесняется.

— Кто представит Салли, я или ты? — спросила Кэролайн у Эндрю Кроуфорда.

— Я, — ответил Эндрю и, покраснев, продолжил: Бран, это Салли Берн, моя невеста.

Бран подошел к девушке и, пожав ее маленькую руку, пристально взглянул ей в лицо. От Салли исходило такое обаяние, что не поддаться ему было невозможно. Конечно, она не обладала магнетизирующей красотой, но ее ясные зеленые глаза, длинные волосы цвета расплавленной меди и какая-то особенная, почти детская улыбка, были великолепны.

— Здравствуйте, Бран. Я очень много слышала о вас и рада, что наконец-то познакомилась, — сказала Салли.

— Мне тоже очень приятно. Знаете, Салли, я даже позавидовал своему другу — у него восхитительная невеста. Я счастлив за него и за вас, потому что Эндрю очень хороший и надежный человек.

Девушка улыбнулась и спросила:

— Ведь мы тоже будем с вами дружить?

— Конечно, — ответил Бран. Ему

понравилась Салли, и он искренне радовался, что Эндрю нашел свою судьбу.

— Похоже, этот год будет отмечен одними свадьбами, — сказал Стив.

Когда немного утих восторг встречи, молодые люди сели за стол, Бран рассказывал то же, что говорил матери, а ему сообщали местные новости. Юноша ощущал, что давно не чувствовал себя так легко и непринужденно. Там, в Локворде, он должен был постоянно носить чужую личину и говорить, тщательно взвешивая каждое слово. Только с Ивиллом ему было просто. Как здорово, что он снова стал самим собой и может говорить то, что хочет, не боясь, что его не поймут.

Бран изучал своих друзей, отмечая произошедшие в них маленькие перемены, а самая большая перемена коснулась их всех — они стали взрослыми и уже сказали последнее прости своему детству. После легкого ужина Анна показала Брану альбом со свадебными фотографиями. Она была очень хорошенькая в подвенечном платье и все время улыбалась, показывая ряд мелких ровных зубов. В отличие от нее, Стив сохранял серьезное выражение лица. Все фотографии были удачными и интересными: вот Анна и Стив стоят в церкви, а Кэролайн и Питер держат венцы над их головами; свадебное застолье; поцелуй молодоженов и их свидетелей; неудавшееся похищение невесты,

предпринятое ее дядей; Питер просит выкуп за белую туфельку Анны, которую ему посчастливилось ловко снять с ее ноги. После просмотра альбома Анна повела Брана осматривать квартиру. Показывая комнаты, она попутно объясняла где и что ей хотелось бы поставить. Она еще не была полностью меблированной, несколько помещений вообще пустовали и требовали полного оформления, Брану квартира понравилась — в ней было чисто, светло и уютно.

— Здесь хорошо, правда? Но в этой квартире мы только на время — мне больше нравится дом с садом и большой верандой, где по вечерам можно пить чай на свежем воздухе. А высотные дома мне напоминают муравейники, в которых можно жить годами и не знать своих соседей с других этажей. — сказала Анна.

— Ты права. Спускайтесь на землю и поселяйтесь поближе к нам, — ответил Бран.

В это время в комнату вошел Стив.

— А вы еще не готовы? — спросил он.

— К чему? — удивилась Анна.

— Мы едем гулять. Одевайся, дорогуша, — и Стив потянул Брана за собой, оставив жену в полном одиночестве.

— Я быстро! — крикнула им вдогонку Анна.

— Вот эгоистка — увела тебя и, я уверен, весь вечер никому б не дала пообщаться с тобой, —

рассмеялся Стив. — Хорошо, что ты вернулся. Мы все тебе рады. Даже вся атмосфера у нас стала веселей и лучше — потому что раньше в нашей цепочке не доставало одного звена, а теперь, когда есть ты, все встало на свои места.

— Спасибо, Стив, — Бран был тронут. — Я счастлив, что вновь с вами. Знаешь, только сейчас начинаю понимать, что нет ничего лучше старой дружбы.

— Я готова! Поехали! — появившаяся Анна взяла обоих друзей под руки и потянула к двери. — Как я люблю кататься на машинах!

— Со временем мы будем иметь машину, Анна, — сказал Стив.

— Со временем? Лет через десять — это во-первых, а во-вторых, я люблю ездить только на тех машинах, которые водит Питер. Понятно? — и девушка, бросив своих спутников, быстро направилась к лифту.

— Ну ладно, будем ездить вместе с Питером, — согласился Стив. — Но не забывай: я тоже неплохой водитель — меня Питер учил. Так что подумай, с кем лучше ездить — со старым другом, у которого в любой момент может появиться ревнивая жена, или с законным мужем.

— Хорошо. О своем решении я сообщу тебе завтра, — ответила Анна, входя в лифт. — Что-то здесь мало места. Может, вы пешочком

пройдется? — Анна нажала на кнопку первого этажа, и двери бесшумно закрылись.

— Нет, она просто неисправима, — рассмеялся Бран. — Все такая же взбалмошная.

— Да. С ней не соскучишься. Ладно, пойдем. Лестница вон там, справа, — ответил Стив.

Вся компания ждала их на улице, сидя в машине. Два часа они носились по вечерним улицам, смеялись и пели популярные песни. Когда совсем стемнело, машина остановилась возле ночного бара.

— Не беспокойтесь — это тихое место, — заверил друзей Питер. — А громко повеселиться мы всегда успеем.

Действительно, внутри бара царил легкий полумрак, звучала приятная медленная музыка, под которую танцевали пары. В довершение всего здесь подавали замечательные коктейли, и вся обстановка способствовала дальнейшему общению. Давним друзьям было о чем рассказать друг другу, но даже этого вечера им все равно было мало.

Уже поздней ночью всех развезли по домам. В машине остались только Бран, Питер и Кэролайн. Питер вел машину медленней обычного. Все трое молчали и думали о чем-то своем. Ветер приятно касался их лиц, легко качал деревья, заставляя скользить по асфальту их узорчатые тени. Бран оглянулся назад. Кэролайн сидела, откинув голову

и закрыв глаза.

— Устала? — спросил юноша.

Кэрри улыбнулась:

— Немного. Это был хороший вечер. Очень хороший.

Машина затормозила возле дома девушки. Они долго прощались, а потом оба парня следили за тем, как Кэролайн прошла по двору и исчезла за дверью.

— Кэрри тебе ничего не сказала? — спросил Питер, когда они отъехали.

— Ничего.

— Понятно. Она решила все сказать тебе в спокойной обстановке. Кэрри просила передать, чтобы завтра вечером ты зашел к ней.

У Брана остановилось сердце: именно Кэрри делает первый шаг. Впрочем, она всегда была довольно решительной.

— Я зайду к ней, — уверил он друга, пытаюсь казаться спокойным.

Когда Бран вернулся домой, Элизабет еще не спала.

— Почему ты не ложишься, мама? — спросил он, целуя ее в щеку.

— Я просто волновалась. Тебя так долго не было, а потом мне вовсе не хотелось спать, — оправдывалась Элизабет. Она в самом деле не могла уснуть, еще раз не взглянув на сына.

— Как прошел вечер?

— Все было великолепно. Просто великолепно. Ты не представляешь, мама, как мне хорошо здесь, — юноша вновь поцеловал Элизабет. — А сейчас прости, я пойду спать.

— Конечно, иди. Тебе нужно отдохнуть.

На пороге Бран оглянулся: — Послезавтра я пойду искать работу и, знаешь, мама, скоро в моей жизни произойдет перемена. У нас все будет хорошо. Вот увидишь.

Перед сном Бран тщательно проанализировал все эпизоды прошедшего вечера: как смотрела на него Кэрри, как она смущенно краснела и опускала глаза, когда он, забывшись, вовремя не отводил взгляд, как дрогнули ее пальчики в его ладони, когда они прощались, каким взволнованным был ее голос — не оставалось никаких сомнений в ее чувствах. Похоже, в этот раз судьба благосклонно взглянула на Брана.

Глава 5

Утром Бран сидел на кухне и, не отрываясь, смотрел в окно. Он рассеянно слушал мать, изредка отвечая ей, а мысли его были заняты предстоящим вечером, от которого он ждал очень многого.

Если бы юноша был более внимательным, то, несомненно, он заметил бы как за несколько дней

изменилась Элизабет. Казалось, что она сбросила с плеч лет десять — разгладились морщины, с лица исчезло печально-задумчивое выражение, глаза сияли, а весь облик говорил о том, что она безмерно счастлива. И всему причиной было возвращение сына.

Женщина, словно ветер, носилась по кухне, успевая одновременно во всех ее концах: и красиво сервировать стол, и уследить за четырьмя зажженными конфорками, и порезать любимый салат Брана.

Как будто в такт движениям Элизабет кухня то ярко освещалась солнцем, то погружалась в легкий полумрак, когда его закрывали тучи. Резкий порыв ветра взметнул до потолка штору, жалобно скрипнули крючки на карнизе, и Элизабет поспешила закрыть окно. На минуту она задержалась возле него, внимательно оглядывая улицу:

— Погода меняется. Наверно, будет дождь. Нужно взять с собой зонтики, иначе мы промокнем, — она оглянулась на Брана. — Ты слышишь меня, сынок?

— Что? А, да, я слушаю тебя, мама, — юноша с трудом заставил себя отвлечься от раздумий и приступить к завтраку.

Элизабет села за стол и, помолчав некоторое время, сказала:

— Вчера звонил твой дядя. Я не хотела говорить тебе об этом вечером.

Бран перестал есть и жестко спросил:

— Что ему надо?

— Он пригласил нас к себе. Я сказала, что ты вернулся, — ответила Элизабет.

— Какая честь нам оказана! Просто не верится — нас приглашают в это святилище. Интересно, что случилось. Впрочем, что касается меня, то я не собираюсь к нему идти. И тебе тоже не стоит. Если ему нужно, то пусть сам приходит, а я еще подумаю, пускать его на порог или нет.

Юноша отставил в сторону тарелку и стал вертеть в руках нож.

— Бран, я хотела попросить тебя быть терпимей к Рону. У нас никого, кроме него нет. Он — наш единственный родственник. Поэтому, я думаю, нужно поддерживать с ним отношения, ведь мы не чужие.

— Не смей меня, мама. Родственник! Интересно, а дядюшка Рон об этом помнит? Вообще когда-нибудь помнил? Он хоть раз помог нам? А ведь был момент, когда мы очень нуждались в поддержке. А где в это время был он? Нет, нам не о чем с ним разговаривать.

— Я не собираюсь оправдывать Рона — он поступил не совсем хорошо по отношению к нам. Но все происходит от его непростого характера.

Рон очень сложный и противоречивый человек. Для меня он всегда был загадкой, я не смогла до конца понять его, он слишком непредсказуем. Тебе кажется, что Рон жестокий и несправедливый. Это так. Но он не всегда был таким. Поверь, я помню его совсем другим человеком. Его нужно понять, Бран. Жизнь обошлась с ним неласково. В один год он потерял родителей и жену с ребенком. Это все перевернуло в нем — Рон замкнулся в себе и озлобился. Не на кого-то конкретно, а на весь мир.

— Мама, я понимаю, потеря близких людей очень тяжелое испытание. Но это не повод для того, чтобы возненавидеть всех оставшихся жить, и в первую очередь своих родных. Ему не давало покоя наше счастье, он считал, что если он страдает, то окружающие должны тоже мучиться. Представляю, как он был раздосадован, когда ты не умерла во время родов, как его жена. Но ничего, я думаю, он был просто счастлив, когда умер папа — это для него самая большая компенсация...

— Не говори так, мальчик! — Элизабет провела рукой по лбу, ее голос звучал глухо. — Не говори так. Рон любил Гарри.

Бран угрюмо молчал.

— Мы должны зайти к нему, сынок, — продолжала госпожа Блэк. — Возможно, он осознает, что у него есть долг перед памятью брата, и он просто обязан помочь тебе.

Юноша сердито вскинул на мать потемневшие глаза:

— Я ничего не приму от него! И не пойду в тот дом!

— Бран, но ведь тот дом принадлежал и твоему отцу. Он там родился. Каждая вещь того дома помнит его шаги и голос. Там он впервые сказал, что любит меня. Я скучаю по этому дому, Бран, и по тем счастливым дням, что провела в нем. Рон тоже скучает по прошлому, только не подает вида. Мы должны пойти к нему, мальчик. Он одинок и очень горд. А вчера он перешагнул через свою гордость, через самого себя, и мы не можем оттолкнуть его. Нельзя жить вечно с обидой и злобой в сердце — это губит человека. Когда-нибудь ты вспомнишь мои слова и все поймешь.

Бран нервно барабанил пальцами по столу, а затем спросил:

— Когда нужно идти?

— Сейчас. Он просил зайти утром.

— Хорошо. Пойдем. Но знай: я иду туда только для того, чтоб успокоить тебя, а не по каким-либо другим причинам, — юноша встал из-за стола и быстро вышел, не посмотрев на мать.

Элизабет проводила его взглядом и, тяжело вздохнув, принялась убирать со стола. На душе у нее было беспокойно. Госпожа Блэк терялась в

догадках о том, почему ее шурин, не видевшийся с ними несколько лет, и, казалось, вообще забывший о их существовании, вдруг решил встретиться. Что это: угрызения совести и попытка примирения, а вернее, осознание своей несправедливости, или, кто знает, очередная, злая шутка, новое издевательство и унижение, приготовленное для нее и ее сына? Элизабет склонилась к первому — она не могла и не хотела верить второму.

Когда Элизабет вышла из кухни, то увидела, что Бран уже готов к выходу из дома и ждет ее. Госпожа Блэк быстро собралась, и вскоре они вышли на улицу.

— Нет, мама, мы поедем на такси, — сказал юноша, заметив, что она собирается свернуть к автобусной остановке. — К дяде Рону мы поедем только так. Пусть он не думает, что нам не хватает денег.

Элизабет не стала прекословить сыну и позволила ему остановить машину. Не прошло и двадцати минут, как они оказались перед строгим и несколько мрачным домом, где некогда жило все семейство Блэков. Элизабет остановилась, оглядываясь по сторонам.

— Здесь раньше все было не так. Ты помнишь, сынок?

Бран коротко кивнул. Он смутно помнил эту старую улицу. Когда-то давно его детское внимание

привлек флюгер в виде бегущего льва, который красовался на крыше соседнего дома. Юноша взглянул на него — флюгер был на своем месте и все так же послушно исполнял свою извечную работу — показывал направление ветра, которое, если говорить честно, никого не интересовало.

Раньше дом был окружен ажурной решеткой, теперь же на ее месте угрюмо стояла глухая стена, колючая из-за торчащих из нее ракушек. Неизменными остались только решетчатые ворота, по которым упорно карабкались вьюнок и горошек. Правда, серебристый цвет они утратили и стали черными.

— Феодал. Дикий феодал, — Бран оторвал от стены кусочек ракушки. — Мама, мне кажется, что за этой стеной дядюшка Рон прорыл крепостной ров. Зачем вообще ему нужна эта стена?

— Очевидно, он не хочет, чтобы касались его частной жизни. Он очень любит уединение.

— Частная жизнь! Можно подумать, что он известный политик или кинозвезда, за которой охотится пресса. Смешно. Кому нужна его жизнь? — Бран пожал плечами и, подойдя к воротам, решительно рванул их на себя.

— Постой, сынок, — Элизабет медленно подошла к нему. — Здесь заперто. Нужно позвонить.

Она нажала на красную кнопку с черным

траурным ободком.

Спустя несколько минут в маленькой аллее появился невысокий человек со смешной ныряющей походкой.

— Шелт. Это Шелт! — Элизабет взялась за прутья ворот.

Подошедший к ним лысеющий толстяк действительно был Шелт, старый дворецкий дома Блэков.

— Лиз? Это ты? — он поспешно открыл ворота. — Вот не ожидал тебя увидеть... То есть, я хотел сказать: рад вас приветствовать, госпожа Блэк. Как живете?

— Неплохо, Шелт. Рон разве не сказал, что мы придем? — спросила Элизабет.

— Нет, мне ничего неизвестно о вашем приходе, — Шелт перевел взгляд на юношу. — А это ваш сын? Это Бран?

Женщина утвердительно кивнула.

— Какой взрослый. И до чего же похож на покойного деда! Я... — дворецкий спохватился и поторопил их. — Господин Блэк не любит ждать.

По мере приближения к месту обитания Рона Блэка оживление дворецкого угасло, а приятное доброе лицо превратилось в непроницаемую маску. И вел он себя так, будто впервые видит гостей хозяина.

Бран держался самоуверенно и гордо, он шел,

высоко подняв голову, и нежно поддерживал мать. Внезапно юноша осознал то, что через несколько минут окажется лицом к лицу со своим дядей. Вся самоуверенность Брана стала медленно таять: он с детства испытывал робость перед этим угрюмым домом со стенами, полностью скрытыми плющом, листья которого зловеще шелестели в ветреную погоду, а особенно перед Роном Блэком, перед его холодными серыми глазами и спокойным голосом, который, как казалось тогда мальчику, таил в себе скрытую угрозу.

Шелт пропустил их в дом и закрыл дверь. Как только она хлопнула, самообладание совсем покинуло Брана, однако он попытался взять себя в руки. Во всем доме не было слышно ни звука, как будто это пустыня или склеп. Дорогие персидские ковры поглощали любой шум. В коридорах царил полумрак, который нисколько не помешал Элизабет найти кабинет Рона без помощи дворецкого.

Массивные дубовые двери бесшумно открылись. Кабинет представлял собой не очень большое, но просторное помещение. На окне была красивая узорная решетка, увитая диким виноградом, который не пропускал ярких солнечных лучей. Обстановку составляли несколько дубовых шкафов, заполненных книгами в красных, синих и темно-зеленых переплетах, маленький журнальный столик с искусственными

цветами в керамической вазочке, большой кожаный диван, массивный стол и глубокое мягкое кресло. Строгую обстановку кабинета слегка нарушала легкомысленно-веселая люстра из богемского стекла, готовая громко зазвенеть даже при самом легком сквозняке.

За столом спиной к окну неподвижно сидел Рон Блэк. Бран сперва даже не заметил его — до такой степени тот превратился в неотъемлемую часть своего кабинета.

Когда вошли Элизабет с сыном, Рон поднял голову и впился глазами в их лица, затем слегка улыбнулся, причем улыбка его больше напоминала ухмылку, встал из-за стола и пружинистой походкой хищника подошел к ним. Бран не мог не признать, что его дядя очень интересный мужчина: тонкие аристократические черты бледного лица, красивая серебряная седина густых волос, гордая посадка головы, великосветские манеры — все это бесспорно представляло опасность для женщин. Но в Роне не было обаяния и тепла. Красивое лицо всегда сохраняло неизменно пренебрежительное выражение, относящееся ко всему и ко всем. От него веяло зимним холодом, а серые глаза со стальным блеском были похожи на льдинки.

— Здравствуй, дорогая Элизабет, — в голосе Рона звучали металлические нотки, — давно мы не виделись. А ты ничуть не изменилась. Надеюсь, со

здоровьем у тебя все в порядке?

Он галантно поцеловал руку женщины, а затем вплотную подошел к Брану.

— Это, как я полагаю, мой племянник?

Юноша невольно отступил, чувствуя, как у него все холодеет внутри под этим пристальным и неотступным взглядом. На мгновение Бран вновь ощутил себя маленьким мальчиком, беспомощно замершим перед этим странным человеком. Но тут же он спохватился — того мальчика уже не существует, вместо него появился взрослый мужчина, который должен уметь защищать себя и морально, и физически. Кроме того, здесь находится его мать, нуждающаяся в поддержке.

Это придало ему смелости, и Бран, гордо вскинув голову, без прежнего страха взглянул в ледяные глаза Рона. Так продолжалось несколько секунд. Элизабет с напряжением наблюдала за этим безмолвным поединком. На губах Рона появилась легкая усмешка, он отступил и вернулся за свой стол. Юноша облегченно вздохнул и расслабился.

— Садитесь, — Рон указал на кожаный диван. — Я слушаю тебя, Элизабет.

Госпожа Блэк удивленно посмотрела на шурина. Не прошло и минуты, как ей сразу все стало ясно. Рон настаивал на том, что не приглашал своих родственников, что он позвонил просто для того, чтобы узнать, как идут дела у Элизабет, и

сейчас не может понять, зачем они пришли и чего хотят от него.

Бран заметил, как побледнела его мать, и с силой сжал кулаки, так, что хрустнули суставы.

— Сынок, пойди, осмотри библиотеку дяди. Там много интересных для тебя книг, — сказала Элизабет, быстро взглянув на юношу. — Ты позволишь, Рон?

— Конечно. Пусть идет. По коридору прямо и первый поворот налево.

Бран чувствовал, как внутри него все закипает от злости. Он не хотел оставлять мать одну со своим дядей, но она ободряюще посмотрела на сына, прося уйти.

Юноша вышел и медленно пошел вдоль коридора. С половины дороги он вернулся. Двери кабинета остались слегка приоткрытыми, поэтому до Брана донеслись отдельные фразы говоривших.

— Это исключено, Элизабет, — сказал Рон. — Сама подумай: как я могу взять Брана? Обо мне скажут, что я занимаюсь проталкиванием своих родственников.

— Ты говоришь что-то не то, Рон, — голос Элизабет был спокоен и ровен. — Во-первых, тебя никогда не беспокоило, что говорят другие. Неужели к старости ты стал чего-то бояться? Во-вторых, Гарри был вторым совладельцем клиники, и теперь его сын, достигнувший

совершеннолетия, автоматически заменяет умершего отца.

После недолгого молчания Рон ответил:

— Ваш сын еще слишком молод для управления клиникой. К тому же у меня нет вакантных мест для людей без опыта.

— Послушай, Рон, у Брана блестящее образование, он справится со всем. Ты ведь тоже не родился хирургом, а учился, чтобы стать им. Тебя учил твой отец. Почему же ты отказываешься учить своего племянника, сына покойного брата? Дай ему какую-нибудь работу.

Бран не хотел слушать дальше: ему этот разговор казался унижительным и очень не нравилось то, что мать просила за него. Юноша ушел в библиотеку, взял с полки первую попавшуюся книгу и сел в кресло. Спустя некоторое время появилась Элизабет.

— Пойдем, сынок, — устало сказала она.

— Может, нужно попрощаться с дядей Роном? — угрюмо спросил Бран.

— Я попрощалась с ним за тебя.

Они быстро прошли по тихим темным коридорам. Шелт молча открыл и закрыл за ними дверь. Элизабет заговорила только когда они оказались за пределами владений Рона.

— Через две недели, Бран, ты приступаешь к работе.

— Мама, я не буду работать в этой клинике. Поищу себе другое место.

— Это нереально и глупо, Бран. Ты должен работать только в той клинике, где работал твой отец. В конце концов, Рон не вечен и у него нет наследника. Хозяином всего станешь ты. Тебе будет нелегко, сынок. Но постарайся завоевать себе место в этой жизни. Делай все, что скажет дядя. Слушайся его и никогда не иди на конфликт. Будь сдержан и приветлив. Все свои чувства держи внутри и не дай им вырваться наружу. Бран кивнул — перспектива борьбы, пусть даже скрытой, уже прельщала его, ведь он стойко выдержал стальной взгляд Рона Блэка, перед которым раньше терялся, и теперь ему очень хотелось померяться силами со своим дядей. Он интуитивно чувствовал, что будет победителем в этой схватке двух честолюбий.

Юноша остановил такси, назвал адрес и, усадив в машину Элизабет, сказал ей, что у него есть неотложные дела и вернется он только вечером.

Глава 6

Бран решил побродить по городу, чтобы развеять неприятный осадок, оставшийся в нем после встречи с Роном. Постепенно к нему возвращалось хорошее настроение — этому

способствовали спокойные улицы Нед-Айленда, где не было бесконечной толпы нервных спешащих людей. Юноше все здесь казалось особенным: и прохожие, и дома, и цветы, продававшиеся почти на каждом углу в маленьких киосках, уютные кафе, витрины магазинов — все это действовало умиротворяюще, успокаивало кипение мыслей и чувств.

Бран сел на лавку в парке Боттичелли и стал наблюдать за мирным течением окружающей жизни, напрочь забыв о своем дяде, думая только о предстоящем вечере.

Прошло довольно много времени, прежде чем юноша направился к выходу из парка. Он в нерешительности остановился, пытаясь придумать, куда бы пойти, полез в карман, чтобы вытащить сигареты, и неожиданно достал вчетверо сложенный листок бумаги. Бран скомкал его и уже собирался выбросить в урну, как что-то остановило его руку. Он развернул листок и прочел: «Нед-Айленд, улица Роше, 12, мадам Луиза Лесталь».

Как он мог забыть? Это адрес той самой провидицы, о которой ему рассказал Крис Гинсбург. Юноша улыбнулся и направился к автобусной остановке.

Дом под номером двенадцать находился в самом конце улицы и стоял немного обособленно.

Белый, покрытый красной черепицей, утопающий в зелени, он был обычным, ничем не поражающим, и Бран, ожидавший увидеть нечто неординарное, был немного разочарован. Он толкнул калитку, и она издала звук, напоминающий крик кошки, которой наступили на хвост. Во дворе царил порядок, подметенные дорожки разбежались в разные стороны, накладывая странный орнамент на землю.

Юноша прошел к дому, поднялся на крыльцо и потянулся к звонку, но вдруг услышал позади себя тихие шаги. Он круто обернулся. За его спиной стояла девочка лет шести. Кружевное платье, большой бант и васильковые глаза с длинными черными ресницами делали ее похожей на сошедшую с витрины дорогого магазина куклу. Девочка с любопытством рассматривала Брана, на ее губах играла доверчивая детская улыбка. Она поздоровалась и неподвижно осталась стоять возле клумбы. Юноша подошел к ней и опустился на корточки.

— Здравствуй, малышка, — сказал он. — Как тебя зовут?

— Эвелина, — девочка произнесла свое имя нараспев, было очевидно, что оно ей очень нравится.

— Сколько тебе лет, Эвелина?

— Скоро будет шесть. Осенью, — интонация, с которой девочка сообщила о своем возрасте,

говорила о том, что для нее шесть лет — это долгая жизнь, которая дает ей полное право считать себя взрослой.

В эту минуту Бран случайно повернул голову и почти уткнулся носом в пару стройных женских ног в красных босоножках на высоких каблуках. Юноша медленно встал. Перед ним стояла девушка, очевидно, его ровесница. Невысокая, стройная, с чуть длиннее обычного руками и тонкими пальцами, она почему-то напомнила Брану скрипачку из какого-то оркестра, но потом все его внимание сосредоточилось на ее лице. Он никогда не видел ничего подобного: издали могло показаться, что кожу девушки покрывает толстый слой грима, и оттого она выглядит такой белой, но вблизи становилось понятно, что на лице нет ни пылинки пудры — это невероятно молочно-белая кожа без признаков румянца, даже самого слабого. Подкрашенные яркой красной помадой губы еще больше подчеркивали бледность девушки. Прямые иссиня-черные волосы свободно падали на покатые плечи, а удивительно огромные черные глаза смотрели изучающе серьезно.

— Мама, можно я пойду к Китти? — девочка схватила ее руки и прижала к своей груди.

— Можно. Только, Эвелина, недолго и далеко не уходи.

Эвелина быстро побежала к калитке, не забыв

попрощаться с Браном. Юноша проводил ее взглядом и невольно спросил:

— Это что, и вправду ваша дочь?

— Да, это моя дочь, — ответила девушка и, видя странное выражение, промелькнувшее на лице гостя, добавила: — Если вас это так интересует, то я скажу, что родила ее в неполных шестнадцать лет, не будучи замужем, чем покрыла себя несмываемым позором.

— Да нет... Я просто... — Брана смутила откровенность собеседницы и ее насмешливая полуулыбка. Чтобы замять эту щекотливую тему, он заговорил вновь:

— Простите, я ищу мадам Луизу Лесталь.

— Я — Лу Лесталь, — ответила девушка.

— Видите ли, я пришел к вам... чтобы... — юноша стал тщательно подбирать слова, не зная, как аргументировать свой приход.

— Я понимаю. У вас было свободное время, вы не знали, как его провести и пришли ко мне из любопытства. Ведь так?

Бран покраснел — она была права.

— Пройдемте в дом, — мадам Лесталь указала юноше на дверь и пошла следом за ним.

— Осторожно, здесь две ступеньки, — предупредила она, когда Бран оказался в коридоре и, попав в полумрак после яркого дневного света, мог оступиться.

— Сюда, пожалуйста, — Лу подняла тяжелую бархатную портьеру темно-зеленого цвета с желтой бахромой и открыла массивную черную дверь, пропуская вперед своего гостя. Затем она резко выпустила портьеру, и та закрыла складками дверной проем, издав глухой звук. После этого Лу захлопнула дверь, пройдя на середину комнаты, и включила неяркий свет.

Бран огляделся: не слишком большое помещение имело только одно окно, занавешенное такой же портьерой, что была на двери. Стены оклеены зелеными обоями с золотистым ободком у потолка. На стенах висели две картины в резных эбеновых рамах. На одной из них был изображен мрачный средневековый замок с полуразрушенным фасадом. Лучи заходящего солнца окрашивали его стены в кроваво-красный цвет. На переднем плане среди черных камней и сорной травы белел человеческий череп. На другой картине было темное небо с тонким серпом месяца и несколькими звездами, черные силуэты гнущихся под порывами ветра деревьев и покосившиеся кресты могил, на одном из которых сидел большой филин с горящими, как уголья, глазами.

В одном углу, чуть ниже потолка, на маленькой полке стояло чучело ворона, в другом — черного кота.

Посреди комнаты был расположен круглый

стол, над которым висела люстра с зеленым абажуром. Возле окна стоял маленьким узкий столик с двумя стульями. Интерьер завершал шкаф на гнутых ножках. Другой мебели в этой комнате не было.

— Садитесь, — мадам Лесталь указала на один из стульев у окна, а сама села напротив. Несколько минут они молчали. Женщина отрешенно смотрела на стену, лицо ее ничего не выражало.

Юноша первым нарушил начинавшее затягиваться молчание.

— Меня зовут Бран Блэк. Я окончил Академию в Локворде. Медицинский факультет. Честно говоря, я не верю в предсказания, и вы правы — я пришел из любопытства. У меня есть кое-какие планы и, если вы можете, то скажите, что меня ждет в будущем, и что у меня было в прошлом.

— У вас странное имя — Бран. Знаете, что оно означает?

— Я никогда не задумывался над этим.

— В переводе с ирландского «Бран» значит «Ворон» — задумчиво сказала женщина, — она опустила голову, а затем резко взглянула на юношу, и неяркий свет люстры, как лезвие, блеснул в ее черных зрачках.

— Прошое и будущее, — тихо сказала мадам

Лесталь, не отрываясь глядя на Брана.

Юноша почувствовал легкий озноб и непонятную тяжесть, он не смел шевельнуться или отвести взгляд от лица сидящей напротив него женщины.

— Что ж, я скажу о вашем прошлом, только кратко — ведь вы прожили еще недолгую жизнь. Ваше детство было счастливым и безмятежным. Вам неизвестно то, что предшествовало вашему рождению, а это очень неприятная вещь, о которой вам вскоре придется узнать. В подростковом возрасте вы лишились близкого человека, а потом уехали. Вы сами назвали этот город — Локворд. Там вы были одиноки и несчастливы, но все то время, которое вы провели там, вас поддерживая один человек. Сейчас вас обуревают честолюбивые мечты о достижении высокого положения в обществе и о славе. Но на дороге у вас стоит сильный человек, связанный узами родства с вашей семьей, который не испытывает особой привязанности к вашим близким и к вам лично. Еще одно — несколько лет назад к вам пришла любовь, которая разгорается с каждым днем. Итак, главное, на чем основывается ваша жизнь — это карьера и любовь.

Мадам Лесталь замолчала и отвела взгляд в сторону.

Бран был озадачен: он не ожидал, что эта

молодая женщина скажет ему всю правду, ни в чем не допустив ошибки.

С замиранием сердца юноша попросил:

— Мадам Лесталь, скажите, что меня ждет в будущем.

Женщина кивнула и вновь взглянула в лицо Брана. Второе ощущение от этого взгляда было еще более неприятным. Юноше казалось, будто мадам Лесталь медленно погружается в его сознание, в каждый уголок его сердца, и ничто, ни одна, даже самая тайная мысль, не укроется от нее. Этот взгляд был сродни рентгеновскому лучу.

— Дайте руку, — глухо сказала она.

Бран повиновался и почувствовал, как тонкие пальцы Лу Лесталь цепко сжали его ладонь. Некоторое время она изучала его руку, низко склонившись над столом, затем, так же молча, рассмотрела вторую. Юноша наблюдал за изменчивым лицом женщины и видел, как оно постепенно мрачнело, как то сужались, то неимоверно расширялись ее глаза, как она сжала губы и нахмурилась. Под конец у мадам Лесталь было такое выражение, будто она держала в руках ядовитую змею, готовую в любой момент ужалить.

— Что же вы мне скажете? — спросил Бран, которого стало тяготить молчание женщины.

— Скажу, что на протяжении всей вашей жизни у вас будет две любви. Одна умрет спустя

несколько месяцев после гибели той женщины, которую вы будете любить. Ваша любовь принесет ей только горе, хотя вы, ослепленный своим обожанием, посчитаете, что делаете ее счастливой. Вторая любовь вас погубит, — мадам Лесталь вновь надолго замолчала.

— И это все, что вы можете мне сказать? — спросил юноша.

— Нет, не все. Вас интересует ваша карьера? Она будет очень удачной. Вы будете богаты, но слишком дорогой ценой. Ваше имя будет греметь, но я никому не пожелала бы такой славы.

— Почему?

— Потому что вашим именем матери будут пугать детей.

— Потрудитесь объяснить, что все это значит.

— Я ничего не буду объяснять. Я позволю себе дать вам совет, которым вы, конечно, не воспользуетесь: если хотите прожить спокойную тихую жизнь, откажитесь и от своей любви, и от своей карьеры, вам не следует заниматься медициной.

— Но, мадам, это дело всей моей жизни, а вы почему-то пытаетесь поставить крест на моих начинаниях. Возможно, вы ошибаетесь.

Лу насмешливо взглянула на Брана.

— Я покажу вам кое-что, и вы убедитесь, что это правда.

Мадам Лесталь встала и опустила на окно портьеру, затем достала из шкафа и осторожно поставила на стол небольшой чан, до краев наполненный водой. После этого она включила ослепительно яркий свет, который больно резанул по глазам и, спустя считанные мгновения, резко его погасила. Вся комната погрузилась в темноту. Только чан с водой освещался неярким неизвестно откуда шедшим светом, и зловеще поблескивали из своих углов мертвые глаза чучел.

Тяжело дыша, Лу несколько раз провела руками над чаном, что-то тихо нашептывая казавшимися совершенно черными губами.

— Смотрите, даже вода говорит о том, что вы должны забыть о медицине. Видите? Там темно.

— Почему? Вода чистая и прозрачная, — возразил Бран.

— Разве вы никогда не видели негативов?

— А при чем здесь они?

— Здесь все так же: черное на фотографии — на негативе белое и наоборот.

— Я потратил много сил и денег на учебу. Я мечтаю быть хирургом и не собираюсь отказываться от этого только из-за того, что в этом тазу вода какая-то не такая! — заявил Бран. — Думаю, что мне пора идти.

— Пойдите. Смотрите еще.

Юноша взглянул на воду и уже не мог

оторваться: ее ровная гладь зарябилась, как будто под порывами сильного ветра, и стала черной. Затем она перестала дрожать и вновь прояснилась. Тогда Бран увидел калейдоскоп каких-то эпизодов и чьих-то лиц — казалось, будто кто-то крутит немое черно-белое кино. Один за другим мелькали кадры, и ничего нельзя было разобрать. Наконец все замедлилось. Четче и ярче других Бран увидел только четыре картины: темная безлюдная аллея, тускло горящий фонарь, недалеко от которого на асфальтированной дорожке неподвижно лежит человек; немолодой мужчина, очень похожий на Рона Блэка, с такой же страшной улыбкой и холодным взглядом, от которого Брану стало не по себе; страшный пожар, пламя, на мгновение приоткрывшее небо и вновь поглотившее его; мальчик с темными чуть длиннее принятого волосами, красной повязкой на лбу и серьгой в мочке левого уха. Насмешливый взгляд темно-карих глаз этого мальчика встретился с глазами Брана, и юноша внезапно ощутил тяжесть на сердце, будто совершил что-то жестокое и непоправимое. В глазах смотревшего на него мальчика он явственно прочитал обвинение и, как ему показалось, приговор. Бран почувствовал, что им овладевает ужас. Но в эту минуту все исчезло.

— Взгляните на свои руки, — тихо сказала Лу Лесталь.

Бран опустил глаза и увидел, что они испачканы чем-то темным. Он попытался вытереть их, ощущая что-то теплое и липкое.

— Можете вымыть их в чане, — сказала женщина. Она встала и включила свет. Бран опустил руки в чан, но тут же хрипло вскрикнул — он не мог ошибиться, вода окрасилась в багровый цвет: это была кровь. Юноша испуганно отдернул руки — чан с грохотом упал на пол. Бран вскочил и, отступив к дверям, запинаясь, сказал:

— Не ожидал от вас таких низкопробных трюков, мадам Луиза Лесталь. Теперь я понимаю, почему властям стали внушать подозрение подобные вам люди!

— Никаких трюков не было, Бран Блэк! Я просто пытаюсь вас предостеречь. Вы увидели то, что будет с вашими руками, если не послушаетесь меня. Запомните одно: скальпель хирурга в ваших руках превратится в нож убийцы!

— Вы не в своем уме? Как я раньше не понял этого! Мадам, вам нужно немедленно обратиться к психиатру. Прощайте. Надеюсь, никогда больше не увидеть вас. Не провожайте. Я сам найду дорогу, — Бран уже овладел собой и спокойно вышел из комнаты.

Лу Лесталь молча посмотрела ему вслед, а затем подняла чан и глухо сказала:

— Я тоже не хотела бы видеть вас, Бран Блэк.

Но, к несчастью, это не последняя наша встреча. И я ничего не могу изменить.

Глава 7

Бран быстро шел, почти бежал от дома мадам Лесталь. Остановившись за киоском, где продавали мороженое, он с опаской взглянул на свои руки — они были сухими и чистыми.

«Как здорово вывернула мне мозги эта проклятая ведьма», — подумал юноша.

Он прислонился к стене киоска, закрыл глаза и с облегчением подумал о том, что, к счастью, не может мысленно воспроизвести ни одну из виденных в воде картин. Да и зачем помнить это?

Бран досадовал на то, что вообще решил пойти на улицу Роше. Лучше бы он никогда не слышал о мадам Лесталь — теперь воспоминания о ней не скоро сотрутся из памяти.

Пройдя несколько шагов, Бран в нерешительности остановился — он не знал, куда ему отправиться. День не заладился с самого начала, и юноше хотелось до вечера забыть о неприятных событиях, побыв наедине с самим собой.

Он поднял глаза и сразу понял, что ему нужно сделать: вдалеке над верхушками деревьев возвышался золотой крест церкви св. Марии. Он

был сродни маленькому лучику солнца на фоне серого неба, и юноша невольно сравнил его с островом для потерпевшего кораблекрушение в бескрайнем океане, с колодцем, для идущего в пустыне путника. У Брана сразу стало тепло на сердце: каждое воскресенье он ходил сюда вместе с родителями, поднимался по лестнице, крепко держа их за руки, пытался прыгать через ступеньки, но отец сразу же урезонивал его и объяснял, что здесь нельзя шалить.

Мальчику нравился торжественный блеск иконостаса, таинственное потрескивание свечей, чистые голоса певчих. Он любил разглядывать иконы и слушать густой баритон отца Иакова. Он несколько не страдал от того, что на время был лишен возможности бегать и кричать. Став взрослее, Бран постиг внутреннюю сущность и самой церкви, и непонятных ранее слов отца Иакова, он осознал, что только здесь можно найти покой и утешение.

Когда не стало отца, юноша пришел в церковь св. Марии, слушал проповедь в тесной толпе людей и вдруг ему показалось, что все, даже незнакомые, скорбят вместе с ним, и каждый из них взял немного той тяжести, что лежала на его сердце. Бран поверил тогда, что отец не потерян для него навсегда, не исчез бесследно, а ушел жить в лучшем мире, и от этого боль немного притупилась, а после

совсем исчезла, оставив после себя легкую грусть. Почему он сразу не пришел сюда? Ивил не упустил бы случая обвинить юношу во всех смертных грехах и упорном нежелании искупить их. Кстати, он обещал Ивилу, что напишет сразу, как только приедет.

В церкви было немногочленно, что обрадовало юношу. Так же потрескивали свечи и тихо струился воск, так же блестел псевдовизантийский иконостас, так же пахло ладаном и все так же, как это бывало прежде, Бран не мог оторвать взгляд от иконы одигитрии, от царственной Богоматери в пурпурном одеянии.

Юноша сел недалеко от выхода и взглянул на амвон. За ним стоял юный священник и вдохновенно читал «Introit». Прихожане крестились и не спускали с него глаз, тихо повторяя слова молитвы. «Припадем к престолу Господню...» — долго еще звучали в ушах Брана вступительные слова и приятный голос, произнесший их. Юноше казалось, будто в церкви находится Ивил. Он надолго погрузился в свои мысли, а когда очнулся, то увидел, что народу прибавилось. Бран повернул голову и в нескольких метрах от себя заметил госпожу Розитт, которую давно знал. Ему очень захотелось поговорить с одной из тех, кто помнил его ребенком.

— Добрый день, госпожа Розитт, —

полушепотом приветствовал ее юноша.

Старушка повернула голову и, надев очки, стала всматриваться в лицо подошедшего к ней человека.

— Простите... — пробормотала она и убрала со лба прядь седых волос.

Юношу забавляло то, что она не может узнать его, в то время как он хорошо ее знает и помнит.

— Меня зовут Бран Блэк.

— Боже, так это ты, Бран? А я не узнала тебя. Надо же. Ты стал совсем взрослым. Как живешь? Как мама?

— Я окончил учебу в Локворде, вот вернулся недавно. У мамы все хорошо. А что нового у вас?

— Да-а, — протянула госпожа Розитт, — давно тебя не было видно, Бран. Я знаю, Элизабет болела, поэтому я ее тоже давно не видела. Знакомые часто о вас спрашивали. А нового у нас много: мадам Кадишон парализовало и она, бедняжка, все лежит, не встает. Я навещаю ее почти каждый день, но много ходить не могу — у меня отекают ноги и спину ломит. Что поделаешь — старость. А последнее время сердце колет, как прошлой зимой схоронила мужа, так и не отпускает. Сын уехал в Олдридж, письма теперь вот пишет — словом, не забывает. Два года назад умер отец Иаков, и вместо него теперь отец Сэдрик. Он совсем молоденький, но весь приход его

полюбил, он очень толковый. Говорят, что до того, как он принял сан, у него была какая-то история с девицей. Не знаю, как все там было, но то ли она умерла, то ли изменила ему, а может, он что-то нехорошее о ней узнал, но в результате стал священником и на женщин ноль внимания. У нас в приходе есть несколько бесстыдниц, так они и глазки ему строили, и на исповеди рассказывали в подробностях о своих прелюбодеяниях, но он все вытерпел. Словом, красотки совратить его не смогли.

Бран улыбнулся и взглянул на священника — даже издали было видно, что он не может не служить объектом для пристального внимания женщин. Его голос, манера говорить, слегка растягивая слова, привычка держать голову немного склоненной набок, оказывали на представительниц слабого пола такое же действие, как взгляд удава на кролика.

Бран невольно провел параллель между Ивилом и отцом Сэдриком. Его друга пытались заставить отказаться от полноценной жизни, и Ивил стал вести двойную игру, не отказывая себе в близких отношениях с женщинами. Молодой священник из церкви св. Марии ушел от всего мирского добровольно, кипящие страсти были ему чужды. Бран огляделся по сторонам.

— Что, мальчик, хочешь еще кого-то из

знакомых увидеть? Напрасно. Тут редко кто бывает из старых прихожан — многие из них переехали, кое-кто умер, — госпожа Розитт на мгновение замолчала, а затем продолжила, задумчиво глядя поверх головы Брана. — Кто знает, может, я доживаю последнее лето?

— Ну что вы! Не надо так говорить! — воскликнул юноша.

— В этом нет ничего страшного, Бран. Я уже нажилась, мне становится скучно. Пусть теперь живут молодые, пора уступить им дорогу. Ты, кажется, уже собрался уходить?

— Да, госпожа Розитт. Мне пора. Вы зашли бы когда-нибудь к нам. Мама будет очень рада, — сказал юноша, поднимаясь с лавки.

— Нет, это слишком долгий путь для такой старухи, как я. Лучше вы приходите ко мне. Помнишь, как тогда, во время жуткой грозы, вы все втроем зашли переждать ее, а у меня как раз были яблочный пирог и пудинг? Помнишь, как ты за щеки уплетал все съестное, а мой сын все переживал, что ты вот-вот лопнешь?

Бран рассмеялся — он прекрасно помнил тот день: утром он наотрез отказался от завтрака, из-за того, что его не повели в игрушечный магазин, а затем с лихвой восполнил этот пробел в своем рационе у госпожи Розитт, заставляя краснеть своих родителей.

Попрощавшись со старушкой, Бран вышел из церкви. Теперь ему не нужно было ломать голову над тем, куда пойти. Он зашел в магазин и купил там очаровательную корзинку со свежими фруктами и двумя бутылками шампанского разных сортов, а также коробку шоколадных конфет. По дороге Бран заглянул в цветочный магазин и вышел оттуда с красиво оформленным букетом роз на длинных стеблях — четыре белых и пять красных — намек на то, что дружба незаметно превращается в любовь.

К дому Кэролайн юноша подъехал на такси и увидел, как взметнулась белая тюлевая занавеска на окне — девушка заметила его. Она ждала. Бран не успел позвонить — дверь широко распахнулась и на пороге появилась Кэрри в серебристом коротеньком платьице и изящных босоножках на низком ходу. Густые темные волосы были собраны сзади в тугой узел, глаза блестели, а на губах играла немного смущенная улыбка.

— Как я рада, что ты пришел, Бран. Я боялась, что у тебя будут какие-то дела.

— Даже если бы у меня были дела, я их отложил бы, а встречу с тобой я всегда предпочту какой-нибудь другой, — сказал юноша, протягивая ей букет.

— Какая прелесть! Спасибо, Бран! — Кэрри нежно коснулась губами его щеки. — Пойдем в

дом.

В маленькой гостиной был накрыт столик на двоих. Кэролайн отлично умела сервировать. Она поставила на стол хрустальную вазу с водой и опустила в нее розы.

— Бран, ты, наверно, не догадываешься, зачем я тебя пригласила? Шампанское будет очень кстати, — девушка села за стол и посмотрела на Брана долгим взглядом глубоких карих глаз.

— Я догадался, Кэрри. Уже давно догадался, — Бран с улыбкой положил ладонь на руку девушки. Наступил тот момент, которого он так долго ждал. Но почему-то все красивые слова, которые он хотел сказать, вылетели из головы, и ничего подходящего юноша, как ни старался, не мог придумать.

Воспользовавшись его молчанием, Кэрри продолжила:

— Я рада, что тебе известно, в чем дело, обычно ты был очень недогадлив, Бран. Вот, возьми.

Она протянула юноше белый конверт.

— Что это? — недоумевая, спросил Бран.

— Как — что? Почти что официальный документ. Читай.

Юноша достал из конверта глянцевый лист бумаги и прочитал красиво написанный текст:

«Дорогой Бран! Приглашаем тебя на наше бракосочетание, которое состоится 14 июля в церкви св. Марии.

Кэролайн Стабби и Питер Вуд».

Бран почувствовал, как внутри у него что-то оборвалось, и, вскинув глаза на веселое личико девушки, хрипло спросил:

— Ты выходишь замуж, Кэрри?

— Так ты все-таки не догадался! А мы с Питером специально откладывали свадьбу до окончания твоей учебы. Мы очень хотели, чтоб свидетелем был именно ты.

— Спасибо, Кэрри... Мне очень приятно, — запинаясь, проговорил Бран. — Я очень рад за вас.

Весь вечер говорила Кэрри, ее веселый голосок звенел, не смолкая. Как и все влюбленные, она была немного эгоистична и не замечала состояния своего гостя. Бран отмалчивался. С того момента, как он узнал об этой свадьбе, юноша лихорадочно думал о том, как отговорить Кэролайн от замужества и как рассказать ей о своих чувствах. Он пил, не хмелея, а девушка как хозяйка не отставала от него.

— Ой, это шампанское такое крепкое, — рассмеялась Кэролайн. — Я опьянела. Никогда еще так не напивалась. Сейчас, наверно, у меня будет троиться в глазах.

В это время Бран наконец решил, что сказать:

— Замужество — это очень серьезный шаг, Кэрри. Ты хорошо все обдумала? Не кажется ли тебе, что ты слишком молода для этого? — начал он.

— Не думаю, Бран. Мне не семнадцать лет, так что все хорошо, — перед глазами Кэролайн стали раскачиваться подсвечники, стол и бледное лицо сидящего напротив юноши. Она чувствовала, что еще немного и отключится.

— Послушай, Кэрри, я очень люблю Питера, Он хороший парень. Но мне кажется, что он не подходит тебе.

— Стой, стой, Бран! Я не понимаю, о чем ты. Что значит не подходит?

— Питер — не пара тебе. Ты не будешь с ним счастлива. Тебе нужен другой человек...

— Как ты можешь, Бран... — девушка говорила механически, уже ничего не понимая, ее сознание постепенно меркло.

— Вот так и могу, Кэрри. Я говорю правду. Ты не будешь счастливой, если выйдешь за Питера, он не стоит тебя, он ничего не сможет дать тебе. Он всю жизнь будет простым водителем, а ты создана для богатства и роскоши... Почему, ответь, почему ты выбрала его? Ты должна знать, Кэрри: я люблю тебя, я все сделаю для твоего счастья. Если ты станешь женой Питера, то что-то убьешь во мне, и

я, клянусь, совершу какую-то ужасную вещь, и тогда все станут мучиться, как я, и в первую очередь ты и Питер. Я смогу на все пойти, Кэрри, и не буду страдать в одиночку. Никто не будет счастлив, когда несчастлив я, — говорил Бран, но его слова уже не осознавались девушкой — она засыпала.

Он понял, что все бесполезно. Единственное, что оставалось, это уложить Кэрри поудобней на диван и удалиться, плотно захлопнув за собой дверь.

Наутро девушка будет помнить только то, что приходил Бран, и она слишком много выпила — и ни слова из их разговора. Однако где-то в глубине ее сознания навсегда запечатлелись последние фразы, сказанные юношей, и спустя много лет Кэрри суждено будет вспомнить их, чтобы понять одну жестокую истину.

Бран медленно спустился во двор. Порыв ветра ударил его в грудь, заставив покачнуться. Тяжело упало несколько крупных капель дождя, а затем начался настоящий ливень. Ярко вспыхивали молнии, и гулко грохотал гром, а юноша все стоял во дворе, глядя на темную громаду дома и на окно, за которым мирно спала девушка, которую он любил. Нет, ему ничего не удастся изменить сейчас. Через несколько дней она станет женой Питера и будет потеряна для него навсегда. Навсегда ли?

Возможно, Кэролайн поймет, что ошиблась в своем выборе. А он, Бран, будет терпеливо ждать, когда наступит этот момент. А пока что нужно успокоиться, если, конечно, это возможно.

Бран пришел домой пешком, насквозь промокнув под ливнем. С него ручьем стекала вода, оставляя на полу в прихожей большие лужи.

— Кэрри выходит замуж за Питера, — прервал он начавшую охать Элизабет. — Вот как? Я догадывалась об этом и очень рада за них, — сказала госпожа Блэк.

— Ты рада?! — Бран был взбешен. — Но ведь я люблю Кэрри! Понимаешь, мама? Люблю!

— Ты никогда не говорил об этом, сынок. Даже вида не показывал, — растерянно ответила Элизабет.

— Они оба — предатели, — Бран убрал со лба мокрые волосы и взглянул на мать.

— Постой, Бран. Кэрри обещала выйти замуж за тебя? Она дала слово?

— Нет, — признался юноша. — Мы никогда не говорили об этом. Я думал, что еще не пришло время. Как раз сегодня собирался сказать ей все, но она дала мне приглашение на свадьбу.

— А Питер знал, что ты влюблен в Кэрри? — продолжала госпожа Блэк.

— Нет, не знал...

— Тогда они ни в чем не виноваты перед

тобой, мой мальчик. В любви нельзя ждать. Ты должен был сразу объясниться с Кэрри. Теперь уже поздно.

— Почему все должно было случиться именно так? Наверно, я родился под несчастливой звездой. Не хотел говорить тебе, но приходится. Я мечтал о другом и не хотел возвращаться сюда, но был вынужден — меня вышвырнули из Локворда. Мне казалось, что женитьба на любимой девушке сделает меня счастливым и компенсирует эту неудачу, а потом все наладится. Но я ошибся — она выходит замуж за другого. Говоришь, никто не виноват? Ты посмотри на моих друзей — они все счастливы. Так почему же и я, тоже заслуживший право на счастье, не могу им воспользоваться? А ведь я не хуже их, даже наоборот...

— Так судьба распорядилась, сынок. Не все потеряно. Ты еще будешь счастлив... — сказала Элизабет. Она была напугана тем, что никогда еще не слышала такой горечи в голосе Брана.

Юноша быстро поднялся к себе в комнату и замкнул дверь. Не включая свет он медленно подошел к окну. Ливень не прекращался, и все так же рокотал гром, сотрясая стены дома. Яркие вспышки молний на мгновения освещали комнату, двор, а затем вновь наступала непроглядная тьма, и только было слышно, как стучат капли дождя.

Бран думал о том, что слышал от многих

людей это слово — «судьба» и что каждый был убежден, будто ничего нельзя изменить, потому что человеческими жизнями руководит что-то свыше. В этот вечер, когда Бран глядел в мутное темное окно и чувствовал, что в его сердце происходит то же, что и за стенами дома, к нему неожиданно пришла твердая уверенность в том, что однажды настанет час, когда в его руках окажутся чьи-то судьбы и именно он распорядится ими так, как посчитает нужным.

Госпожа Блэк молча пила чай, боясь поднять глаза на сына. Он сидел за столом, так и не притронувшись к ужину, и смотрел в одну точку, ни разу не отведя взгляд в сторону. Элизабет очень хотелось хоть на минуту стать экстрасенсом и прочитать мысли, теснившиеся в голове Брана, увидеть то, что стоит перед его невидящими глазами. Женщину пугало его холодное спокойствие и тяготило длительное молчание, но нарушать его она не решалась.

Наконец юноша, виновато улыбнувшись, посмотрел на мать и заговорил. Госпожа Блэк отметила, что его голос был тихим и слабым, почти безжизненным, как у тяжелобольного.

— Мама, может, завтра сама пойдешь туда?

Элизабет была готова к такому вопросу и поэтому, ни на минуту не задумавшись, ответила:

— Нет, Бран, на свадьбу мы пойдем вместе. Я

знаю, что тебе будет очень больно, но это необходимо. Есть нечто, ради чего стоит жертвовать своими чувствами, своим покоем, самим собой — это многолетняя дружба, она проверяется именно такими жизненными ситуациями. Тебе выпало испытание, и я хочу, сынок, чтоб ты выдержал его. Ничего изменить уже нельзя, и ты должен овладеть собой и сделать все, чтобы не нарушить мирного течения жизни своих друзей. Если ты не пойдешь к ним завтра, то никогда уже не сможешь встретиться с ними, будешь избегать их, чувствовать себя виноватым в чем-то, переживать о том, что они, возможно, догадываются о причине твоего отсутствия на их свадьбе.

— Ты и вправду так считаешь, мама? Значит, я должен все скрыть в себе, мучиться, бороться, быть несчастным — и все ради них? — медленно спросил Бран.

— Если ты действительно любишь Кэролайн, сынок, не разбивай ее счастья, не лишай покоя, не заставляй ее считать себя причастной к твоим страданиям — пусть она останется в неведении. Она и Питер. Так проверяется дружба.

— Слишком дорогая жертва и слишком высокая цена... Не волнуйся, мама, никто ничего не узнает и даже не заподозрит.

Бран поднялся и ушел в свою комнату. Он

долго сидел за столом, его воображение с неумолимой яркостью стало рисовать картины — выходы из создавшегося положения — один нелепее и глупее другого. Юноша поймал себя на мысли о том, что уже второй раз за месяц ему не хочется жить. Он представлял, что дождется глухой ночи и, когда удостоверится, что мать крепко заснула, сведет счеты с ненужной ему жизнью.

Для сведения этих счетов существует множество способов. Один из них Бран отклонил сразу же: резать себе вены в ванной, тонуть в крови и с ужасом наблюдать, как медленно из твоего тела вместе с кровью уходит жизнь — это было выше сил юноши — при одной только мысли об этом ему стало дурно. Куда лучше веревка на шее. Но Брана покорило, едва только он представил себя болтающимся в петле. Синее лицо, высунутый язык — нет, он не должен быть отталкивающим даже в смерти, ведь Кэрри придет проститься с ним. Неужели она навсегда запомнит его обезображенным? Самое лучшее — это предсмертное письмо и таблетки. Никакой боли, он просто заснет, и никто не сможет разбудить его. Бран будет лежать спокойный и серьезный, все такой же красивый, но с печатью смерти на бледном лице. У юноши перехватило дыхание, когда он представил себе это.

Однако его воображение не иссякло: во время

брачной церемонии он громко, на всю церковь, скажет, что любит Кэрри и всегда любил, что не хочет мешать и желает ей с Питером счастья, а сам выстрелит себе в голову и упадет к ногам новобрачных. Поднимется суматоха. Кэрри будет плакать и звать на помощь, а потом с надеждой смотреть на приехавших врачей. Один из них, осмотрев Брана, печально покачает головой, встанет и скажет, что ничего уже нельзя сделать. Кэрри снимет фату и накроет ею лицо самоубийцы, а затем скажет Питеру, что никогда не выйдет замуж ни за него, ни за кого бы то ни было.

Но в ту же минуту перед Браном возникло лицо Ивила — красивые губы скривились в презрительной усмешке. Ивил всю свою жизнь будет презирать даже память о нем и скажет, что Брана надо похоронить, как собаку, за оградой кладбища, как делали раньше с самоубийцами. А Элизабет? Бросить ее одну в этом огромном, жестоком мире? Убить ее своей смертью? Он может стать самоубийцей, но убийцей — никогда. Бран отогнал от себя мрачные мысли и ощутил, как его бьет дрожь. Он схватил со стола какой-то детектив, наугад открыл и прочитал: «Но зачем же убивать себя? Лучше убить другого». Книга отлетела в сторону — юноша задыхался.

«Лучше убить другого» — эта фраза вновь и вновь возникала в воспаленном мозгу, будто сам

дьявол нашептывал ее на ухо. Один за одним вставали вопросы, на которые Бран не мог ответить. Убить Питера? Но простит ли его Кэрри? Похитить девушку из-под венца? Но захочет ли она быть с ним? С невероятной скоростью закружилась комната, а мебель выросла до исполинских размеров, задушив Брана.

Ранним утром Элизабет крадучись вошла в комнату сына — он сидел за столом, склонив голову на руки. Очевидно, он так и проспал всю ночь. На полу валялась книга. Госпожа Блэк осторожно подняла ее, скользнув взглядом по одной из строк — «...и тогда пламя огня поглотило его грешное тело».

Несколько минут Элизабет стояла рядом с Браном: от жалости у нее разрывалось сердце, а на глаза наворачивались слезы. Чего бы только она не отдала, лишь бы ее сын не страдал и был счастлив. Неужели он будет расплачиваться за ее старый грех, в котором она, по сути, не так уж и виновата? Неужели та молоденькая девушка и вправду навлекла что-то нехорошее, в нервном припадке прокляв еще не родившегося ребенка? Госпожа Блэк хотела обнять сына, но сдержалась и легонько тронула его за плечо.

— Пора вставать, мой мальчик, а то проспишь. Я приготовила тебе костюм, ты будешь в нем просто неотразим. Поспеш, Бран.

Юноша встал и принялся разминать затекшие от неудобной позы мышцы.

Бран очень смутно запомнил день свадьбы — как будто все, что происходило, его нисколько не касалось, как будто он наблюдал со стороны, а все его движения были чисто механическими, лишёнными смысла. Но в тот день в мире существовало два Брана — душа и тело. Первый, находившийся где-то глубоко внутри, забился в самый дальний угол, скорчившись от боли. Второй же смеялся, шутил, танцевал и флиртовал со всеми девушками подряд.

В своем странном полубессознательном состоянии юноша видел только трех людей: Кэролайн, Питера и подружку невесты Салли Верн. Очень хорошо и отчетливо Бран запомнил несколько моментов: первый — когда увидел Кэрри в подвенечном платье, удивительно похожую на сказочную принцессу, ее блестящие карие глаза, белые цветы, запутавшиеся в темных локонах — и сразу же лавина самых противоречивых чувств, в которых, казалось, он сейчас утонет. Однако легкое прикосновение маленькой теплой ладони Салли не дало ему захлебнуться.

— Здравствуйте, Бран! — сказала она. — Вы меня не узнаете? Я — Салли.

Юноша поспешил заверить ее, что сразу же узнал.

— Тогда почему вы несколько минут удивленно разглядывали меня?

Бран не мог признаться девушке, что в тот момент совершенно не видел ее, и поэтому сослался на то, что не мог произнести и слова из-за того, что она выглядит потрясающе. И сразу же Бран понял одно: он нисколько не кривит душой — Салли с зелеными русалочьими глазами, с ямочками и нежным румянцем на щеках, с удивительной улыбкой и звонким заразительным смехом понравилась ему еще больше, чем в их первую встречу. Но тут же его мысли омрачились — юноша подумал об ущербности собственной судьбы по сравнению с судьбой Эндрю: тому повезло в жизни, посчастливилось встретить замечательную девушку, которая полюбила его. Однако Бран не стал заниматься дальнейшим самоистязанием — он взглянул на Салли и на некоторое время забыл обо всем на свете, его заразило веселье девушки, он внезапно почувствовал себя спокойным и счастливым. Пусть это длилось ровно столько, сколько Бран и Салли шли под руку к машине, а затем ехали в церковь, но юноша понял, что рядом с Салли всегда покой и уют. Почему же она выбрала непоседливого и задиристого Эндрю? И почему пути всех хороших девушек проходят мимо него?

Пытка, начавшаяся в церкви св. Марии,

продолжалась до утра. Болезненное воображение Брана во время брачной церемонии вместо отца Сэдрика рисовало Ивила, а вместо Питера юноша видел себя. Когда туман, застилавший сознание Брана, расселся, он вновь осознал, что на свадьбе любимой девушки он всего лишь свидетель, держащий венец над ее головой. Кэрри, такая знакомая и близкая, была недоступной для него раньше, а сейчас станет потерянной навсегда. Всякий раз, как она задевала юношу рукой или краем платья, он вздрагивал и молил всех святых, чтобы это поскорее закончилось. Жених и невеста поклялись быть вместе, что бы ни случилось. Наступила развязка: Кэрри Стабби исчезла навсегда. Вместо нее появилась госпожа Вуд, законная жена Питера.

Поздно вечером, в перерыве между танцами, все сидели за столом. Тост следовал за тостом, крики «горько» не смолкали. Бран упорно смотрел в другую сторону — каждый поцелуй Кэрри и Питера был для него каплей яда в горькое вино этого вечера. Когда в очередной раз гости потребовали поцелуя жениха и невесты, Бран с силой сжал в руках бокал. Осколки впились в ладонь и кисть руки. Брызнувшая кровь залила скатерть и немного испачкала белое платье Кэрри, бросившейся помочь юноше. Очень быстро этот неприятный инцидент был исчерпан: кровь

остановили, перевязали руку. Бран почти сразу же принялся вальсировать, обхватив за талию Анну и шепча ей на ухо что-то смешное, отчего девушка хохотала до слез и все время сбивалась с такта. Танцевавший рядом Стив несколько раз настойчиво предложил им убраться с площадки, потому что они всех толкали, наступали на ноги и вносили беспорядок в стройные ряды пар. Весь вид Стива говорил о том, что он очень подозревает Анну в чрезмерном употреблении алкоголя.

— Мой дурачок думает, что я напилась, — сказала она, провожая глазами мужа. — А я сегодня ни капли в рот не брала.

— Да ну? На тебя это совсем не похоже, Анна, — ответил Бран.

— Что поделать — второй месяц беременности на исходе, так что я еще долго не буду пить.

Юноша присвистнул:

— А Стив в курсе?

— Еще чего! Я вот буквально сегодня хотела сказать, но передумала. Пусть сам догадывается, из-за чего я начну толстеть. Только, Бран, никому не говори об этом. Ладно? Я тебе как врачу и другу сказала.

— На меня можешь положиться, Анна. Никто не узнает, пока ты сама не захочешь рассказать.

— А я и не сомневаюсь в тебе. Ты

единственный, кому можно довериться во всем. За это мы тебя и любим, доктор Блэк, — и Анна поцеловала Брана в щеку.

— Что ты привязалась к человеку? Что ты повисла на шее, как камень, он же не собирается топиться, — Стив потянул Анну за рукав, пытаясь оторвать от Брана.

— А ты ревнуешь? Скажи, что ревнуешь! — девушка замерла в ожидании, устремив на Стива блестящие глаза.

— Бран — человек рассудительный и умный. Он никогда не позарится на такое сокровище, как ты.

Анна прыснула:

— Мне очень нравится твоя самокритика!

— В каком смысле?

— Ты сказал, что Бран умный и не будет со мной связываться. Это значит, что ты у нас полный идиот...

Бран незаметно оставил их вместе и смешался с толпой танцующих. Он приехал домой очень поздно, Элизабет не тревожила его — ей достаточно было узнать, что он вернулся, вернулся не в подавленном состоянии — это женщина поняла по его шагам. Она очень надеялась на то, что Бран справится со своим чувством, что его любовь не сильная, не глубокая и вскоре исчезнет сама собой, а он встретит и по-настоящему

полюбит какую-нибудь девушку. Только одно немного тревожило Элизабет: она была суеверной женщиной, и когда Бран порезал руку стеклом, ее соседка по столу сказала, что кровь на свадьбе — не к добру. Но госпожа Блэк не обладала даром предвидения и, к своему счастью, так никогда и не узнала, какую роль суждено было сыграть ее сыну в судьбах своих друзей.

На столе в комнате Брану бросилось в глаза письмо Ивила, и ему стало немного стыдно: он обещал написать сразу же, как только приедет, а сам до сих пор не сделал этого. Юноша решил больше не откладывать и тотчас сел за стол.

«Дорогой друг! — писал он. — Я хочу извиниться за долгое молчание. Знаю, что виноват, но надеюсь на прощение — пусть прозвучит цинично, но прощение — твоя работа.

Все шло великолепно первые дни. Вот только мой дядя Рон надолго испортил настроение. Впрочем, ничего другого я и не ожидал. Чувствую, мне предстоит долгая и упорная борьба с ним. Странно, но мне почему-то кажется, что я буду победителем. Ты удивлен? Ведь я о дяде всегда говорил со страхом. Поверь, я удивлен не меньше. Если бы месяц назад кто-нибудь сказал мне об этой

уверенности, то я подумал бы, что этот человек шутит.

И еще один неприятный момент — ты был бы очень недоволен мною: я ходил к одной местной ведьме, Луизе Лесталь. Не хочу рассказывать о том, что произошло. Скажу только, что даю зарок больше не пользоваться услугами подобных людей.

И последнее: ты, наверное, с нетерпением ждешь рассказа о моем сердечном деле? Ивил, сегодня была свадьба. Я пишу тебе в первую брачную ночь. Пишу, потому что я свободен, как и прежде. Не я был женихом на этой свадьбе. Как понимаешь, моя любимая девушка вышла замуж за другого. За моего лучшего друга, друга детства. Но я не в отчаянии. Нет. Со временем Кэрри поймет свою ошибку и придет ко мне. Я в это верю. Я умею ждать».

Глава 8

— Бран, проснись. Ну проснись же! — Элизабет настойчиво трясла сына за плечо. — Ты разве забыл? Сегодня твой первый рабочий день. Постарайся не опаздывать.

Юноша медленно открыл глаза. Забыл? Нет.

Этого он никак не мог забыть. Всю ночь его мысли были устремлены в завтрашний день. Наконец он наступил, и воинственное настроение, которое Бран поддерживал в себе целую неделю, исчезло. Юноша не хотел признаваться никому, даже самому себе, что ему очень тревожно и даже страшно.

Бран запретил Элизабет провожать себя до автобусной остановки, а тем более идти вместе с ним в клинику. Женщина стояла на крыльце и долго смотрела вслед сыну. Юноша чувствовал ее взгляд. При других обстоятельствах ему было бы приятно, но сейчас забота матери просто раздражала.

Бран остановился во дворе клиники и в упор посмотрел на ее стены, как будто перед ним была неприступная крепость, которую во что бы то ни стало нужно взять. Больше всего на свете в этот момент юноше хотелось повернуть назад, но он взял себя в руки и, толкнув стеклянную дверь, вошел внутрь. Его обоняние сразу же уловило тот особый больничный запах, который был знаком ему с раннего детства, — такой же запах исходил от белого халата его отца, так пахли его руки. Брану показалось, что отец где-то здесь, рядом. Это прибавило уверенности, и юноша решительно направился к регистратуре, чтобы узнать, где находится Рон.

Он поднялся на третий этаж и вышел в коридор. Навстречу ему шла небольшая группа врачей в одинаковых белых халатах и, как показалось юноше, с одинаковыми лицами. Рон Блэк резко выделялся среди них, несмотря на такой же белый халат. Он говорил властно и смотрел взглядом настоящего хозяина. Его ни с кем нельзя было спутать. Создавалось впечатление, что он владелец не только этой небольшой клиники, но и всего мира. Бран поздоровался с дядей и его спутниками. Рон коротко кивнул ему и сказал:

— Подойдите ко мне, Хэнкс.

Тотчас около него появился низенький толстый человечек с большой лысиной и очками в роговой оправе. Он вопросительно взглянул на Рона, напомнив Брану собаку, ловящую каждое слово хозяина.

— Займитесь, Хэнкс, — бросил Рон, указав на племянника, и ушел в сопровождении своей свиты.

Хэнкс подошел к юноше и, пристально посмотрев на него, спросил густым басом, который не слишком вязался с его ростом лилипута:

— Значит, это вы и есть — Бран?

— Да, это мое имя, — ответил юноша.

Хэнкс замолчал и принялся бесцеремонно разглядывать Брана. Пауза слишком затянулась, и юноша начал выходить из себя:

— Мы так и будем стоять здесь до вечера,

господин Хэнкс?

Хэнкс хмыкнул и ухмыльнулся:

— А вам не терпится приступить к своим обязанностям? Я не смею задерживать. Идемте, покажу ваше рабочее место.

Он засеменил по коридору, Бран пошел следом.

Они спустились на второй этаж и остановились у дверей в самом конце коридора.

— Вот здесь находятся ваши инструменты, — сказал Хэнкс.

Он открыл дверь и по очереди принялся ставить на пол ведро, порошок, совок, прислонил к стене швабру и веник, а затем, брезгливо сморщившись, взял двумя пальцами тряпку и швырнул ее к ногам юноши. В заключение Хэнкс бесцеремонно повесил на плечо Брана сомнительной чистоты халат. Не обращая внимания на опешившего от удивления юношу, он сказал:

— Итак, вы должны тщательно вымывать коридоры, палаты и операционные, выносить судна, перестилать постели больным, мыть туалеты, лестницы — словом, в вашем распоряжении левые крылья третьего и четвертого этажей.

— Я чувствую себя Золушкой, — сдавленно пробормотал юноша.

— А вы шутник.

— Я люблю шутки, господин Хэнкс, но ваша,

кажется, затянулась. Давайте говорить серьезно, — начал Бран.

— Простите, мне пора, — Хэнкс развернулся и засеменил прочь.

— Стойте! — Бран догнал его и загородил собой дорогу. — Я ничего не понимаю! Я окончил Локвордскую Академию. С отличием. Это дает мне право...

— Запомните, молодой человек, — перебил его Хэнкс, — право здесь дает только господин Блэк. Даже если бы вы закончили три Академии, то ничего бы не изменилось. А если вам что-то не нравится, то никто вас не держит. Наша клиника — очень уважаемая, и человек должен заслужить даже работу уборщика в этих стенах. То, что вы сын Гарри, не значит ровным счетом ничего. Господин Блэк по доброте душевной взял вас. Вы обязаны благодарить его, а не проявлять неудовольствие. Запомните это. Не теряйте времени — принимайтесь за работу. Я вас оставлю — у меня слишком много дел, — с этими словами Хэнкс отвернулся и потрусил прочь.

— Один ноль в пользу дорогого дядюшки Рона. Счет открыт и отступать поздно, — пробормотал Бран, засучивая рукава.

— Как прошел первый день, сынок? У тебя все получалось? — Элизабет вопросительно смотрела в глаза сыну.

Брану очень хотелось рассказать ей всю правду, но он решил не расстраивать ее лишний раз и поэтому ответил:

— Прекрасно, мама. Лучше, чем я думал.

— Ты выглядишь усталым.

— Ничего. Приму душ и все пройдет. Не забывай: я работаю всего первый день.

— Да, конечно. А Рон? Как он отнесся к тебе?

— Неплохо, мама. Я скоро приду к тебе и все расскажу поподробней.

Юноша поднялся в ванную и остановился у раковины, судорожно взявшись за ее края. Его сильно мучило после мытья туалетов и выноса суден. Он долго стоял под душем, остервенело тер себя мочалкой и представлял, что вся грязь, которую он вымыл сегодня, намертво вошла в его кожу.

С новой силой тошнота подступила к горлу, когда Бран осознал, что теперь изо дня в день ему придется выполнять эту грязную работу. Юноша вытер запотевшее зеркало и взглянул на себя. Прилипшие ко лбу мокрые волосы, бледнее обычного лицо и начавшие обозначаться круги под глазами — в зеркале отразился не самоуверенный молодой человек, а обыкновенный мальчишка. И тут же Бран вспомнил своего дядю, мысленно сопоставив его и себя, с горечью осознал, что рядом с Роном он выглядит ничтожным и жалким,

физически ощутил омерзение к самому себе, а затем, сразу же — болезненно жгучую ненависть к дяде. Он вновь посмотрел в зеркало и вздрогнул — там не было того несчастного мальчишки, которого он видел несколько секунд назад, там стоял совсем юный Рон Блэк с плотно сжатыми губами и стальным блеском в глазах. Не сразу Бран понял, что это он сам. На какую-то долю секунды он испугался, и страх придал его чертам все то же детское выражение, вновь превратив в самого себя. Бран отшатнулся от зеркала, быстро оделся и вышел из ванной.

Кругом царила темнота. Юноша не стал зажигать свет — он мог с закрытыми глазами пройти по всему дому, к тому же тьма как нельзя лучше соответствовала его настроению.

Бран зашел в гостиную, откуда пробивался неверный мерцающий свет. Посередине накрытого по-праздничному стола стоял подсвечник. Элизабет, державшая в руках два хрустальных бокала, обернулась на звук шагов сына. При неярком освещении она показалась Брану совсем молодой, и он подумал о том, как должно быть отец любил ее. Во время ужина Элизабет открыла бутылку, напоминающую часть изящного ствола какого-то дерева.

— Этому вину, Бран, почти пятьдесят лет. Его подарил твоему дедушке один известный

французский хирург. Я решила открыть его именно сегодня, потому что этот день будет одним из незабываемых.

«Да уж — что правда, то правда», — с долей сарказма подумал Бран, но улыбнулся матери.

— Это начало твоего пути, — продолжала Элизабет. — Я от всего сердца желаю тебе удачи, мой мальчик, желаю успеха и признания. Пусть ничто и никогда не огорчает тебя, сынок.

Бран поднял бокал и замер: в холодном блеске хрустала искрилось и играло вино изумительно красного цвета. Какое-то странное чувство сдавило грудь, и юноше стало тяжело дышать.

— Что с тобой? — обеспокоенно спросила Элизабет.

— Красивый цвет, правда? Зловещий цвет крови. Мне кажется, это очень символично — ведь я хирург.

Рука юноши слегка дрогнула. Он поднес бокал к лицу и взглянул в его пугающую неправдоподобную бездну. Бран неясно увидел свое отражение и ему вдруг представилось, что сейчас в его руке та самая «чаша судьбы», о которой он часто читал в романах и стихах. Ему стало не по себе, захотелось отставить этот бокал в сторону, выплеснуть рубиновое вино, заменив его зеленовато-желтым, спокойным цветом удачи. Но опять-таки, он много слышал о том, что от судьбы

нельзя уйти, поэтому Бран был готов бросить ей вызов и выпить до дна свою «чашу». Юноша поднес к губам бокал и закрыл глаза, чувствуя, как обожгло его вино с приятным пьянящим вкусом, огнем разлившись по жилам.

— Жаль, что нашему папе не суждено было дожить до этого вечера. Я сейчас сделаю то, что должен был сделать он. — Элизабет достала из кармана своего платья небольшой футляр и открыла его. На красном бархате лежали золотые часы, Бран совсем забыл о них — отец никогда с ними не расставался.

— Помнишь эти часы? Гарри получил их в подарок в первый день своей работы. Вот здесь, с левой стороны браслета, часть его может открываться. Папа носил в ней нашу общую фотографию. Возьми, сынок, теперь это твои часы и ты можешь вставить сюда фотографию человека, который будет тебе очень дорог. Но не мою, — улыбнулась Элизабет, голос ее дрогнул. Она поспешила защелкнуть браслет на запястье сына. Бран порывисто обнял ее — он готов был расплакаться, как ребенок.

Пожелав спокойной ночи Элизабет, Бран поднялся в свою комнату. Он лег в постель и стал думать об отце, вспоминал эпизоды своей жизни, связанные с ним. Юноша вертел в руках часы, поблескивавшие в свете ночника, и решил, что тоже

никогда не расстанется с ними. Его внимание привлекла внутренняя сторона циферблата, испещренная множеством царапин, что немало удивило Брана — его отец всегда был очень аккуратен в отношении вещей. Присмотревшись повнимательней, юноша понял, что там была надпись, которую пытались стереть. Движимый любопытством, Бран поднес часы под лампу и, низко склонившись, напрягая зрение, разобрал: «Гарри с любовью. Паула, Рон». Значит, эти часы отцу подарили дядя и его жена, подумал юноша, но тут же вспомнил, что жену Рона звали Жюльетт. Кем же была эта Паула? Какую роль она играла в жизни отца и дяди? Почему никто никогда не говорил о ней? Бран не мог ответить на эти вопросы. Он пришел к приемлемому выводу: очевидно, Паула была первой девушкой Рона Блэка. Позднее, когда между братьями произошла ссора, о которой Бран почти ничего не знал, Гарри попытался стереть надпись на своих часах, возможно, даже перестал их носить, и вновь одел только после примирения.

Юноша положил часы на тумбочку и выключил свет, решив, что не стоит ворошить прошлое.

Начиная со следующего для Брана потянулась вереница серых, безрадостных, однообразных дней. Работа вызывала в нем омерзение, дома он

вынужден был постоянно лгать матери. Юноша был уверен, что Элизабет еще долгое время не узнает, что ее сын вовсе не хирург, а обыкновенный уборщик.

Ночи не приносили ни покоя, ни облегчения. Если он не спал, то думал о Кэролайн и о своей жизни, не видя в ней ничего утешительного, а если спал, то ему снились только зловещие кошмары и разнообразные нелепости. Более чем когда-либо Бран нуждался в друзьях. Но женатые люди уже не принадлежат сами себе. Исчезли прежние частые вечеринки, каждодневные походы по кафе и дискотекам. Они стали встречаться по субботам, да и то не всегда и не все, хотя довольно часто перезванивались. Но что такое телефонный разговор, когда не видишь глаз своего собеседника?

Иногда, перед сном, Бран набирал номер Вудов. Он сразу вешал трубку, если к телефону подходил Питер, а если это была Кэрри, то юноша жадно вслушивался в ее голос, но никогда не решался заговорить. Он чувствовал, что его любовь горит жестоким медленным огнем, сжигая изнутри его тело. Тяжелое, мучительное чувство билось в нем, просясь наружу, а Бран изо всех сил боролся и сдерживал его.

Юноша ждал, каждый вечер ждал, что вот-вот откроется дверь, и в дом войдет Кэролайн. Она подойдет к нему и скажет, что больше не может

жить с Питером, что она его почти возненавидела и поняла, наконец, что всю жизнь любила одного Брана. Но вечера таяли во времени, а дверь все не открывалась.

Глава 9

Помимо грязной работы, которую Бран выполнял в клинике, было одно обстоятельство, угнетавшее его. Младший персонал сторонился юношу, как чумного, а заведующие отделениями и хирурги смотрели на него, как на пустое место, демонстративно игнорируя, или же все, что ни делал Бран, рассматривали чуть ли не под микроскопом, выискивая малейшую оплошность, малейший повод, чтобы отчитать юношу, как простого школьника.

Один раз, после очередного столкновения с ними, Бран поднялся на лестничную площадку технического этажа, чувствуя подступивший к горлу комок и конвульсивную дрожь всего тела. Он долго стоял, прижавшись щекой к холодной стене, пока чья-то рука не опустилась к нему на плечо. Бран замер и медленно обернулся. Рядом с ним стоял высокий худощавый мужчина. Жидкие волосы его были зачесаны назад, открывая высокий лоб. Немного крючковатый нос делал его похожим на хищную птицу. Возможно, внешность этого

человека кому-то могла бы показаться несколько зловещей, если б не печальные голубые глаза, полностью сглаживающие это впечатление. Бран видел этого мужчину несколько минут назад в коридоре — он стоял в стороне ото всех у двери, когда несколько пожилых врачей упражнялись в остроумии, а Бран служил объектом насмешек.

— Не расстраивайтесь. Они просто хотят услужить вашему дяде. Не обращайтесь — просто отгородитесь невидимой стеной. Пусть они станут для вас ничем, будто их вовсе нет и не было.

— Вы кто? — быстро спросил юноша.

— Меня зовут Боб Ривер. Может, слышали?

Действительно, раньше это имя часто произносилось в их доме. Бран вспомнил, что так звали заместителя отца, и что Ривер был классным анестезиологом.

— Да, папа часто говорил о вас. Наверно, вы теперь заведуете всем отделением?

— Я? — Ривер улыбнулся. — Да нет, я теперь санитар.

— Простой санитар?

— Да. Когда не стало вашего отца, господин Рон хотел меня сократить, но пожалел: в это время умерла моя жена, осталась одна дочка. Новую работу найти очень трудно. Он меня пожалел... — Боб усмехнулся, но затем серьезно взглянул на юношу и продолжил: — Вы должны научиться

главному: не подпускать близко к своему сердцу обиды и боль, а уж тем более ни в коем случае не впускать. Вы должны уметь владеть собою и не растрачиваться по пустякам — иначе вас не хватит надолго. И главное: никогда не показывайте, что вам плохо, что те, кто хотел обидеть вас, достигли своей цели. А сейчас, простите, я должен идти. Когда будет время, обязательно заходите ко мне. Сегодня, например. Договорились?

Бран кивнул.

— Ну и отлично, — Боб улыбнулся и, потрепав юношу по плечу, ушел.

Бран воспользовался предложением Ривера и после работы поднялся на четвертый этаж. В коридоре было пусто и темно, маленькая лампочка, горевшая над одним из кабинетов, была единственным источником света в этом крыле, в противоположном, где находились палаты больных, лампы горели почти круглосуточно.

Юноша свернул за угол и, пройдя еще несколько метров, оказался возле комнатки Боба. Бран толкнул дверь, не слишком надеясь кого-то застать за ней. Однако он ошибся — Ривер стоял возле окна и обернулся на звук открываемой двери.

— Я почти был уверен, что вы зайдете ко мне, Бран, — сказал он. — Присаживайтесь.

— Спасибо, — Бран сел за стол и вытянул вперед ноги, чувствуя во всем теле свинцовую

тяжесть.

— Обычно приход нового человека в коллектив всегда отмечается, — Ривер поставил на стол две чашки. — У нас, правда, сейчас такого уже нет, когда новичков встречали чуть ли не с оркестром. Это было при старшем господине Блэке. Но сегодня мне хочется поддержать ту старую традицию. Спиртного, правда, у меня нет, зато есть отличные пирожные. Надеюсь, вы не придерживаетесь диет, как молоденькие девушки?

Впервые за много дней к Брану пришло чувство покоя. Они довольно долго сидели за столом. Ривер рассказывал юноше о его дяде, отце и деде, о том, как строилась клиника, о себе, работе и о многом другом. Постепенно юноша проникся горячей симпатией к Бобу. Свою роль в этом сыграло и то, что Ривер был когда-то дружен с отцом Брана и отзывался о нем с искренней теплотой.

Уже начинало смеркаться, когда Боб и Бран убрали со стола и направились к выходу. Юноша шел первым и едва успел увернуться от внезапно распахнувшейся двери. В кабинет ворвалась живая и подвижная девочка, чем-то отдаленно напоминающая Боба.

— Осторожней, Инга. Передвижение с такой скоростью просто недопустимо. Я же говорил тебе тысячу раз: здесь больница, а не стадион, и если ты

попадешься на глаза кому-то из моего руководства, то мне не поздоровится. К тому же ты чуть не ударила дверью молодого человека.

Увидев незнакомца, девочка смутилась и, не двигаясь, стояла возле двери, время от времени поглядывая на него и на отца.

— Бран, это Инга, моя дочь, — сказал Ривер. — Детка, познакомься с господином Блэком и извинись перед ним.

— До господина Блэка мне еще далеко, так что зови меня по имени, — сказал Бран, пожимая протянутую ему теплую ладошку, не заметив, как дрогнула рука девочки, когда он прикоснулся к ней.

Втроем они спустились вниз, Боб пошел отдавать ключ дежурному, Бран и Инга остались ждать его у стеклянных дверей.

— Ты часто приходишь к отцу на работу? — спросил Бран.

— Не очень, но мне нравится возвращаться вместе с ним, — ответила девочка и замолчала, сосредоточенно вглядываясь в темноту.

— И тебе не страшно одной ходить вечером?

— Нет. Мы живем недалеко отсюда, и мне все здесь родное.

— Ты еще в школе учишься, верно?

Инга кивнула, скрывая досаду, — ей казалось, что она уже почти совсем не похожа на школьницу.

— Решила, кем станешь?

— Да. Я буду анестезиологом. Как папа.

Бран согласно кивнул:

— Это хорошо, когда не колеблешься в выборе профессии. Я тоже с детства мечтал стать хирургом.

— И вы проводите операции? — восхищенно спросила Инга, впервые решившись взглянуть Брану в глаза.

— Почти что проводит. Не приставай к Брану, — Боб обнял дочку за плечи и легонько подтолкнул к выходу.

Они шли по аллее к автобусной остановке. Ривер и Бран оживленно беседовали, Инга молча шла рядом, время от времени бросая длинные взгляды на юношу.

— Поторопитесь, Бран, ваш автобус вот-вот уедет, — сказал Боб. — До завтра.

— До свидания, господин Ривер! До свидания, Инга! — уже на бегу крикнул Бран. Он ловко вскочил в автобус и успел помахать рукой своим спутникам.

— Инга, пойдём, — сказал Боб, когда отошел автобус, и тронул девочку за плечо.

Однако она никак не среагировала. Не отрываясь, Инга смотрела вслед удаляющемуся автобусу, и Ривер был вынужден позвать ее еще раз.

— Что, папа? — спросила девочка, не

поворачивая головы.

— Я говорю, пойдём домой.

— Пошли, — вздохнула Инга и послушно двинулась за отцом. — Папа, правда, Бран очень красивый?

— Да. Очень интересный парень. Тебе он понравился?

— Да... Ну не так, чтобы очень, но...

— Ладно, я видел, как «не очень». Только вот что, дочка. Сразу заруби себе на носу: ты — не пара Брану.

Инга задохнулась от неожиданности, а Боб невозмутимо продолжал:

— Можешь думать о нём, но только как о друге. Мне почему-то кажется, что вы с ним подружитесь. Ну а любовной чепухой не смей забивать себе голову. Во-первых, потому что тебе только шестнадцать лет, во-вторых, потому что ты всегда должна помнить старую поговорку: «Ястреб и ласточка летают в разных небесах». Поверь мне, для Брана ты всегда будешь маленькой девочкой, вот как сейчас. Он никогда не посмотрит на тебя как на женщину.

Инга отвернулась в сторону, закусив губу, а затем спросила дрожащим от обиды голосом:

— Зачем ты это говоришь мне, папа?

— Затем, чтоб ты не строила замки из песка, не рисовала себе в воображении сказочного принца

в образе молодого Блэка, который увезет тебя в золотой карете далеко от страданий и горя. Лучше я сейчас сам разрушу твой замок, чем это сделает кто-то другой. Сейчас тебе больно, но позднее все было бы гораздо хуже. Готовься к жизни и не обольщайся ничем. Так ты будешь умницей?

— Да, папа, — покорно ответила Инга. Она привыкла доверять отцу, знала, что он никогда еще не ошибался и хотела поступать только так, как советовал он. Однако девочка почувствовала, что за один только вечер стала совсем другой, почувствовала, как в ней рождается что-то новое, незнакомое, то ли скрытый протест против отцовских поучений, то ли что-то иное, имени которого она еще не знала.

Утром следующего дня Бран проснулся в отличном настроении — впервые за много ночей его не мучили кошмары и впервые он собирался на работу, нисколько не принуждая себя к этому.

На следующий день и еще через день ничто не изменилось — Брану было легко, но он едва ли отдавал себе отчет в том, что случилось, приписывая свое состояние тому, что наконец-то смог пересилить хандру. Но все дело было в его новом друге, который изменил его жизнь в клинике, и если юноша торопился на работу, то только для того, чтобы увидеться с Бобом.

Однажды, спустя две недели после знакомства

с Ривером, Бран как обычно мыл пол в коридоре. Он настолько задумался, что ничего не замечал вокруг, кроме пола и швабры. Неожиданно ход его мыслей был нарушен чьим-то голосом.

— Нда-а-а. А я вижу, ваш дядюшка не слишком-то жалует вас, — на подоконнике перед Браном сидел молодой парень, почти одного с ним возраста. Он был слегка полный и до смешного белобрысый, брови и ресницы едва выделялись на его красном лице.

Бран нахмурился и промолчал — по всему было видно, что этот парень очень наглый, напористый и циничный. Юноша не любил таких. Между тем белобрысый слез с подоконника, подчеркнуто осторожно, на цыпочках, будто в насмешку, прошелся по вымытому, еще мокрому полу и, остановившись рядом с Браном, стал нахально его разглядывать. Затем маска цинизма сменилась маской добродушия — лицо парня почему-то все время находилось в движении, будто кто-то менял кадры, и Бран никак не мог взять в толк, что представляет из себя невесть откуда взявшийся человек.

Белобрысый заговорил вновь — на этот раз лицо его было серьезным, без тени насмешки:

— Я знаю, что вы — Бран, племянник господина Блэка. По всей видимости, не слишком любимый, раз, имея локвордское образование

драйте пол в клинике. Я — Скотт Сконер, ваш коллега по третьему и четвертому этажам, хотя тоже имею высшее образование, правда, не такое блестящее, как у вас. Мне известно также отношение к вам наших милых сотрудников...

Бран никак не мог понять, к чему клонит Сконер, поэтому он облокотился о стену и спокойно слушал его. Скотт сделал перерыв в своей грандиозной речи — очевидно, ему не хватило воздуха. Бран усмехнулся:

— Далее, господин Сконер...

— Я понимаю вашу реакцию. Но будем говорить, как два взрослых, деловых человека, именно деловых — я чувствую, что вы очень многого хотите от жизни и будете добиваться этого любой ценой, мои запросы несколько скромней, но я также хочу кое-чего добиться. Сейчас вы брошены на поживу шакалов, именующих себя хирургами. Вы одиноки, неопытны, молоды и незнакомы со здешними правилами. Здесь все ненавидят друг друга, искусно скрывая это. Клиника — это маленькое государство, основанное на подчинении и страхе. Если вы не будете осторожны и осмотрительны — вас попросту съедят. Жизнь в клинике полна неожиданностей и неприятных сюрпризов. Я остался здесь потому что... потому что сумел приспособиться и усвоить правила игры. Я работаю тут три с половиной года

и знаю все про всех, все ходы и выходы. В этой клинике нет ничего такого, что было бы неизвестно мне. Вам нужен союзник...

— Вы ошиблись насчет моего одиночества, Скотт, — заметил Бран, — у меня есть друг.

— В этой клинике есть только один человек, способный быть другом...

— Боб Ривер?

— Да, именно он. Однако я хочу закончить свою мысль. Я предлагаю вам себя в качестве союзника, компаньона, если хотите. Я ознакомлю вас со всем и многому научу, поверьте, я много чего умею. Скажу открыто: у меня корыстные побуждения. Ваш дядюшка не вечен, после него хозяином будете вы. Смею надеяться, что вы не оставите меня — ведь я помогу вам в тяжелые дни, а они не за горами. Боб... Очень хороший человек, но он уже стар, он устал от жизни, которая много его била. А мы с вами молоды. Так почему бы нам не объединиться?

Бран молча смотрел на Сконера, он начинал чувствовать к нему интерес: Скотт — человек с внутренним стержнем, напоминающий своими стремлениями самого Брана.

— Ага, вот вы где, — в коридоре появился Ривер. — Я как раз хотел вас познакомить — Скотт только сегодня вышел из отпуска. Со знакомством я вижу опоздал. Ну не беда. Надеюсь, Скотт вел себя

вежливо и корректно? Он грубиян и циник, но парень надежный. И не стоит обращать внимание на его развязный тон. Пожмите друг другу руки и приступайте к своим обязанностям, иначе ваше безделье посреди рабочего дня вызовет бурю негодования.

Сконер улыбнулся и протянул руку, неотрывно глядя Брану в глаза. Бран ответил рукопожатием, с удивлением отметив установившуюся между ними незримую связь.

Скотт оказался прав: Бран действительно совсем не умел играть в ту игру, которой развлекалась вся клиника. Вскоре юноша почувствовал себя странником, идущим по опасной трясине. Безразличие к нему неожиданно сменилось всеобщим вниманием. Местные интриги ни в чем не уступали заговорам королевских дворов. Юношу неотвратимо втягивали в какие-то скандальные и грязные дела. Голова у него шла кругом, он не знал, кому верить, а кого опасаться, ощущал себя беспомощной куклой в умелых руках. Каждое его слово истолковывалось иначе, чем было сказано на самом деле, и тотчас о нем знала вся клиника. В конце концов Брану показалось, что он — неопытный пловец, который вот-вот утонет. Однако в самый отчаянный момент Скотт, наблюдавший все происходящее со стороны, вытащил юношу из всех передряг, в которые его угораздило попасть. В

течение нескольких дней Брана оставили в покое на некоторое время.

— Ну, теперь вам все понятно? — спросил однажды Сконер, когда они сидели в комнатке Боба.

Юноша утвердительно кивнул.

— Я обещал помогать вам, и я буду это делать, — продолжил Сконер и вопросительно взглянул на Брана.

— Я ничего не обещал, но, может быть, когда-то тоже смогу помочь вам, — ответил юноша.

Скотт держал данное слово, постепенно вводя Брана в курс происходящих событий, давая точные характеристики всем тем, с кем юноша сталкивался каждый день. Он методично учил Брана обходить острые углы, не доверять кажущимся слишком искренними словам, не позволять втягивать себя в сомнительные дела. Рядом со Скоттом Бран поначалу чувствовал себя слепым котенком, тычущимся носом в разные стороны и не находящим то, что хочет. Однако со временем все стало меняться: Бран научился распознавать людей, угадывать их мысли. Теперь уже стоило большого труда ввести юношу в заблуждение, к тому же Скотт и Ривер всегда были рядом с ним, всегда готовы помочь ему или дать нужный совет.

Незримая связь, появившаяся между Браном и Скоттом в первый день их знакомства, начинала

крепнуть. Несмотря на свою корысть, Скотт привязался к Брану, его радовало то, что он не ошибся в юноше, принял нужную сторону. Скотт решил всегда быть рядом с будущим состоятельным наследником и брать от него все, что можно будет взять.

Глава 10

Бран медленно вышел на улицу, несколько раз щелкнул зажигалкой, прикуривая, глубоко затахнул и пошел по аллее, слегка отворачиваясь от летевших прямо в лицо осенних листьев.

Внезапно позади него прозвучал хорошо знакомый голос. Этот голос юноша мог узнать везде и всегда — уже столько лет он жил в его сердце. Бран резко обернулся, не зная, верить или не верить звуку этого голоса, реален ли он или просто является плодом его воображения.

Позади, в нескольких метрах от юноши, стояла Кэролайн. Замужество явно пошло ей на пользу — легкая полнота нисколько не портила ее, даже наоборот, придавала очарование ее фигуре, которого раньше не было. Смуглая кожа, казалось, излучала солнечный свет, а глаза все так же метали золотые стрелы, приводя юношу в трепет.

Брану неодолимо хотелось сорваться с места и ощутить под ладонями нежную кожу Кэролайн,

смотреть и растворяться в ее глазах, хотелось поднять ее на руки прямо на улице, у всех на виду, чтобы люди завидовали его счастью, хотелось, чтобы Кэролайн принадлежала только ему.

Однако юноша сдержал себя и спокойно подошел к Кэрри, изо всех сил пытаясь унять биение любовного пульса. Они обменялись дружеским поцелуем, и Бран спросил:

— Что ты здесь делаешь? Не ожидал увидеть тебя.

— Сегодня пятница. Я знаю, что это короткий день... — молодая женщина замолчала, и юноша ощутил, что ее что-то беспокоит. — Бран, ты нужен мне.

У юноши перехватило дыхание: неужели наконец-то наступил этот долгожданный день? Неужели она пришла к нему навсегда? Бран тотчас овладел собой и тихо спросил:

— Что-то не так?

— Понимаешь... Ты не мог бы поехать со мной в консультацию? — запинаясь, пробормотала Кэрри, волнуясь еще больше.

— В какую консультацию? — озадаченно спросил Бран.

— В женскую... — Кэролайн взглянула Брану в глаза и, видимо, немного успокоившись, продолжила:

— Обещай, что поможешь мне. Обещаешь?

— Обещаю. Но что я должен сделать?

— Ты должен представиться моим мужем, — просто сказала Кэрри.

Юноша вспыхнул и непонимающе взглянул на нее.

— Я жду ребенка, Бран. Там что-то не все в порядке, и мой врач попросил привести мужа. Только, пожалуйста, ни о чем меня не спрашивай и скорее поедem, а то опоздаем.

Юноша и не собирался задавать вопросы — известие о беременности Кэролайн в полном смысле слова придавило его к земле. Ребенок — вот кто навсегда привяжет Кэрри к Питеру, вот кто встанет между Браном и его любимой женщиной.

— Я поздравляю тебя и Питера, — сказал юноша и попытался улыбнуться. — Ты не отстаешь от Анны.

— Да. Но не только я одна. Салли тоже. Ты представляешь: три ребенка в один год? Вот только ты нас подводишь.

— Я пока что не тороплюсь, — пожал плечами Бран.

Они поймали такси и уже минут через сорок входили в кабинет женской консультации.

— А, Кэролайн Вуд! Здравствуйте, — маленький седой человечек встал из-за стола при их появлении. — Это ваш муж?

— Да, это Питер, — быстро ответила

женщина, опускаясь в кресло напротив стола.

Бран пожал протянутую ему руку и тоже присел, вопросительно глядя в лицо врача.

— Ну-с, ваша очаровательная жена ввела вас в курс дела?

— Да, господин Дрейк. Мы оба против аборта. Правда, Питер? — Кэрри умоляюще посмотрела на Брана, вынудив его утвердительно кивнуть.

— Очевидно, вы очень плохо объяснили ситуацию своему мужу, — Дрейк встал из-за стола и, пройдя через кабинет, достал из шкафа небольшую папку. — Я понимаю ваше обоюдное желание стать родителями, но настаиваю на аборте. У вашей жены больные почки. Во время родов они могут отказать. Девяносто пять процентов из ста, что это закончится летальным исходом. Я больше часа в прошлый раз убеждал госпожу Вуд, но она и слушать меня не хотела. Очень надеюсь на ваше благоразумие. Вы оба еще очень молоды. Почки можно подлечить и со временем, возможно, у вас появится ребенок. Но сейчас это огромный риск.

— И все же я не сделаю аборт, господин Дрейк. Я буду рожать, — заявила Кэрлайн.

— Это ваше последнее слово? — спросил врач и посмотрел на Брана.

— Да, — ответил юноша, почувствовав, как внутренне сжалась Кэрри.

— Ну что же. Тогда вы будете постоянно под

моим наблюдением, а когда наступит время, я препоручу вас хорошему специалисту.

— Спасибо вам, господин Дрейк, — женщина поднялась первой, заставив встать обоих мужчин.

— Я жду вас в среду, Кэролайн. И помните, если почувствуете себя плохо, сразу звоните мне, — сказал на прощание Дрейк.

— Послушай, Кэрри, дорогая, я согласен с доктором... — начал было Бран, но сразу осекся, когда женщина взглянула на него потемневшими глазами. Они резко остановились посреди двора.

— Я благодарна, что ты пошел со мной, Бран. Но только не давай мне советов — я уже все решила, Питер ничего не должен знать об этом — он не позволит, и я потеряю ребенка.

— Но разве ты не понимаешь, чем рискуешь? Ты можешь погибнуть вместе с ребенком или...

— А тебе какое дело до этого? — резко бросила Кэрри.

На Брана ее слова подействовали, как холодный душ.

— Я просто твой друг, Кэрри, — упавшим голосом сказал он, опустив голову.

— Какая я дура! Прости меня, Бран. Я сорвалась. Последнее время я такая вспыльчивая, что сама себя ненавижу. Совсем издергалась, — сказала Кэролайн, взяв Брана за руку.

— Я понимаю, все понимаю, Кэрри.

— Только ничего не говори Питеру.

— Но я не могу...

— Умоляю, Бран, ни слова, — в глазах женщины стояли слезы. — Ты не представляешь, что значит чувствовать в себе новую жизнь. Раньше я тоже этого не понимала, а сейчас... Знаешь, я уже стала представлять себе, каким будет мой ребенок. Я его чувствую, я с ним разговариваю. Я живу мыслью о том, что он будет, что он уже есть, и вдруг... Вдруг его убьют! Я не могу этого допустить. Я скорее сама умру, чем позволю убить моего ребенка.

Кэрролайн порывисто обняла Брана и заплакала.

— Успокойся, Кэрри. Ты очень смелая. Всегда была такой. Я ничего не скажу Питеру, можешь положиться на меня, — Бран перебирал темные локоны склоненной на его грудь головки и чувствовал, как его постепенно одолевает ужас. На какое-то мгновение ему показалось, что улица потемнела и обезлюдела, смолкли все земные звуки, а за спиной Кэрри возникла мерзкая старуха с занесенной косой.

Бран резко дернул Кэрролайн в сторону и пришел в себя только тогда, когда почувствовал, как женщина трясет его за руку, испуганно оглядываясь по сторонам.

— Бран, что с тобой, что ты увидел?

— Ничего, все в порядке.

— Пойдем к нам ужинать? — предложила Кэрри.

Бран принялся придумывать отговорку, но не нашелся, что сказать и вынужден был поехать в дом к Вудам. Своим появлением он обрадовал Питера, который весь вечер твердил о том, как он счастлив, что станет отцом. Брану ужасно хотелось бросить ему в лицо всю правду — он готов был задушить Питера прямо в гостиной. Однако внимательные, просящие глаза Кэролайн наложили на него обет молчания. И одна ужасная мысль, как сверло, медленно внедрялась в его мозг: Кэрри ходит под смертью, а он не имеет права вмешиваться в ее судьбу.

— Я очень рад, что ты зашел к нам, — сказал Питер, когда провожал Брана. — Мы стали так редко встречаться. Недавно я облюбовал новый ночной клуб — «Джокер». Что если нам, помимо выходных, выбрать еще один или два дня в неделю и проводить там вечера?

— Я только за, Питер, — ответил Бран. — Если не возражаешь, я буду заезжать за тобой после работы — на днях собираюсь купить себе старый «додж» на первое время.

— Отлично, значит, договорились, — Питер несколько раз помахал рукой, когда автобус тронулся с места. А Бран глядел на друга и втайне

радовался, что у него появился повод почаще видеть Кэролайн.

В один из воскресных вечеров в начале февраля в гостиной Вудов за небольшим столом с матовой поверхностью сидели Питер, Бран и Эндрю Кроуфорд. Они играли в карты, пили кофе и вполголоса вели какой-то разговор. По обе стороны горящего камина в удобных креслах расположились Кэролайн и Салли. Салли вышивала узор на детской распашонке, а Кэрри ловко орудовала спицами, поблескивавшими в свете огня. Она не видела, как время от времени на нее бросали взгляды то Питер, то Бран — в любви и нежности один не уступал другому. Когда Бран ловил влюбленный взгляд Питера, его охватывала немая ярость, сменявшаяся горечью.

За окном выл ветер, поднимая столбы снега, деревья бились в окна, будто прося их впустить, а в гостиной было уютно, тепло и спокойно. Тихое семейное счастье. Как часто Бран мечтал о нем, чтобы вот так точно сидеть возле горящего камина рядом с Кэрри и смотреть, как поблескивают спицы в ее руках... и ждать рождения своего ребенка...

Неожиданно послышался звук распахиваемой входной двери, и вой ветра на несколько мгновений стал громче. Затем в коридоре раздались быстрые шаги, и спустя некоторое время в гостиной появился Стив Коллинз. Несмотря на то, что он

снял верхнюю одежду, от него веяло снегом и холодным воздухом. Все поднялись, вопросительно глядя на него.

— Пить хочу, — без предисловий сказал Стив. Он открыл бар, взял фужер и, налив содержимое первой попавшейся бутылки, залпом выпил его. Затем поставил фужер на стол и обвел всех блестящими от возбуждения глазами, потирая покрасневшее лицо.

— Ребята, у меня — сын! — выпалил он. — Сын, понимаете?

— Дай мы тебя обнимем, счастливчик! — Эндрю мгновенно сдавил Стива, крепко обхватив за плечи, дальше Стив уже не успевал отвечать на поцелуи и объятия своих друзей.

— Как там Анна? — спросила Кэрри, когда все немного уюмонились.

— Анна? Хорошо. А что с ней могло случиться? И парень в порядке — 3800! Здорово, правда?

Питер быстро разлил по бокалам коньяк и сок для женщин. Все встали вокруг стола.

— Давай тост, Питер! — сказал Эндрю, первым беря в руки бокалы для себя и подавая их по очереди Кэрри и Салли.

— Ты же знаешь, я не умею произносить торжественные речи.

— Ничего, давай.

— Хорошо. Я скажу за всех нас. Поздравляем новоявленного отца и заочно — маму нового человека, который появился на свет в этот морозный, вьюжный вечер. Пусть никогда не оставит его счастье, и пусть жизнь его не будет такой буйной и беспокойной, как сегодняшней ветер.

Все разом осушили свои бокалы.

— А имя вы уже придумали? — спросила Салли.

— А как же! Мы назовем его Гордон, — ответил Стив.

— Итак — за Гордона Коллинза! — и вновь раздался звон хрусталя под аккомпанемент зимнего ветра.

— Ну, девчонки, давайте по-быстрому тоже. Мальчиков, слышите? Только мальчиков, — Стив обнял Салли и Кэролайн за плечи. — Лично я с самого начала заказал парня. Правда, боялся, что Анна из духа противоречия преподнесет мне девицу, но она не подкачала.

— Мы тоже постараемся, Стив, создать компанию для Горди. Верно, Салли? — спросила Кэролайн.

Салли покраснела и утвердительно кивнула головой.

Из-за снежного бурана гости остались ночевать. Бран заснул только к утру — он долго

болтал со Стивом. Тот говорил, что впервые почувствовал себя взрослым мужчиной, что он счастлив и готов сделать все ради жены и сына. Потом Бран услышал спокойное, глубокое дыхание — Стив заснул. К Брану сон не шел. Он лежал с открытыми глазами, слушал, как воет ветер, как бьются о стекло снег и ветви деревьев, как поскрипывает, раскачиваясь, фонарь на улице, то слегка освещая комнату, то вновь погружая ее в непроницаемый мрак.

Бран проснулся рано утром. Стив еще крепко спал. Юноша осторожно спустился вниз и зашел на кухню. Там у плиты стояла Кэролайн. Несколько минут Бран молча смотрел на нее, следил за каждым движением ее рук, поворотами головы. Почувствовав его взгляд, женщина обернулась.

— Бран? Ты почему так рано?

— Мне уже пора. А ты почему?

— Я — хозяйка и должна кормить гостей.

— Ничего, не умрут. Тебе тяжело, Кэрри, незачем так беспокоиться, — Бран вздохнул. — На меня можешь не рассчитывать: я завтракать не буду.

— Вот новости. Ты что же, пойдешь совсем голодным?

— Я дома почти никогда не завтракаю.

— Хорошо. Тогда выпей кофе.

— Но только вместе с тобой.

Кэрри сварила кофе, намазала хлеб джемом и села напротив Брана. Он медленно подносил к губам чашку и так же медленно пил, глядя на женщину. Кэрри была задумчива и не замечала его взгляда. Наконец, она подняла глаза и сказала:

— Бран, я очень тебе благодарна.

— За что?

— За то, что ты ничего не рассказал Питеру. Знаешь, мне только сначала было страшно. Но теперь я не боюсь, потому что чувствую себя хорошо. Думаю, все обойдется.

— Конечно, все будет хорошо. Не волнуйся, Кэрри.

Они вместе прошли ко входной двери. Бран одевался, а женщина стояла рядом, прислонившись спиной к стене. Юноша остро чувствовал ее взгляд в полумраке коридора. Когда он застегнул последнюю пуговицу, Кэрри включила свет.

— Чтобы ты не остутился на крыльце, — пояснила она и набросила на плечи шубку. — Я хочу немного проводить тебя.

— Нет, Кэрри, снимай. На улице холодно, не хватало, чтоб ты простудилась.

Бран медленно снял с нее шубку и, повесив на место, легонько отодвинул женщину от двери.

— Приходи почаще, Бран, — Кэролайн поцеловала его в щеку.

— Я так и буду делать, — юноша улыбнулся и

шагнул за порог.

Под ногами громко поскрипывал снег. Бран дошел до калитки и обернулся. Он потом часто вспоминал эту картину: погруженный во мрак дом, широкую дорожку света, бежавшую из прихожей, и темный неподвижный силуэт Кэрри в дверном проеме.

Теперь вечера Брана не были длинными и тоскливыми — он редко проводил их дома. В компании Скотта он был свободным повесой, который зачастую возвращался домой только утром и еле сдерживался от смеха, видя укоризненный взгляд Элизабет, наблюдавшей, как он внезапно обнаруживал и стирал со щек или шеи губную помаду.

Некоторое время юноша мог позволить себе роскошь подольше поспать и выйти на работу позднее обычного, впрочем, как и все остальные сотрудники, благо Рон Блэк уехал на целый месяц по делам клиники.

Но все же большую часть вечеров Бран проводил в больнице, где под наблюдением врачей лежала Кэрри, изнывая от скуки. За несколько недель до родов она упросила отпустить ее домой и так как она чувствовала себя неплохо (сильнейший токсикоз, казалось, ушел в далекое прошлое) ей позволили уехать.

В своем доме Кэрри пробыла чуть больше

недели. В один из дней Бран зашел проведать ее. Ему долго никто не открывал. Затем на пороге появилась Кэрри.

— Ну слава Богу, — глухо сказала она, опираясь о дверной косяк.

— Что случилось? Тебе плохо? — спросил Бран, заметив, как сквозь смуглую кожу женщины проступает мертвенная бледность.

— Да. Кажется, начинается. Сейчас должна приехать машина за мной — господин Дрейк договорился с профессором Шену, который, говорят, хорошо принимает роды... Мне так стало страшно, Питер задерживается. Ты пришел так вовремя, Бран.

Бран написал записку для Питера и помог Кэрри дойти до машины.

Профессор Шену, седой крепкий и очень высокий мужчина с неопределенным возрастом, сразу же вышел к ним. Взглянув на Кэролайн, он тотчас распорядился отвезти ее в палату, попутно заверив Брана, что все будет в порядке.

Юноша шел рядом с каталкой, крепко держа за руку Кэрри, и чувствовал, как с каждым шагом ему становится все беспокойней.

— Жаль, что Питера нет, — сказала Кэролайн. — Ну ничего, я увижу его, когда все будет позади.

По ее лицу прошла судорога боли, и тонкие

пальцы сильно сжали руку Брана:

— Я не успела с ним попрощаться...

— Ты что! Не говори так!

— Бран, успокой Питера. Пусть он не волнуется. Если со мной что-то случится...

— Прошу прощения — вам дальше нельзя, — перебил ее санитар, обращаясь к юноше.

Ему не хотелось выпускать ее руку, не хотелось оставлять одну.

— Спасибо за все, Бран, — пальцы Кэрри разжались. В последний раз она взглянула на него и кивнула головой.

Каталка поехала дальше. Рука женщины выскользнула из ладони Брана, неподвижно оставшегося стоять в полупустом коридоре. Белая дверь открылась, пропустив санитару и каталку с Кэролайн, тотчас захлопнувшись с неприятным звуком, который, казалось, отнимал надежду.

Бран медленно пошел обратно и, увидев в конце коридора Питера, помахал ему рукой. Питер быстро подошел к нему и спросил о Кэролайн. Прежде чем ответить, Бран пристально посмотрел ему в глаза. Он очень хотел сказать своему другу какую-нибудь гадость, вроде того, что нужно повнимательнее относиться к жене и возвращаться домой раньше, зная, что она вскоре должна родить, если, конечно, любишь ее. Однако тревога, стоявшая в глазах Питера, смягчила юношу, и он

подумал, что оба они пока что могут объединиться и передать Кэрри часть своей энергии, чтобы поддержать ее.

— Кэрри держится молодцом, — ответил Бран.

Время шло, но оба друга оставались в полном неведении. Несколько раз мимо проходил профессор Шену, но он даже не взглянул на них.

— Почему он молчит? — спросил Питер.

— Я не знаю, — Бран встал и принялся медленно прохаживаться по холлу. Когда в очередной раз появился профессор, юноша преградил ему дорогу.

— После, молодой человек, после.

Он быстро пошел прочь в сопровождении двух медсестер, но затем повернулся и, подойдя вплотную к Брану, посмотрел ему в глаза:

— Я обещаю сделать все, что будет в моих силах. Вы сами знаете, на какой риск шли. Пока могу сказать только одно: если вы верующий человек, то молитесь, потому что все в руках того, кто распоряжается нашими судьбами.

Профессор ушел, а Бран вернулся к Питеру.

— Что он сказал тебе?

— Он сказал, что роды задерживаются, но волноваться не стоит.

Питер облегченно вздохнул.

— Послушай, уже совсем поздно, Бран. Езжай

домой, ты и так из-за нас намучился.

— Нет. Я останусь здесь. Только позвоню маме.

Бран повесил трубку и направился к выходу. Его шаги гулко отдавались в пустом холле. Кроме него здесь были только мывшая пол уборщица, охранник и молоденькая дежурная регистратуры, которая читала книгу и ни разу не оторвалась от своего занятия.

Бран вышел на улицу и закурил. Несколько раз от роддома отъехали машины, скользнув светом фар по окнам, и исчезнув в темноте. Кузнечик завел свою бесконечную мелодию, где-то вдалеке залаяла собака.

Всю ночь они с Питером сидели в мягких креслах по обе стороны черного столика, читали лежавшую на нем периодику и время от времени перебрасывались незначительными фразами, тщательно скрывая друг от друга свою тревогу.

С наступлением утра роддом снова засуетился. Около приемника выстроилась очередь с передачами для рожениц. Какой-то молодой мужчина тщетно пытался урезонить непослушного мальчишку, который гонял по всему коридору игрушечный самосвал.

— Ну что, Питер? Ты готов вот так же бегать за своим чадом? — спросил Бран, наблюдая, как мальчишка был пойман за шиворот и тотчас же

разразился истерическим воем.

— Да, готов, — Питер попытался улыбнуться. — Бран, разве может быть так долго?

— Бывает еще дольше, — ответил юноша. — Посиди здесь, я скоро вернусь.

Бран позвонил матери и Скотту, сказав, что на работу не выйдет, затем купил в буфете кофе и бутерброды с колбасой и сыром — маленький завтрак для себя и Питера.

Целый день прошел в томительном ожидании. Они не сводили глаз с белых дверей, ожидая профессора Шену, но он не появлялся.

Вечером, когда вновь все затихло, в коридор вышла немолодая женщина. Она присела рядом с мужчинами и тяжело вздохнула:

— Какая тяжелая выдалась неделя. Я так устала, вы и представить себе не можете. В понедельник умерла одна роженица, а в среду ребенок родился мертвым. Я давно такого не помню. Обычно у нас все проходит благополучно.

Бран быстро взглянул на Питера: тот, не отрываясь, смотрел на медсестру, облизывая пересохшие губы.

— А вы что здесь делаете? Кого-то ждете?

— Понимаете, у меня там жена рождает, — пробормотал Питер, кивнув в сторону белой двери.

— Ваша фамилия Вуд? — спросила женщина, пристально глядя на него.

— Да.

Несколько мгновений медсестра молчала, и, перехватив ее взгляд, Бран почувствовал, как ужас, долго сдерживаемый им, прорывается наружу.

— Там очень плохо, очень. Открылось сильное кровотечение, опасное и для матери, и для ребенка. Но это полбеды. У вашей жены начался приступ эклампсии, если бы не больные почки... Мне не хотелось говорить вам это, но я считаю, что вы должны быть подготовлены: ни вашу жену, ни вашего ребенка спасти не удастся.

— Замолчите! — Бран вскочил с кресла, сжав кулаки. — Вам лучше уйти, я за себя не ручаюсь. Разве вы забыли о медицинской этике?

Медсестра встала и устало посмотрела на юношу:

— Для меня, как вы выразились, «медицинская этика» заключается в правде. Давать ложные надежды, я думаю, очень жестоко по отношению к людям. Вы еще слишком молоды и не понимаете этого.

Женщина развернулась и с достоинством удалилась прочь. Бран подошел к Питеру и положил ему руку на плечо:

— Не верь ей. Все будет хорошо. Все должно быть хорошо. Она просто преувеличивает серьезность положения, пытаясь показать свою значимость и всезнание. Я больше, чем уверен.

Забудь, что она сказала, не думай об этом. Я прошу тебя.

Спустя несколько десятков минут, белая дверь стала медленно открываться, и так же медленно начали вставать Питер и Бран. На пороге появился профессор Шену. Он пошел вперед, тяжело ступая и глядя себе под ноги. Затем остановился и, порывшись в карманах, достал пачку сигарет. Бран отчетливо увидел, как дрожат его руки. В это время Шену поднял глаза и, заметив молодых людей, направился к ним. Друзья оставались стоять на месте. Казалось, что они окаменели. Профессор остановился рядом с ними и устало покачал головой, будто отвечая на их немой вопрос...

Бран тяжело рухнул на кровать лицом вниз, сжал пальцами покрывало, а затем перевернулся на спину и устремил неподвижный взгляд в потолок. Напряжение, в котором он пребывал много часов, исчезло, оставив тело расслабленным, усталым и разбитым.

Кэрри не умерла — Алан Шену сделал невозможное. Однако в процессе операции она навсегда лишилась возможности иметь детей. Но это уже не имело значения, потому что ее единственный ребенок был извлечен на свет живым и невредимым, когда всеми была утрачена надежда на его спасение. Шену до конца боролся за его жизнь и стал победителем.

Глава 11

В церкви было безлюдно, сумрачно и тихо. Только потрескивали свечи, и на руках Эндрю Кроуфорда недовольно кряхтел Гордон. Отец Сэдрик взял из рук Брана второго ребенка и, склонившись над купелью, сказал:

— Назовите его имя, Кэролайн.

— Алан. Мы назвали его в честь профессора Шену. Если бы не он... — Кэрри замолчала.

— Значит, так было угодно Богу. Он ничего не делает просто так. Мне почему-то кажется, что жизнь вашего сына будет не совсем обычной, и чье-то спасение будет зависеть от него.

Священник опустил ребенка в воду, а затем передал Брану. Маленькая ручка крепко сжала палец юноши, и он постарался отогнать мысль о том, что это мог быть его сын.

— А третий тоже мальчик? — спросил отец Сэдрик, осторожно взяв в руки крохотного младенца. — Как же его имя?

— Эмили, — тихо ответила Салли. — Это девочка.

Стив прыснул и взглянул на Эндрю.

— Что ты смотришь? Я, между прочим, и хотел дочку. Только вам не говорил, — рассердился Эндрю.

— И правильно. Зачем нам одни

мальчишки? — спросила Кэрри.

Анна согласно кивнула головой.

— Для разнообразия нам просто необходима была девочка.

— Вот как бы не стала она яблоком раздора между этими двумя, — не унимался Стив.

Кэрри пожалала плечами и ответила:

— Они станут хорошими друзьями и будут выше всяких ссор. Вот увидишь. А ты, кстати, случайно не женоненавистник?

— Я? Да с чего ты взяла? Я б тогда и не женился вовсе.

В это время отец Сэдрик протянул ему девочку. Стив неловко принял ее.

— Даже брать страшно — такая маленькая. На Салли очень похожа. Смотрите, она улыбнулась мне! Ну что, тебе нравится дядя Стив, да? Убери руки, Эндрю, я сам отнесу ее в машину. Всего хорошего, отец Сэдрик, и спасибо за детей, — Стив развернулся и направился к выходу.

Отметить крестины собрались у Коллинзов. За столом царило шумное оживление, и никто не обращал внимание на Брана. Юноша сидел в самом конце стола. Он ничего не пил, а только поднимал нетронутый бокал за новорожденных и их родителей. Через некоторое время он встал и вышел. Бран заглянул в детскую. Салли укачивала Гордона. Алан и Эмили крепко спали, прижавшись

друг к другу.

— Бедная Анна — Горди такой беспокойный малыш: никак не хочет спать, — сказала Салли.

— Ничего, вот подрастет и будет хорошо себя вести, — ответил Бран. Он подошел к кровати и долго смотрел на спящих детей.

— Ты знаешь, Салли, Эмили твоя точная копия.

— Мне так этого хотелось, — Салли улыбнулась. — Ну наконец-то Гордон уснул.

— Можно, я уложу его? — спросил Бран.

— Конечно, набирайся опыта. Оглянуться не успеешь и у тебя будет ребенок, — ответила женщина, передавая ему Гордона.

Юноша уложил его, оперся о спинку кровати и погрузился в задумчивость. Салли, улыбаясь, смотрела на него. Тень Брана легла на детей и почему-то женщина внезапно почувствовала странный, безотчетный страх. На одно только мгновение юноша показался ей похожим на черную хищную птицу, застывшую над своей добычей. Салли закрыла глаза, а когда открыла, то странное видение исчезло, и страх рассеялся.

— Я уже ухожу, дорогая. Попрощайся за меня с ребятами, — сказал Бран.

— Но почему так скоро? Может, останешься?

— Нет, Салли. Мне завтра очень рано вставать.

Бран долго бродил по вечерним улицам, бесцельно разглядывая витрины и рекламные щиты, украдкой заглядывая в освещенные окна и насвистывая какую-то простенькую мелодию. Когда ему все наскучило, юноша собрался идти домой, но что-то заставило его переменить свое решение и толкнуло в маленькую улочку, которая вывела к казино «Бенедетто». Несколько минут Бран разглядывал ярко горевшие мигающие буквы, а затем еле избавился от подвыпившей красотки с крашеными в пепельный цвет волосами. Возможно, в другое время юноша и не отказал бы себе в возможности поразвлечься с ней, но сейчас ему не хотелось ничего.

Бран повернулся, чтобы уйти прочь, и его едва не хватил удар, когда позади раздался повелительный голос, звавший его. Молодой человек остановился и, чувствуя слабость в ногах, оглянулся.

Гордая осанка, великолепный костюм и стальной блеск холодных серых глаз — на верхней ступени вполоборота стоял Рон Блэк. Подчеркнуто медленно он спустился вниз и стал напротив юноши, немного запрокинув назад голову.

— Здравствуйте, дядя Рон, — пробормотал Бран, явно шокированный этой неожиданной и нежеланной встречей.

— Добрый вечер, Бран, — ответил Рон,

поигрывая черной тростью с золотым набалдашником, которую держал в правой руке. В левой у него была начатая бутылка с дорогим вином.

— Я доволен нашей встречей. Мне хотелось бы поговорить с тобой, — начал старший Блэк. — Давай пройдемся пешком к парку.

— Как скажете. Я слушаю, дядя, — ответил юноша, идя вслед за ним.

Они отошли от казино, прошли по многолюдной вечерней улице и свернули к парку Боттичелли. Оба хранили молчание. Рон, казалось, совсем забыл о присутствии идущего рядом с ним племянника.

Бран тщетно пытался догадаться о том, чего хочет его дядя, и чувствовал, что эта встреча не принесет ничего хорошего. Он ненавидел себя за то, что опять испугался, но темный вечер наедине с этим человеком, задумавшим неизвестно что, не мог не напугать Брана. Странное предчувствие толкало юношу замедлить шаг и исчезнуть, оставив доктора одного вместе с его размышлениями. Ведь было заметно, что он думает о чем-то неприятном, судя по выражениям, появляющимся на его лице.

— Ты огорчаешь меня, Бран, — заговорил Рон. — Вот уж не думал, что мой племянник будет первым нарушителем дисциплины в мое отсутствие. Я вернулся и узнал, что ты все время

опаздывал на работу и даже прогулял один день.

— У меня была серьезная причина, дядя. Но этот день я отработал. Вам, очевидно, не донесли об этом?

— Допустим. И что же это за причина?

После колебаний Бран ответил:

— Дело в том, что у жены моего лучшего друга были очень тяжелые роды и я вместе с ним был в больнице.

— Лучшего друга? — усмехнулся Рон. — Нет, я вижу, ты по уши влюблен в его жену.

— Почему вы так говорите? — спросил юноша, заливаясь краской. — Я дружу с ними обоими с детства.

— Ну, это не важно, Бран. Этот случай не такая уж веская причина для прогула. Твои друзья, Скотт Сконер и Боб Ривер, выгораживали тебя, как могли... Кстати, с завтрашнего дня они оба уволены.

— Как? Как уволены?! — Бран остановился и взглянул на дядю.

— А вот так, — Рон улыбнулся. — По сокращению штатов. Сконер — скользкий тип, к тому же работал из рук вон плохо. Что касается Ривера, то он никогда мне не нравился. Ну зато Гарри испытывал к нему самые дружеские чувства. Со временем, я думаю, они попытались бы устроить заговор против меня. Гарри был глупцом. Его

каждый мог одурачить. Подумать только: сговариваться с каким-то мошенником против родного брата! — Рон помолчал немного и, переведя дыхание, продолжил:

— Ты не думай, что я уволил Ривера, чтобы досадить тебе. Нет, я увидел, что тебя настраивают против меня, и ты можешь стать орудием Боба. Ты, конечно, далеко не Гарри, но ты неопытен и еще слишком молод.

— Но не до такой степени, чтоб не увидеть, что вы не любили моего отца! — резко остановившись, глухо сказал Бран.

Рон прошел еще несколько шагов, а затем обернулся:

— Не любил? Ты ошибаешься, мой мальчик, ошибаешься. Я не «не любил» твоего отца... я его ненавидел.

Они остановились на старом деревянном мосту. Рон поставил бутылку у ног и продолжил прервавшийся было разговор, облокотившись о перила. В его бесстрастном голосе зазвучали взволнованные нотки.

— Я ненавидел Гарри за глупость и за предательство. Предательство по отношению ко мне я давно ему простил. Хотя мне и было больно, но я понимал, что кое в чем был не прав, да и характер у меня скверный, ничего не поделаешь. Но за все остальное я никогда не прощу его! А тем

более не прощу твою мать!

Рон резко повернулся к Брану, и юноша отшатнулся: ни разу в жизни он не видел, чтобы его дядей настолько овладели эмоции, чтоб Рон почти утратил над собой контроль, и с его лица исчезла холодная невозмутимая маска.

— Ты считаешь, что твои родители — ангелы? Но ангелы всегда говорят правду: они не умеют лгать! А ты знаешь эту правду? Тебе хоть что-нибудь рассказывали? Нет? Но ты имеешь полное право знать все о прошлом, — Рон тяжело дышал, глядя в упор на застывшего Брана. Он сумел взять себя в руки и уже спокойно продолжил:

— Тебе кажется, что я с детства ненавижу твоего отца? Это не так, хотя до сих пор меня это удивляет. Я, старший ребенок богатой семьи, должен был унаследовать все состояние. Но родился Гарри. Мне приходилось отдавать ему все самое лучшее, потому что он был любимчиком. Но я не возненавидел его за это. Я любил Гарри. Я очень любил своего брата. Наше детство было счастливым, любящие родители окружили нас заботой, мы ни в чем не нуждались и весело проводили время. Помню, как часто мы выезжали за город вместе с семьей Розы, близкими друзьями отца и матери. Я и Гарри выросли с их дочерью Паулой, а потом стали дружить. При тебе никогда не упоминалось ее имя?

Бран выжидательно молчал. Рон указал на его руку:

— Эти часы, которые ты сейчас носишь. Они очень дорогие. Мы с Паулой сбросились и купили их Гарри в день его первого выхода на работу. Она была замечательной девушкой и очень любила твоего отца. Они встречались четыре с половиной года. Гарри был сильно влюблен в нее. Каждый вечер он приходил ко мне в комнату, рассказывал, как провел день, советовался, строил планы на будущее. Тогда, думаю, были самые счастливые дни в нашей жизни.

Однажды к нам в дом поступила новая горничная, молодая красивая девушка. Вскоре я стал замечать, что она превратилась в мою тень: в какой бы части дома я не оказался, эта девушка появлялась рядом. В это же самое время я встретил Жюльетт, мою будущую жену. Не скрою, если б не она, я, очевидно, увлекся бы нашей новой горничной. Бэт или Лиз, как ее называла прислуга. Было в ней что-то притягательное.

Как-то раз я зашел в свою спальню, Лиз заканчивала уборку и взглянула на меня. Убийственный взгляд — открытый бесстыжий призыв. У меня было мало опыта в делах любви. Я воспитывался в духе «пай-мальчика», никогда не общался с девушками подобного сорта и поэтому ее поведение меня попросту шокировало. Я считал и

считаю, что уважать таких женщин нельзя, с ними можно только развлечься, забыв через несколько минут. И еще: я не мог предать Жюльетт, которая стала для меня дороже всех на свете. Я выставил эту девицу из своей комнаты, еле оторвав от себя. С тех пор моя тень исчезла, я видел ее изредка, а после и вовсе забыл об этом случае, тем более что все мои мысли были заняты двумя предстоящими свадьбами — моей и Гарри.

Нашу с Жюльетт свадьбу играли первой. После нее мы сразу же отправились в путешествие. А Лиз не теряла времени даром — ей не стоило труда очаровать и затащить в постель моего брата. Мы вернулись накануне свадьбы Гарри. Вечером, как и прежде, он пришел ко мне. Я ощутил в нем какую-то перемену, но не предал этому значения. Я видел и чувствовал, что мысленно он очень далеко от меня, но понимал: завтра его свадьба, и это мечтательное выражение на его лице связано с ней.

Утром Гарри долго не выходил из своей комнаты, и я пошел поторопить его. Зашел без стука (мы никогда не стучали в дверь друг друга) и застал его вместе с Лиз. Началась ссора, и я сказал, что ноги Лиз больше не будет в нашем доме. Гарри крикнул, что я ее оскорбил, потребовал извинений, а после заявил, что он любит Лиз, Элизабет Вейсон. Твою мать, Бран. Я напомнил ему, что сегодня его свадьба, а Гарри ответил, что Паула ему

безразлична и чтоб я убирался ко всем чертям. Мне пришлось пригрозить, что я приведу отца, и брату придется повторить ему все то, что выслушал я. Когда мы с отцом пришли, Гарри и Лиз уже не было, очевидно они воспользовались черным ходом. Осталась только бессвязная записка. Все пребывают в шоковом состоянии. Можешь себе представить, что чувствовала Паула, как объяснялись с прибывшими гостями ее и мои родители. В тот же день поползли слухи, будто выяснилось, что Паула ждала ребенка от другого, потом, будто Гарри накануне свадьбы застал ее с кем-то, и много других домыслов. Несколько дней мы ничего не знали о Гарри. Вечером четвертого дня родители вновь уехали искать свое заблудшее чадо. Мы с Жюльетт сидели в гостиной, когда появилась Паула. Она тяжело опустилась в кресло. Несколько минут все молчали — я не знал, что сказать, глупо было спрашивать, как ее дела. Паула заговорила первой, она попросила Жюльетт принести ей что-нибудь попить. Когда она вышла, Паула сказала, что нашла Гарри — слишком велико было желание посмотреть ему в глаза и спросить, почему он так жестоко поступил с ней, почему не объяснился, а дотянул до свадьбы и опозорил ее. Гарри несколько не раскаивался в том, что сделал, он сказал Пауле, что она ему не нужна, что он никогда ее не любил, а также сообщил, что его жена

ждет ребенка. Паула сказала только это, оставила адрес и ушла. Вернувшись домой, она написала прощальное письмо и приняла большую дозу снотворного. Поздно вечером к ней в комнату зашла мать, увидела письмо, сумела разбудить и вызвала «скорую». Однако уже ничего нельзя было сделать — упущенное время не позволяло спасти ее. Паула очень мучилась перед смертью, лучше ее мама не входила в комнату, тогда она умерла бы без боли. Она звала твоего отца, о нем думала в последние минуты жизни. Паулы не стало за четыре часа до рассвета. Ее родители были рядом до последнего вздоха.

Мы пришли на похороны Паулы. Разразился страшный скандал. Нас во всеуслышание обвинили в ее смерти и выгнали из дома Розы. Ночью у отца был сердечный приступ, а через несколько дней его не стало. Гарри и Лиз пришли на кладбище, отбыли церемонию прощания и исчезли, ни слова не сказав нам. Я никогда не забуду, как смотрела на Гарри мама, как будто он был ее единственным спасением, а он так и не подошел к ней. После поминального ужина возле мамы оказался один дальний родственник, из тех, кто любит добивать лежачих. Он сказал, что несколько раз бывал в Лас-Сантас и встречал там девицу, которая стояла рядом с Гарри, а также посоветовал поинтересоваться ее прошлым. Я уступил просьбе

матери и побывал в Лас-Сантас, кое-что выяснив. Мама была в ужасе. Ничего не сказав нам, она пошла к Гарри, чтобы уговорить его вернуться домой и расстаться с Лиз. Ее приход закончился полным разрывом с сыном. Мама страшно тосковала по отцу и по Гарри. Все случившееся очень подорвало ее здоровье, она утратила интерес к жизни. Через полтора месяца мама уже лежала рядом с отцом. Перед самой смертью она просила, чтобы я простил Гарри и помирился с ним. Я обещал ей, переступил через себя и пошел на сближение с вашей семьей.

Случилось так, что Жюльетт и Лиз рожали в одном месяце, почти одновременно, но только мой сын и Жюльетт умерли, а вы с матерью остались жить. И тогда я понял, что в этом мире справедливости нет. Если бы она была, то умерли бы вы. Но почему-то вместо этого уходит из жизни чистая, добрая женщина, никому не причинившая зла.

— В чем вы обвиняете мою мать? — срывающимся голосом спросил Бран. — В том, что она полюбила?

— Она виновата в смерти Паулы и моих родителей. А насчет любви... Так любви не было, потому что женщины подобного сорта на нее не способны. Твоей матери не трудно было вскружить голову кому угодно, тем более такому неопытному

мальчишке, каким был Гарри. Это была не любовь: сначала — холодный расчет, потом — жестокая радость от сознания того, что соvrащен парень из хорошей семьи, что произошел скандал и расстроилась свадьба, что загублена семья. А вот Гарри... Да, она его крепко схватила, раз он остался с ней, после всего, что случилось. В профессионализме ей не откажешь...

— В каком профессионализме? — с угрозой спросил Бран.

— Профессионализме продажной женщины.

— Не смейте, слышите? Не смейте так говорить о моей матери!

— Ты боишься услышать правду? Но ты должен знать и это. Я поехал в Лас-Сантас и узнал, что Элизабет Вейсон долгое время «работала» в публичном доме, потом стала содержанкой хозяина казино, вместе с ним была замешана в деле о торговле наркотиками, ее любовник получил пожизненное заключение, а она сумела выкрутиться и подалась в Нед-Айленд, чтобы захомутать какого-нибудь осла. Этим ослом оказался мой младший брат. Твоя мать, Бран, была проституткой, подзаборной...

Рон не успел договорить — Бран стремительно рванулся с места, намереваясь ударить его по лицу. Доктор поймал кисть его руки и, развернув, с силой отбросил в сторону.

Юноша упал, больно ударившись головой о перегородку, и остался полулежать, с ненавистью глядя на старшего Блэка.

— Поостынь немного, — сказал Рон. — Я знаю, ты ненавидишь меня, считаешь деспотом и злодеем. Какое-то время я думал, что дети не должны отвечать за грехи своих родителей. Это побудило меня составить завещание, в котором после моей смерти все имущество Блэков перешло бы к тебе. Но теперь я вижу — ты еще порочней и хуже своих родителей, ты на все способен и станешь опасным, если деньги и власть будут в твоих руках. Еще не поздно переписать завещание. Ты не получишь ничего.

Горячая волна черной ненависти подняла Брана на ноги. В один прыжок он оказался рядом с доктором. Рон не успел среагировать и во второй раз предотвратить удар. Сила этого удара отбросила его на перила моста. Старое дерево не выдержало. Какую-то долю секунды Рон балансировал на краю, хватая руками пустоту, а затем сорвался вниз.

Бран оставался на месте и, не мигая, смотрел туда, где только что стоял старший Блэк. Целый рой мыслей проносился в его голове. Затем юноша взял бутылку вина и медленно спустился на асфальтированную дорожку, где лежал его дядя.

Присев на корточки рядом с ним, Бран заглянул в его лицо и почему-то мгновенно все

понял. Вокруг головы Рона медленно растекалась темная лужа, из левого уголка рта сочилась тоненькая струйка крови, а на губах выступила розоватая пена.

— Я знаю... — раздался тихий, похожий на шепот дождя, голос, и Бран ниже склонился к доктору. — Знаю, почему... ты остался жить... Для зла... только для зла... Ты... открыл счет — я первый.

«Меня могут заподозрить в убийстве. Подтвердятся наши плохие отношения, и тогда я пропал», — вихрем пронеслось в голове юноши. Он высоко приподнял обмякшее тело Рона, не обращая никакого внимания на хриплые стоны боли. Затем, дрожа от лихорадочного возбуждения, сунул горлышко бутылки в рот доктора. Вино полилось по щеке. Бран чертыхнулся, грубо схватил его за волосы, чувствуя под пальцами теплую, липкую кровь, и, запрокинув голову Рона, вставил горлышко до невозможного глубоко, за корень языка.

Тело доктора Блэка стало конвульсивно вздрагивать — бутылка мешала дышать, вино обжигало, он захлебывался и пытался вытолкнуть горлышко изо рта. Бран лишил его возможности двигаться и продолжал лить вино в судорожно перекошенный рот.

Соппротивление Рона ослабло и вскоре вовсе

исчезло. Бран рывком вытащил горлышко, стараясь ничего не повредить во рту доктора. Затем он встал, достал из кармана платок, вытер бутылку и, убедившись, что в ночном парке по-прежнему ни души, разбил ее об асфальт. Из груди Рона вырвался долгий хриплый вздох, и он затих навсегда, глядя вверх широко открытыми глазами.

Бран зажал в его пальцах оставшееся целым горлышко злополучной бутылки и, поднявшись, несколько минут постоял над телом.

— Вот и окончился наш поединок, Рон Блэк. Никто не узнает, что произошло между нами. Я хочу сказать вам одно: кем бы ни была и что бы ни сделала Элизабет Вейсон — она моя мать и, значит, для меня всегда будет святой.

Юноша отступил на несколько шагов, не сводя глаз с распростертого тела. Ни страха, ни жалости, ни раскаяния он не испытывал. Бран тщательно вытер руки и, осмотрев себя, остался доволен — только они и были испачканы кровью. Затем юноша быстро пошел прочь. Пройдя несколько десятков метров, он неожиданно оглянулся. Эта картина показалась ему странно знакомой: темная безлюдная аллея, тускло горящий фонарь, недалеко от которого на асфальтированной дорожке неподвижно лежит человек. Где же раньше он видел это?

Бран оставил бесплодные попытки вспомнить,

свернул на боковую дорожку и растворился в черном мраке ночного парка.

Часть II

Глава 1

Дверь тихо отворилась, и на пороге возникла высокая грузная женщина с тугим узлом седеющих волос, хмурым лицом и двойным подбородком.

— Господин Блэк, я вчера отпрашивалась у вас на сегодняшний вечер. Мне можно идти?

— Да, Энн, конечно. Идите.

Женщина довольно засопела и, попрощавшись, исчезла, громко хлопнув дверью. Легкомысленно-веселая люстра из богемского стекла, раскачиваясь, негромко звякнула и затихла.

...Господин Блэк... Сегодня исполнялось ровно шесть лет с тех пор, как Рон разбился об асфальт парка Боттичелли. Шесть лет, а Бран никак не мог привыкнуть к тому, что господин Блэк — это он. Он — с того самого вечера... И до сих пор, когда к нему обращаются официально, Бран внутренне сжимается, ожидая появления высокого, красивого Рона с холодным блеском стальных глаз, с насмешливой полуулыбкой, с презрением ко всему миру.

Газеты писали о несчастном случае. Полиция подтверждала: в тот вечер Рон Блэк много выпил и стал жертвой собственной неосторожности. Правда, было не совсем ясным то, зачем он пошел поздним вечером в пустой парк. Однако сошлись на том, что Рон был очень сложным и замкнутым человеком, безмерно любящим одиночество, а в последнее время дела его шли неважно и он начал выпивать — поэтому не было ничего удивительного в той его последней вечерней прогулке.

Утром следующего дня Бран зашел в клинику как хозяин. Клиника, дом и смехотворное количество денег — все, что завещал Рон своему племяннику, — он пристрастился к азартным играм и за полтора года спустил все свое состояние, приобретя множество долгов.

На следующий после похорон день к юному господину Блэку пришли многочисленные кредиторы, намеревавшиеся в уплату долгов забрать дом и частную клинику Блэков. Однако Бран отбился более чем блестяще, выказав железную хватку делового человека и разочаровав претендентов на его имущество, ожидавших увидеть растерянного, неопытного юношу, которого легко обмануть. Несколько лет долгой упорной борьбы — и Бран ощутил твердую почву под ногами. Полная смена медперсонала клиники, тщательный отбор нового — и он получил основу

для своей работы.

Боб Ривер и Скотт Сконер были восстановлены и получили новые должности, став первыми после молодого короля маленькой клиники Блэков. Это были те люди, на которых Бран мог положиться во всем. Однако спустя полтора года с Бобом пришлось расстаться — его здоровье постепенно ухудшалось и лечащий врач порекомендовал ему смену климата. Ривер и Инга уехали в один из курортных городов. Долгое время между Браном и его старшим другом шла переписка.

Бран сел за стол и обвел взглядом кабинет Рона. Весь дом Блэков перестраивался: появилось несколько новых комнат и больших залов в западном крыле добавился еще один этаж — все было обновлено и улучшено. Вызывая удивление своей непонятной расточительностью, Бран скупил земли своих ближайших соседей, отдал под снос их дома и всю площадь земли разбил под глухие парки. В довершение всего, он распорядился в подвале самого дальнего угла большого дома сделать лабораторию для химических опытов, которыми Блэк увлекся несколько лет назад, и операционную. В эти помещения было два хода: один — из запутанного коридора в доме, другой — никому неизвестный, из зарослей старого парка Блэков. Строители посмеивались над чудачествами

хозяина, называли его «алхимиком» и были твердо убеждены, что все состоятельные люди в конце концов сходят с ума от того, что не знают, куда девать деньги. И только кабинет Рона Блэка остался нетронутым, сохранив в себе всю прежнюю обстановку.

Из прислуги в доме было только два человека: Энн, умело справляющаяся со всем хозяйством, и Соко, дворецкий, сменивший покойного Шелта. Соко был своего рода романтиком. Он увлекался чтением приключенческих, любовных и детективных романов, бурное строительство в доме хозяина приводило его в восторг. Однако трусоватый от природы он никогда не выходил поздно вечером в сад, опасаясь, что за одним из деревьев его поджидают неизвестные злодеи, а также первое время плохо спал по ночам, страшась вооруженного ограбления. Соко уважал своего хозяина, остро чувствовал, что тот способен на многое, и ожидал совершения с его стороны какого-то необычного поступка. Это означало бы, что Бран попадет на первые полосы утренних газет, а вместе с ним и Соко, как его ближайший соратник и помощник. Больше всего на свете дворецкий Блэка мечтал попасть в прессу, прославиться или хотя бы погреться в лучах чужой славы.

Когда Энн, переваливаясь, как гусыня, покинула дом и пошла по аллее к воротам, Соко

осторожно подкрался к дверям кабинета и, сев на корточки, заглянул в замочную скважину. Похожий на статую Бран сидел за столом и, не моргая, пристально смотрел в одну точку. Его бесстрастное лицо ничего не выражало. Однако дворецкий, уже успевший изучить своего хозяина, знал, что за этой неподвижностью скрывается биение живой мысли. Вот он ожил, медленно встал и вновь замер у окна, склонив голову.

— Эй, хозяин! — грубый хриплый голос заставил Соко подскочить, как ужаленного, — он ужасно боялся, что его могут застать за излюбленным занятием. Дворецкий поспешно ринулся вниз. Навстречу ему шел высокий бородатый рабочий в засаленной майке и защитного цвета брюках, сплошь измазанных пятнами краски. На его широкой волосатой груди болталась цепочка с медальоном, изображавшим то ли череп, то ли голову Горгоны. От толстой подошвы ботинок отскакивали кусочки засохшей грязи. Соко поморщился, зашипел и замахал на рабочего руками, давая понять, чтоб он не кричал.

— В чем дело, приятель? Мне нужен хозяин. Позови-ка его, — останавливаясь, сказал бородатый.

— Не время сейчас, не время. Завтра обо всем поговорите. Сегодня не надо — он занят, — затараторил Соко, выталкивая его из прихожей.

— Ну, нет, так нет, — почесав затылок, рабочий развернулся к двери. — На сегодня мы работу закончили и уходим, а завтра придем как обычно. Я думаю, еще недели полторы, и все будет готово. Так и скажи хозяину.

— Скажу, скажу. Идите, — Соко продолжал настойчиво выталкивать рабочего из дома. У самых дверей тот затормозил и, хитро посмотрев на дворецкого, сказал:

— Слушай, а может... ты того... дашь нам... ну, понимаешь, расслабиться надо.

— Я бы дал вам, друг мой, но в этом доме никто не пьет.

— Неужели у вас нет даже...

— Увы, даже этого у нас нет...

— Ну, будьте здоровы, — раздосадованно промычал рабочий, выходя на улицу.

— И вам того же, — пропел Соко, захлопывая дверь и припадая к щели.

В аллее стояла небольшая группа строителей. Бородатый подошел к ним и развел руками. Немного погалдев, они собрали свои вещи и погрузились в маленький грузовичок, который, громко фыркнув, тотчас же тронулся с места. Соко вернулся к дверям кабинета, прислушался и тихо удалился.

Вот уже пятый год утро и день третьего августа Бран проводил в кабинете Рона, превратив

это в своего рода традицию. По страшной иронии судьбы, этот день стал датой смерти не только его дяди. Накануне этого дня, пять лет назад, Бран вернулся домой с одной из вечеринок Скотта далеко за полночь. Ждавшая его Элизабет пожаловалась, что на кухне и в ведущем к ней коридоре перегорели лампочки. Она хотела вкрутить новые, но ведь потолок очень высокий, а становиться на стол, сверху на котором стоит стул, она побоялась, потому что ей далеко не тридцать лет, да и подстраховать ее было некому.

Юноша пообещал, что утром возьмет у соседей стремянку и вкрутит лампы. Однако утром он занимался всем, чем угодно, только не лампами и уехал на работу, так и не сделав того, что обещал. Случилось так, что в тот день он провел очень сложную операцию и почти двенадцать часов простоял у операционного стола. Вернулся домой смертельно усталый, рухнул на диван в гостиной и попросил:

— Мама, приготовь, пожалуйста, мне кофе.

Затем, вспомнив, что поленился утром заняться лампами, недовольно пробормотал:

— Нет, не надо — там же темнота. Я сейчас немного отдохну, найду фонарик и все сделаю.

— Ничего, ничего, сынок, отдыхай. Мы так долго живем в этом доме, что я с закрытыми глазами могу найти здесь любую вещь, — Элизабет

быстро направилась в кухню.

Бран прилег на диван и стал медленно погружаться в черную бездну. Внезапный грохот и странный глухой удар заставили его очнуться. Несколько мгновений он ничего не мог понять. В глаза больно ударил свет. Бешено колотилось сердце. В доме царила тишина.

— Мама? — позвал юноша.

Ему никто не ответил.

— Что там у тебя случилось, ма?

По-прежнему не было ответа. Очнувшись ото сна, Бран встал и направился в темный коридор.

— Мама?! — крикнул он в пугающий мрак, осторожно входя на кухню.

В тусклом свете горящей конфорки он принялся оглядываться по сторонам, щелкнул зажигалкой и застыл на месте — Элизабет лежала на полу, вниз лицом. Бран кинулся к матери, поднял ее на руки, быстро отнес в гостиную и положил на диван. Она не подавала никаких признаков жизни. Только сейчас юноша увидел, как из рассеченного виска Элизабет медленно сочится кровь, заливая домашний халатик и обивку дивана. Обезумев, Бран заметался по квартире, с ужасом чувствуя свое бессилие...

Он почему-то всегда был твердо уверен в том, что его мать бессмертна, что она всегда будет рядом с ним, он не мог себе представить, что

когда-то останется один.

Неожиданная, нелепая смерть Элизабет ошеломила Брана. Он отчетливо осознал то, как был невнимателен и равнодушен к ней, сколько всего обещал ей и не выполнил, как иногда обманывал и незаслуженно обижал свою мать, никогда не прося прощения, каким, в сущности, он был эгоистом. И то, что Элизабет погибла, было всецело на его совести.

До чего же страшно понять все это именно тогда, когда ничего уже нельзя исправить. И как жить дальше, чувствуя на сердце такую глыбу боли и вины? И чем, как он сможет искупить эту вину перед матерью? Одна прядь седых волос, на которую испуганно смотрели его друзья рано утром после той ночи, разве это цена?

Друзья... Что бы Бран без них делал? В те трудные дни они были рядом с ним. Они взяли на себя все хлопоты, связанные с похоронами, вызвали из Локворда Ивила, который немедленно приехал, бросив все. На какое-то время Бран перестал понимать происходящее, и время для него как будто бы остановилось. Единственное из всего, что он хорошо запомнил, — это дождь. Дождь на кладбище и на вокзале, когда провожали Ивила. Бран пришел в себя только вечером, когда они вернулись домой, и вдруг ясно осознал то, что он боится. Он никому не хотел признаваться в этом и

был ужасно благодарен Питеру, когда тот сказал, что останется ночевать у Брана.

Рано утром Питер зашел в комнату друга, выключил горевший всю ночь старый торшер и ушел, оставив на столе маленькую записку. Несколько часов спустя его встретил неестественно веселый Бран, ходивший взад-вперед по улице возле калитки.

— Наконец-то, наконец-то ты вернулся, Питер! Ты знаешь, мне в голову пришла замечательная мысль: давай поедем куда-нибудь позавтракать. Куда-нибудь, в ресторан или хотя бы в кафе.

— Ты забыл: сегодня воскресенье. Наверняка кругом будет масса народу. Тебе хочется потолкаться среди шумной толпы? Я думаю — ты вовсе этого не хочешь.

— Ты прав, Питер, прав.

— Тогда скажи мне все.

— Мне кажется, что я начинаю сходить с ума. Я не могу здесь спать, боюсь темноты, боюсь входить на кухню. Просто не могу себя заставить. Что мне делать, Питер?

— То, что ты собирался сделать год назад: переехать в дом Блэков.

— Нет, мама не хотела, чтоб мы там жили. Я не могу.

— Послушай, Бран. Это здесь ты не сможешь

жить. Здесь, где все будет напоминать о случившемся. Этот дом — жизнь твоих родителей. Но их уже нет, а твоя жизнь продолжается. Переезд — самое лучшее для тебя. Дом Блэков станет твоей жизнью так же, как и твоя клиника. Вот увидишь. Сегодня утром я разговаривал с Шелтом. Там тебя готовы принять, там тебя ждут. Мы едем немедленно, а об этом доме не беспокойся, я позабочусь и о нем, и о том, чтобы привезли все твои вещи.

Так Бран остался жить в доме своего деда, о чем никогда не жалел.

Постепенно, благодаря стараниям внимательного старика-дворецкого, прошло легкое нервное расстройство Брана. Он с головой погрузился в дела клиники и многочисленные книги по химии, казалось, напрочь забыв и о случайном убийстве Рона, и о нелепой гибели Элизабет. Но каждый год третьего августа Бран с утра запирался в кабинете дяди и не выходил оттуда до глубокой ночи. О чем думал он, неподвижно сидя за мощным дедовским столом? С кем разговаривал, беззвучно шевеля губами? Этого не дано было узнать никому.

Глава 2

— Крестный?

Бран вздрогнул и поднял голову — в нескольких шагах от стола стоял смуглый темноволосый мальчик с карими глазами Кэролайн и озорным смею-щимся взглядом Питера.

— Привет, малыш, — Бран протянул руку и усадил ребенка к себе на колени.

— Я знал, где тебя искать, — сказал Алан и, прислушавшись к чему-то, спросил: — Мама и папа ищут нас, слышишь? Твой дом самое лучшее место для «прятков».

Бран тоже прислушался и почувствовал, как судорожно забилось сердце — так происходило всегда, едва только он слышал голос Кэрри.

— Ну? Так мы будем прятаться, крестный? — нетерпеливо спросил мальчик, порываясь спрыгнуть на пол.

— Стой, — Бран удержал его, крепко сжав руки. — Я обещаю тебе, Алан, мы обязательно поиграем с тобой, и не вдвоем, а возьмем с собой Горди, Эм и всех, кого захочешь. А сейчас мы идем в гости. Ты разве забыл?

— Ладно, договорились, — Алан слез с колен Брана и выбежал в коридор.

Блэк поднялся и вышел следом за ним. В конце коридора появились Питер и Кэролайн.

— Мы не опоздали? — спросила женщина, целуя Брана в щеку.

— Нет, еще есть время, так что мы можем попить чай или кофе. — ответил Бран, пожимая протянутую руку Питера.

— Не беспокойся. Я уверен: сегодня из-за стола мы встанем только ночью — раньше нас не выпустят. Когда Кэрри стала перечислять блюда, которые они приготовили, у меня голова пошла кругом, — Питер улыбнулся. — К тому же мы еще должны захватить Коллинзов.

— Тогда едем, — Бран пропустил вперед Питера, а сам пошел рядом с Кэролайн.

— Мы только что из церкви, Бран. Поставили свечку за тетю Лиз, — сказала она, беря под руку Блэка.

— Спасибо, что не забываешь маму, Кэрри.

— Как можно. Мы с Питером своих мам не помним. Меня, сам знаешь, воспитывал папа, его — тетя по матери. Твоя мама для нас обоих была очень близким человеком, как приемная мать. Мы скучаем о ней, так же, как и ты.

Бран кивнул головой и молча пожал руку Кэролайн.

В доме Кроуфордов сегодня был праздник. Проект Центрального городского банка, сделанный Эндрю, был принят на совете директоров компании строительства — он победил на объявленном

конкурсе, а сам Эндрю стал одним из членов Ассоциации архитекторов Нед-Айленда, куда попасть можно было только имея сильного покровителя или большие деньги.

В честь этого события был приготовлен шикарный ужин: Салли, Анна и Кэролайн постарались на славу. Пока женщины накрывали на стол, мужчины курили на веранде — в комнате сидели Гордон, Эмили и Алан, изо всех сил пытающиеся вести себя прилично. Эмили в белом платье с кружевами и большим бантом в волосах боялась пошевелиться, помня о том, что утром говорила ей мама, расчесывая перед зеркалом ее длинные волосы: если девочка испачкает или порвет свое новое платье, то на наряды в дальнейшем она может не рассчитывать. Салли искренне надеялась на то, что, может быть, хоть эта угроза заставит дочку целый день провести без приключений.

Неожиданно возле дома затормозил роскошный «роллс-ройс». Водитель открыл дверцу, а затем калитку, и во двор зашел немолодой хорошо одетый человек, уверенной походкой направившийся к дому. В лучах заходящего солнца поблескивала золотая оправа его очков. Эндрю пошел ему навстречу.

— Я проезжал мимо и не смог не заехать к вам, Эндрю. Хочу еще раз поздравить и пожелать

удачи в дальнейших делах. Я верю, что у вас все будет хорошо, — сказал он, пожимая руку хозяина дома и его гостям.

— Вижу, вас пришли поздравить друзья и хочу сказать, что тут действительно есть что праздновать: Ассоциация собирается провести конкурс молодых проектировщиков, и мне кажется, что первое место займете вы.

В это время на веранду вышла Салли, следом за которой бесшумно двигалась Эмили. Незнакомец вопросительно взглянул на Эндрю.

— Разрешите представить — это моя жена Салли.

— Очень рад познакомиться с вами, госпожа Кроуфорд, — мужчина взял у подошедшего шофера огромный букет цветов, отдал его Салли и галантно поцеловал ей руку. — Я рад за вас и вашего мужа. Эндрю рассказывал мне, что на всяческие проекты его вдохновляете вы. Я убедился, что он несколько не преувеличивал. Вы действительно из тех женщин, которые вдохновляют мужчин.

Тут его взгляд упал на Эмили.

— Мне не нужно обладать чрезмерной наблюдательностью, чтобы догадаться — это ваша дочь, — он подошел к девочке и опустился на корточки. — Как твое имя, детка?

Кокетливым движением взрослой женщины девочка поправила оборочки платья и, слегка

присев, ответила:

— Эмили Кроуфорд.

— Папа твой как-то сказал, что ты очень любишь мягкие игрушки. Сегодня утром мы с сыном ездили в магазин, и там он увидел одно очаровательное существо, очень нуждающееся в хозяйке, ласковой и заботливой. Мы решили, что ею станешь ты, — с этими словами незнакомец протянул девочке черного пушистого кота с белой грудкой Эмили всплеснула руками — на прошлой неделе в витрине игрушечного магазина они с мамой видели точно такого, но не смогли купить, потому что был выходной день.

— Что говорят в таких случаях, Эмили? — спросил Эндрю, взглянув на дочь.

— Я очень, очень благодарна вам, — сказала девочка и на несколько секунд прижалась губами к подставленной ей гладко выбритой щеке незнакомца.

— Господин Брестон, прошу вас разделить с нами трапезу, — в голосе Эндрю проскользнула никем незамеченная нотка неуверенности.

— Благодарю, Эндрю. Я знаю, что присутствие незнакомца человека немного сковывает всю компанию и поэтому хочу просто сказать вам тост и удалиться, — гость приподнял вверх хрустальный бокал. — Желаю вам, Эндрю, дальнейших успехов, благополучия и достатка в

семье. Пусть всегда в этом доме собираются ваши друзья, и дети пускай приносят только радость.

Он одним глотком осушил бокал, обвел всех присутствующих теплым взглядом светло-карих глаз и добавил:

— Теперь мне пора. Хочу поблагодарить хозяев за гостеприимство и пожелать всем приятного вечера.

Эндрю проводил своего гостя до машины, а затем вернулся в дом. Его тут же обступили, спрашивая, кто это был.

— Этот человек — Эжени Брестон — главный архитектор Нед-Айленда.

— Да ну? Вот не подумал бы, что такая шишка снизойдет до нас, — присвистнул Стив.

— Он совсем не похож на кичливого миллионера. — вторила ему Анна.

Эндрю улыбнулся:

— Знаете, в Ассоциации почти все люди очень надменные, смотрящие свысока на тех, кто не вхож в их круг. И еще я заметил, что чем меньше занимаемая в Ассоциации должность, тем больше гонора.

— Эндрю, я знаю, ты никогда не станешь таким, как они, — ты такого же склада, как Бран, — Кэрри опустилась в кресло и взглянула на Кроуфорда.

— Мне показалось, что господин Брестон

очень грустный, несмотря на то, что все время улыбался. Его глаза... Не знаю, как сказать — у него какой-то потухший взгляд.

— Ты права, Кэрри. В наблюдательности тебе не откажешь. Богатые люди ничем не отличаются от бедных.

— Кроме счета в банке, — ехидно вставил Стив.

— Да. Но даже этот счет не страхует их от неприятностей и горя. Менее чем год назад у господина Брестона погибла жена. Это была самая дружная пара в высшем свете Нед-Айленда, — начал Эндрю.

— Да, я помню, что читала в светской хронике — Чарити Брестон — дочь лорда Брикберри, лишенная наследства из-за того, что вышла замуж за неизвестного тогда еще архитектора, к тому же наполовину француза, а лорд терпеть не мог французов. Но когда дела зятя стремительно пошли в гору и когда родился внук, Брикберри помирился с дочерью и признал ее семью. В газетах также писали о редком для женщины увлечении Чарити — самолетами. Ее муж этого не одобрял, но не сумел устоять перед ее просьбами и купил ей маленький спортивный самолет, чтоб жена не пропадала в авиаклубе. Писали, что Чарити была отличным пилотом... Несчастный случай — самолет взорвался в воздухе, когда она заходила на

посадку. Женщину и похоронить толком не смогли, потому что от нее ничего не осталось, — передернув плечами, Анна налила себе вина в маленькую рюмочку и залпом выпила. — Я когда увидела в газете фотографию Чарити Брестон и представила себе этот страшный взрыв, то несколько месяцев не могла спокойно смотреть на самолеты в небе.

— Самым жутким было то, что все это произошло на глазах мужа и сына. У ребенка был сильный шок, потом на некоторое время его увезли в Лондон к деду и незамужней тетке. А господин Брестон сам не свой после случившегося, и кое-кто в Ассоциации начал нечистую игру против него, думают воспользоваться его состоянием.

На некоторое время в комнате воцарилась тишина.

— Что мы все о грустном, ребята? Давайте поговорим о виновнике нашего сегодняшнего торжества, — сказал Бран. — Господин Брестон очень симпатичный человек и мне показалось, что ему нравится наш Эндру и в дальнейшем он его поддержит.

Все как-будто ждали этих слов — тотчас одновременно заговорили, на время забыв о своих детях.

Глава 3

На дорожке, ведущей к дому, появилась соседка Кроуфордов, не раз выручавшая их, забирая к себе Эмили, когда тем необходимо было куда-то уйти. В одной руке она несла аппетитного вида пирог, другой тянула за собой внука, четырехлетнего Сирила, на шее которого в разные стороны болтался красный барабан. Мальчик упирался и сопел, судорожно сжимая в руках барабанные палочки.

— Тетя Кэйт! Как хорошо, что вы зашли! — сказала Салли, идя ей навстречу.

— Ну как же, как же, девочка. Как же я могла не поздравить Эндрю? — запыхтела женщина, грузно взбираясь на веранду.

— Посидите с нами, тетя Кэйт, послушайте похвалы своему знаменитейшему пирогу, — Эндрю потянул ее за стол. — Никто в Нед-Айленде не печет такого пирога, как тетя Кэйт.

— Ну, ты преувеличиваешь, Эндрю, — краснея от удовольствия, ответила соседка. — Только посидеть с вами я не смогу: видите, какой у меня хвост?

— Вот еще проблема! Давайте сюда своего внука. Сирил, пойдем, малыш, я тебя познакомлю с Аланом и Горди, — Салли направилась в дальний угол веранды и всплеснула руками. — Вы что же,

мои милые, две коробки конфет за один раз съели? Эмили, ты такая замарашка, ну-ка, иди умойся! А вы, мальчики, займитесь Сирилом, развлеките его.

Эмили быстро побежала в дом, сжав пальцы в кулачки и держа руки на безопасном расстоянии от платья. Алан и Гордон приблизились к Сирилу, который тут же насупился и отчаянно вцепился в свой барабан. Через несколько минут мальчик верещал на весь двор от восторга: сначала его качали на качелях, а затем быстро катали на велосипеде по площадке, поднимая столбы пыли.

Взрослые были увлечены беседой, а у Эмили сердце рвалось пополам: ей ужасно хотелось к Алану и Гордону, так же побегать и повозиться в песке, но платье, великолепное белое платье с кружевами, накладывало немой запрет на это предприятие. Поэтому Эмили стояла на веранде, тоскливо поглядывая то на взрослых, то на мальчиков, затеявших играть в футбол.

— Эмили! Иди к нам! — в который раз звал ее Алан, ему вторили Горди и даже Сирил, весело махавший ей коротенькой пухлой ручкой.

Последний взгляд на взрослых — и девочка, не чуя ног, бежала на площадку. Белые кружева взметнулись в одном из столбов пыли. Через некоторое время мяч неизвестным образом угодил в один из соседних дворов и покатился по откосу огорода вниз.

— Там нет никого. Я достану, — заявил Сирил.

— Нет. Оставайся здесь, — возразил ему Алан.

— Н-е-е-т! Я сам! — взвыл Сирил.

— Ну пусть пойдет — иначе заплачет, — сказал Гордон. — Иди, только осторожно. Там, кстати, собак нет?

Сирил смерил его насмешливым взглядом и гордо направился к забору, не забыв нацепить барабан и протестуя его снять. Мальчик отодвинул одну из досок, очевидно, он делал это не в первый раз и, довольный произведенным эффектом, скрылся в зарослях. Правда, через считанные секунды раздался его нервный вой, и Алан с Гордоном живо перелезли в сад на выручку Сирила. После короткого колебания Эмили опустилась на колени и тоже оказалась в саду.

Мальчики спасали Сирила, умудрившегося запутаться в какой-то проволоке и опрокинуть на себя огородное пугало. Наконец, малыш был освобожден и все вместе отправились на поиски мяча. По невероятной случайности пройдя через все грядки, кусты малины и крыжовника, дети обнаружили его в соседнем дворе, где зло заливался огромный, лохматый пес, а в уголке сада в кресле сидела маленькая старушка и читала книгу. Долгое время дети наблюдали за ней из-за куста черной

смородины, боясь показаться.

— Она похожа на фею из сказки. Правда? — спросила Эмили.

— А может, она и есть фея... или колдунья, — ответил Гордон.

— Злая? — дрогнувшим голосом спросил Сирил, готовясь к отступлению.

Горди лукаво взглянул на него и зловеще ответил:

— Очень злая!

Сирил охнул и, рванувшись назад, зацепился ногой за ветки смородины. Он вскрикнул от испуга, и старушка, подняв голову, увидела их.

— Извините, пожалуйста. Не могли бы вы подать нам мяч, он закатился в ваш двор. Мы не нарочно.

Старушка встала и начала оглядываться по сторонам.

— Где он? Детка, я не вижу. Перелезайте сюда, не бойтесь.

Когда мяч был найден, и дети собирались уходить, Сирил заметил:

— Какие у вас большие абрикосы. Они сладкие?

Старушка улыбнулась и предложила им нарвать абрикос, сколько захотят. Затем, спохватившись, она спросила:

— Может, вы голодные? Хотите поужинать?

Прежде чем кто-либо открыл рот, чтобы вежливо отказаться: ведь они пришли за мячом, а не для того, чтобы объедать старушку, Сирил поспешно сказал:

— Да, мы очень голодные, особенно я.

С этими словами мальчик живо подбежал к круглому столу под шелковицей, уселся за него и вопросительно взглянул на хозяйку.

— А вы что же стоите? Присоединяйтесь, — рассмеялась старушка и направилась к дому.

— Простите, пожалуйста, но мы не голодны. Не беспокойтесь, — сказал Алан, уничтожающе взглянув на Сирила.

— Но, я надеюсь, чай с вареньем и тортом вы все-таки не откажетесь попробовать?

— Не откажусь, нет, — забубнил Сирил.

— Вот и отлично, — ответила старушка и пошла в дом. Вскоре она вернулась и с улыбкой стала наблюдать за тем, как дети принялись за ее угощение.

В это время из дома напротив вышла женщина в белой футболке и зеленых бриджах. Она подошла к забору и спросила:

— Откуда у вас, Мери, взялось столько очаровательных детей?

— Это мои гости, Сьюлин, неожиданные, но очень приятные.

— Понятно. А откуда же вы пришли, гости?

— Оттуда, — ответил Гордон, махнув рукой в неопределенном направлении. — Кажется, вы собираетесь поливать?

— Да, собираюсь. А что? Хотите помочь мне?

— Очень хотим. Если можно, конечно, — ответил Алан.

— Мне будет приятно, если вы поможете.

Поблагодарив старушку, Алан и Гордон перелезли через забор и очутились в огороде ее соседки. Поочередно они брали в руки шланг, старательно поливали указанные Сьюлин участки земли, не забывая, однако, немного пошалить. Эмили и Сирил предпочли остаться за столом с Мери и оттуда наблюдать за своими друзьями, любясь сверкавшими в лучах заходящего солнца фонтанами воды.

— Что здесь происходит? Кто это такие и почему их впустили в мой сад? — раздался сердитый голос, и на стол легла тень.

Старушка и дети оглянулись. За их спинами стояла невысокая худая женщина с вытянутым лицом и выпученными, как у жабы, глазами.

— А ну-ка, уходите! Это ваши дети, Сюзанна? Заберите их.

— Идите ко мне, — сказала Сьюлин, делая знаки, чтобы они поторапливались.

— Тетя Мина не любит детей, а тем более гостей.

— Я Дина, а не Мина! — крикнула женщина.

— В самом деле? Ну а я Сьюлин, а не Сюзанна.

— Нет, это невыносимо. И я должна жить по соседству с такой персоной, — женщина закатила глаза, а затем уставилась на старушку. — На каком основании вы, мама, распоряжаетесь моим добром, прикармливаете неизвестно кого? Я знаю, вы с радостью раздали бы все имущество случайным прохожим. Но запомните: вам тут ничего не принадлежит...

Голос Дины становился все визгливей и противней.

— Кто это? — спросила Эмили.

— Это жена сына Мери. Ох, и хлебнула она с ними, точнее с Диной. Она обижает Мери по любому пустяку, настраивает против нее своего мужа, а вообще все здесь принадлежит Мери... Но она добрая и безответная.

— Вы никому не нужны. Вы — лишняя обуза. На днях мы с Томом решили отдать вас в приют для стариков, — продолжала Дина.

Алан, поливавший клумбу, внимательно слушал ее, угрюмо глядя на струю воды. Но когда прозвучала последняя фраза, и он увидел, как по доброму лицу Мери катится слеза, терпение его истощилось. Мальчик вскинул вверх шланг, а затем направил его прямо на Дину. От неожиданности и

пронизывающего холода воды, женщина издала звук, похожий на крик свиньи, которую режут. Мокрое платье облепило ее тело, выставив на обозрение торчащие кости. От смеха Сьюлин чуть было не упала на траву.

— Маленький негодяй! Бандит! Да это же хулиганы! По вам тюрьма плачет! Я вызову полицию! — орала Дина.

— Нам лучше уйти, — сказал Гордон, дергая Алана за руку.

Спустя несколько минут все четверо оказались на незнакомой улице, оставив позади большой сад Сьюлин.

— Ты молодец, Алан. Если бы я поливал в это время, я бы тоже облил эту тетку, — сказал Гордон.

— И я тоже, — добавила Эмили.

— И я, — с некоторым сомнением произнес Сирил, восхищенно глядя на Алана.

— Нам пора возвращаться. Нас, наверное, ищут, — Эмили огляделась вокруг. — Но я не совсем знаю по какой дороге надо идти. Во всяком случае, больше не будем залезать в чужие сады. Ладно?

— Хорошо. Сейчас найдем дорогу, — ответил Алан.

Миновав пять домов с огромными огородами, дети вышли к новому повороту улицы и услышали чей-то плач, доносившийся из-за кустарников и

раскидистых деревьев. Пройдя через них, ребята вышли к озеру удивительно правильной формы. На его берегу стояла маленькая девочка и громко всхлипывала.

— Почему ты плачешь? Тебя кто-то обидел? — спросил Алан.

Девочка замотала головой и ответила, указывая на озеро:

— Я катала в лодке Артура и уронила веревочку. Он обязательно утонет, потому что лодка уплыла далеко.

Алан и его друзья посмотрели в направлении, указанном девочкой: недалеко от берега плавало деревянное корытце, в котором сидел большой румяный пупс с круглыми голубыми глазами. Девочка вновь начала плакать. Недолго думая, к ней присоединился Сирил.

— Успокойтесь, сейчас мы достанем твою куклу, — пообещал Алан.

Мальчики разыскали длинную палку, сняли ботинки и закатали до колен брюки. Затем Алан пошел вперед и склонился над водой, протянув к корытцу руку с палкой. За другую руку его держал стоящий позади Горди. Перестав волноваться за судьбу бедного Артура и пребывая в полной уверенности в его спасении, Эмили, приподняв платье, зашла в воду, намереваясь сорвать росшую недалеко от берега кувшинку.

В это время раздался вопль Сирила. Оглянувшись, друзья увидели, что он сидит на земле, а рядом стоит рыжий мальчик, с ухмылкой рассматривая отнятый барабан. Изменив свои планы, Эмили развернулась к берегу. Ее ноги попали на скользкое место дна и, потеряв равновесие, девочка шлепнулась в тинистую воду, что очень позабавило обидчика Сирила. В это время Артур был извлечен из воды и тотчас возвращен счастливой девочке, на лице которой вмиг просохли слезы и заиграла улыбка. После этого Горди помог Эмили встать и добраться до берега, а Алан преградил дорогу рыжему и очень вежливо попросил вернуть барабан малышу.

— Еще чего! — ухмыльнулся рыжий и дернул Сирила за ухо, наслаждаясь еще более усилившимся воем. Не будучи многословным, Алан тотчас перешел к делу и закатил такую затрещину, что рыжий свалился на землю, выронив барабан, которым мгновенно завладел Сирил. Рыжий вскочил на ноги и, сцепившись с Аланом, вновь покатился по земле. Через несколько минут раздался его крик о помощи, на который из зарослей кустов выскочило пятеро мальчишек с этой улицы. Навстречу им поднялся Горди, сидевший на песке и с интересом наблюдавший за поединком своего друга. Довольно неравный бой продолжался, однако, долгое время. Эмили

присоединилась к своим друзьям, больше не думая о своем и так испорченном платье. Не остался в стороне и маленький Сирил: увидев, как какой-то мальчик со всклокоченными волосами уселся на грудь Гордона, он изо всех сил ударил его по голове барабаном, с изумлением и нарастающей горечью увидев, как голова мальчишки прошла сквозь него, разорвав и превратив в ошейник. Бой был прекращен чьим-то властным окриком. Нападающие бросились врассыпную. На берегу осталась только незадачливая четверка.

— Ба! Кого я вижу! Алан, Горди, Эмили, Сирил! — к детям медленно подходил отец Сэдрик. — Как вы здесь очутились и где ваши родители?

— Дома, отец Сэдрик, — ответила Эмили, тщетно пытаясь привести в порядок свое платье.

— Мы искали мяч, а потом дорогу домой и попали сюда случайно, — сказал Алан, вставая с земли и потирая ушибленное плечо.

— Их было много, но мы не отступили, — заявил Горди, вытирал грязное лицо и выплевывая изо рта песок.

— У меня сломался барабан, болит ухо, и я хочу есть, — заныл Сирил.

Сдержав улыбку, отец Сэдрик строго сказал:

— Пойдемте, я отведу вас к родителям. Очевидно, им неизвестно, где вы.

— А где были вы, отец Сэдрик? — спросила Эмили.

— Недалеко отсюда умерла пожилая женщина, и я ходил в ее дом. Но лучше не надо об этом. Пойдемте. Ты куда, Алан? — отец Сэдрик недоумевающее взглянул на мальчика, направившегося к пруду.

— Я сейчас, — заверил Алан. Зайдя почти по грудь в воду, он сорвал пять красивых кувшинок и, вернувшись, отдал их Эмили.

— Вот. Ты, кажется, собиралась взять их с собой.

Кэрри вышла позвать ребят к столу и, удивленно озираясь вокруг, поняла, что они исчезли.

— А где дети? — удивленно приподнял брови Стив, за что сразу же получил подзатыльник от Анны.

Когда стало понятно, что сколько бы их не звали с крыльца, дети все равно не появятся, мужчины отправились на поиски.

— Господи, только бы с ними ничего не случилось, — запричитала тетя Кэйт.

Не успели мужчины пройти и половину двора, как до их слуха донесся странный звук, похожий на завывание полицейской сирены.

— Сирил! — радостно вскрикнула тетя Кэйт и стала спешно спускаться с веранды.

В это время глазам всех присутствующих предстала странная процессия, на которую с улыбкой посматривали прохожие. Впереди всех шел и громко вопил Сирил. На его шее болтался разорванный барабан, в красные бока которого мальчик методически ударял палками. Позади него шли Алан и Гордон, похожие на вывалившихся из печи трубочистов. Замыкал шествие отец Сэдрик в развевающемся на ветру черном облачении. За руку он держал рыжеволосую зеленоглазую нимфу с красивыми кувшинками в руках, одетую в мокрое, покрытое тиной платье, в которой Салли с ужасом узнала свою дочь.

— У меня просто нет слов, — констатировал Стив.

Вечером, когда стемнело, в доме все равно продолжалось веселое застолье, к которому почти насильно был присоединен отец Сэдрик.

— Еще одна подобная выходка... Ты меня знаешь! — сказал Стив, остановившись на пороге комнаты, где должны были провести ночь дети.

— Уходи, Стив. Они устали, — Салли вытолкнула мужчину и закрыла дверь. Она знала, что Стив обожает своего сына, но почему-то никогда не показывает этого и обходится с ним зачастую незаслуженно строго.

— Мама, расскажи нам сказку. Страшную, — попросила Эмили.

— Страшную? Но ведь вы потом не сможете спать.

— Нет, тетя Салли. Мы не будем бояться, ведь мы вместе. Но если хотите, расскажите нам не очень страшную сказку, — попросил Алан.

— Ну хорошо, — женщина потушила свет и присела в мягкое кресло рядом с кроватями детей.

Несколько минут она молчала, глядя в открытое окно, за которым стоял тихий вечер, догорал закат и легкий ветер перебирал листья деревьев в саду.

— Жила-была на свете одна семья. Мама, папа и их дети: девочка и мальчик. Они очень любили друг друга и были счастливы. Но однажды случилось несчастье: папа этих детей умер, а маму околдовал один злой человек и женился на ней. Он сразу невзлюбил девочку и мальчика и мечтал избавиться от них. Жизнь брата и сестры стала просто невыносимой. Единственной их радостью был дедушка, к которому они ходили в гости, когда отчим отлучался из дома. Следует сказать, что он был не просто злым человеком, а людоедом. Днем он выслеживал маленьких детей, а ночью залезал в открытые от духоты окна и воровал их прямо из кроваток, уносил в подвал своего дома, убивал и ел, — Салли остановилась и спросила: — Вам не страшно? Что-то вы притихли.

— Нет, — одновременно ответили мальчики.

— Не страшно, — робко отозвалась Эмили. — Мама, может, мы закроем окно?

Салли улыбнулась и молча выполнила просьбу дочери.

— А что было дальше? — спросил Алан.

— Дальше было вот что: девочка узнала о том, что муж ее матери людоед, но ей никто не поверил. Однажды мама детей куда-то уехала, и отчим решил расправиться с ними. Однако девочке удалось убежать вместе с маленьким братом, которого она вырвала из рук злодея. Дети побежали через лес к своему дедушке. Неожиданно из-за ствола одного очень толстого дерева выскочил людоед с горящими глазами — он побежал наперерез детям, когда им удалось сбежать, и поджидал их в засаде. Казалось, что на этот раз им не спастись, но в этот момент появился Хранитель леса. Он расправился с людоедом, вернул детей домой, а потом женился на их маме. И стали они счастливо жить все вместе.

После того, как ушла Салли, Эмили никак не могла уснуть. Она слышала ровное дыхание спящих мальчиков, ворочалась, стараясь найти удобное положение, а сон все не шел к ней. Окно вызывало смутное чувство страха. Вот зашелестели листья и трава, мимо стекла промелькнула черная тень. Может, это людоед, подкрадывающийся к дому? Девочка зажмурилась и свернулась калачиком.

Неожиданно совсем близко раздались осторожные шаги — рядом стоял Алан. Он опустил на колени возле ее кровати. Лунный свет лег на его лицо.

— Ничего не бойся, Эмили, — полушепотом сказал мальчик. — Я всегда буду рядом с тобой.

Он замолчал, и по его лицу прошла странная тень, а затем добавил:

— До тех пор, пока это будет возможным. Но я никогда не оставлю тебя, пока не пойму, что рядом с тобой человек, который способен защитить от любой опасности.

Эмили, переставшая бояться появления людоеда, согласно закивала головой и вскоре заснула безмятежным сном, каким спят дети.

Глава 4

В просторной комнате полукругом сидели три супружеские пары. Бран опирался на маленький столик и застегивал рукава рубашки, время от времени поглядывая на середину комнаты. Салли вытирала платком глаза. Стив еле сдерживал улыбку, настолько забавной ему казалась рассматриваемая всеми маленькая группа.

В центре комнаты плечом к плечу, как на допросе, стояли Алан, Эмили и Гордон. Левые руки всех троих были забинтованы по локоть.

— И какого черта вы это сделали? — спросил Стив, сердито сдвинув брови.

— Мы поклялись, что никогда не забудем друг друга, что бы ни случилось, — ответила Эмили.

— И свою клятву вы закрепили кровью, — констатировал Бран. — Но ради Бога, почему вы резали вены, когда достаточно было просто проколоть палец?

— Мы решили, что кровь из пальца — это недостаточно сильно, по-детски. Кровь из вены связывает по-настоящему, навсегда, — объяснил Алан.

Салли всхлипнула и, вытерев платком набежавшие слезы, сказала:

— Они были все в крови, когда я вошла. Не знаю, как устояла на ногах, — женщина взглянула на детей. — Вы понимаете, что могли истечь кровью, если б я не зашла вовремя, если бы дяди Брана не был поблизости?

— Мы как раз собирались наложить жгуты, мама. Неужели ты думаешь, что мы стали бы делать это, если б не знали, как остановить кровь? — с некоторым возмущением спросила Эмили.

— Очень уж вы умные, как я погляжу. Просто неизвестно, чего от вас ожидать в следующий раз. Тем не менее, мы просим вас не повторять таких опытов — это очень дорого может обойтись всем

нам. Сейчас ступайте вниз и никуда не уходите — каждому из вас несколько дней придется посидеть дома и восстановить силы — дядя Бран говорит, что вы потеряли приличное количество крови, к счастью, вас не нужно госпитализировать, — Кэрри ожидающе взглянула на детей. Те послушно вышли из комнаты.

— Пойдем ко мне, — Алан прошел по коридору и толкнул дверь, плотно закрыв ее после того, как Эмили и Гордон вошли.

Эмили опустилась на кровать и принялась разглядывать свою руку.

— Мне так жалко стало маму, — сказала девочка. — У нее было такое выражение лица, когда она увидела нас...

— Тетя Салли очень переживает. Ты попробуй ее дома успокоить и заверить, что ничего страшного не произошло, — Алан открыл окно и сел на подоконник.

— Вообще все женщины очень нервные и всего боятся. За исключением некоторых, — поправился Гордон. — Эмили держалась очень хорошо. Правда?

Алан утвердительно кивнул. Взгляд Гордона привлекла висевшая на стене картина. Он подошел поближе и, не отрываясь от нее, спросил:

— Откуда она у тебя? Я ее раньше, кажется, не видел.

— Конечно, не видел — она появилась только вчера, — Алан спрыгнул с подоконника и подошел к другу. — Мы с папой зашли в «Лавку живописи» и встретились там с очень интересным человеком. Он — художник и в то же время путешественник, объехавший чуть ли не весь мир. Мне понравилась его картина, и он подарил ее мне на память.

— А что за местность он нарисовал? Где она находится?

— В Перу. Художник нарисовал маленькую часть Анд — снежную вершину Уаскаран. Жаль, что я не спросил его имени, как-то не подумал... Так вот, он рассказал о долине реки Сайты — самом красивом месте горного Перу, и еще о том, что недалеко от Уаскаран есть высокогорное озеро Льягануко, которое стоит увидеть. — на мгновение Алан замолчал, а затем спросил Гордона, нравится ли ему эта картина.

— Очень. Мне захотелось хоть раз побывать там.

— Может быть, мы сможем уехать туда, — задумчиво сказал Алан.

— И, кто знает, может это произойдет раньше, чем мы предполагаем, — Эмили подошла к друзьям и принялась внимательно рассматривать картину, чувствуя, что тоже поддалась неведомой дали, которая манила и звала к себе.